

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. В. Курукин

**Жизнь и труды
Сильвестра,
наставника царя
Ивана Грозного**



И. В. Курукин Жизнь и труды Сильвестра

Издательство



КВАДРИГА



МОСКВА
Квадрига
2015

И. В. Курукин

**Жизнь и труды
Сильвестра,
наставника царя
Ивана Грозного**



МОСКВА
Квадрига
2015

УДК 27-726.3:94(470.6)"16"

ББК 86.372+63.3(2)43

К93

Курукин И. В.

К93 Жизнь и труды Сильвестра, наставника царя Ивана Грозного / И. В. Курукин. – М.: Квадрига, 2015. – 192 с. – (Исторические исследования).

ISBN 978-5-91791-172-4

Особое место в истории России занимает середина XVI в. – важный этап образования централизованного государства, отмеченный крупными успехами во внешней политике, подъемом общественной мысли и культуры.

Работа посвящена деятельности публициста и ближайшего советника Ивана IV – священника Сильвестра. Грозный и Курбский указывали на его исключительное положение как одного из руководителей правительства в 50-е гг. XVI в., которое сменил опричный террор.

С Сильвестром связывают создание выдающихся памятников литературы и искусства (Домостроя, Степенной книги, росписей кремлевских палат), идеологически обосновывавших могущество царской власти.

Классическая диссертация И. В. Курукина (1981) охватила все известные на тот момент источники и ввела в оборот новые. Автор смог нарисовать портрет выдающегося государственного деятеля и существенно уточнить ход исторического развития России середины XVI в.

УДК 27-726.3:94(470.6)"16"

ББК 86.372+63.3(2)43

На контртитule – присяга Боярской Думы (март 1553 г.) во время тяжелой болезни Ивана Грозного. *Лицевой летописный свод. 1560–1570-е гг.*

На переплете:

1-я сторона – священник Сильвестр на памятнике «Тысячелетие России».

М. Микешин и И. Шредер. 1862.

4-я сторона – Иван Грозный на пушке «Ревельский лев». XVI в.

ISBN 978-5-91791-172-4

© Курукин И. В., 2015

© Издательство «Квадрига», оформление, 2015

© Тихонюк И. А., Шакиров Н. А.,
дизайн переплета, 2015

«Был поп Селивестр...»

Летом 1564 г. царь Иван Васильевич размышлял над посланием своему бывшему боярину князю Андрею Курбскому. Только что «отъехавший» в Литву князь упрекнул государя в гонениях против своего же окружения – «доброхотных твоих и душу за тя полагающих». В ответ Иван IV с обидой вспомнил про одного из главных своих советников: «...совета ради духовного и спасения ради души приях попа Селивестра, а чающее того, что он, предстояния ради у престола Владычня, побережет своя души, а он, поправ свещенные обеты и херотонию иже со аггелы у престола Владычня предстояния... сперва убо яко благо нача, последуя Божественному Писанию. Мне же ведешу в Божественном Писании, како подобает наставником благим покорятися без всякого рассуждения, и сему, совета ради духовного, повинухся волею, а не в неведение; он же восхитился властию, яко же Илия жрец, нача совокуплятися в дружбу подобно мирским»¹.

Под пером мнительного царя фигуры Сильвестра и окольного Алексея Адашева превратились в узурпаторов: «Тако же поп Сильвестр со Алексеем здружились и начаша советовати отаи нас, мневше нас неразумных суще; и тако, вместо духовных, мирская нача советовати, и тако помалу всех вас бояр в самовольство нача приводити, нашу же власть с вас снимающе... и ни единые власти оставиша, идеже свои угодники не поставиша, и тако во всем свое хотение улучиша». Царь обвинял недавних наставников и в неправильной раздаче вотчин, и в самовольном решении политических споров, и даже в том, что ему, царю, «ниже во внешних, ниже во внутренних, ниже в малейших и худейших, глаголю же до пища и до спания, все не по своей воле браху, но по их хотению творяхуся; нам же аки младенцем пребывающим»².

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 30.

² Там же. С. 30–31.

Так грозный царь стал творцом легенды о всемогущих правителях страны, которую подхватил – с диаметрально противоположных позиций – его оппонент, князь Курбский. Но если деятельность А. Ф. Адашева хоть как-то отражена в документах XVI в., то личность и дела Сильвестра остались в тени. По этой причине о нем высказывались взаимоисключающие суждения – то как о выразителе интересов боярской оппозиции, то как о представителе торгово-посадских кругов; ему приписывали и близость к «нестяжателям» и связи с «иосифлянами»; его влиянием объясняли благотворные перемены в характере царя – и его же обвиняли в разжигании религиозного фанатизма...

Много лет назад мой учитель, Сигурд Оттович Шмидт (1922–2013), в своей кандидатской диссертации «Правительственная деятельность А. Ф. Адашева и восточная политика русского государства в середине XVI столетия» (М., 1949) впервые установил подлинную роль этой фигуры в процессе становления России как державы. Он же и предложил мне сюжет о Сильвестре, как тему самостоятельного научного изучения. Так родилась эта работа, в которой ее автор попытался собрать все доступные источники о жизни и трудах благовещенского священника.

Можно с достаточным основанием утверждать, что Сильвестр был новгородцем и прибыл в Москву, скорее всего, вместе с митрополитом Макарием. После восстания 1547 г. Сильвестр вместе с А. Ф. Адашевым стал советником и, возможно, духовником царя Ивана IV, поскольку входил во все подробности его жизни вплоть «до пища и до спания». Сильвестр участвовал в работе Стоглавого собора; руководил работами по восстановлению убранства кремлевских соборов после пожара 1547 г.; в «деле дьяка Висковатого» на церковном соборе 1553–1554 гг. он предстает знатоком церковной живописи. Сильвестр учил молодых людей грамоте и был настоящим книжником: в составе московских и петербургских хранилищ известны 32 принадлежавших ему рукописи.

Он давал богатые вклады в Кирилло-Белозерский монастырь – в том числе «пуд ладану, пол два пуда сандалу, пуд брынцу, 15 гривенок перцу, колокол 8 пуд, да старые колокола зазвонные перелил, прибавил своей меди 4 пуда». Из ливонских источников следует, что Сильвестр и его сын, дьяк и казначей Анфим имели деловые отношения с немецкими купцами Нарвы и её бургомистром И. Крумхаузенем накануне Ливонской войны.

Известны три послания Сильвестра (царю, князю А. Б. Горбатову-Шуйскому и неизвестному опальному) и поучение сыну Анфиму

во второй редакции Домостроя, редактором которого большинство исследователей считает Сильвестра. Кроме того, Сильвестр был автором Жития княгини Ольги в Степенной книге. Достоверно принадлежащие ему сочинения, за исключением послания Анфиму, носят отвлеченный характер, и не дают возможности составить однозначное представление о его политических взглядах. Тем не менее, можно говорить, что он участвовал в важнейших идеологических мероприятиях, направленных на упорядочение жизни московского общества (Домострой), на оформление идеи «святорусского царства» (Степенная книга).

Похоже, что соседство умного и опытного советника стало тяготить царя, убежденного в превосходстве и исключительности своего высокого положения. Но Иван IV не мог привести конкретных свидетельств его «измены»: в своей переписке с Курбским царь поминал только его «отягчения словесная», «злые советы» и «утеснения» и возмущался тем, как можно было «попу повиноваться». Он признал, что его духовный наставник «своею волею отоиде» от двора, «нам же его благословне отпустившим». Пожалуй, единственное конкретное обвинение – «о германских градах супротивословия попа Сильвестра и Алексея Адашова и всех вас на всяко время, еже бы не ходити бранию», и перемирие, заключенное с ливонцами весной 1559 г.³ Государь мечтал о покорении всей Ливонии, тогда как его советники предпочитали ограничиться уже сделанными завоеваниями и не вступать в затяжную борьбу с соседними государствами – Польшей, Швецией, Данией. Эти разногласия вызвали разрыв Ивана IV со своими советниками. Вопреки утверждению А. М. Курбского в «Истории о великом князе московском» о ссылке Сильвестра в Соловецкий монастырь, он постригся в Кирилло-Белозерском монастыре; уже оттуда бывший царский наставник пожертвовал на Соловки вклад в 219 рублей и целую библиотеку – 66 книг.

Даже спустя много лет царь с гневом вспоминал «собацкую власть» своих советников, желавших, в его представлении, «под ногами своими всю Русскую землю видети». А потомкам после опричных репрессий и Смуты времена Адашева и Сильвестра казались эпохой процветания: «А как он (Адашев. – *И. К.*) был во временах, и в те поры Русская земля была в великой тишине и во благоденстве и управе. А кому откажет – тот вдругорядь не бей челом; а кой боярин челобитной волочит – и тому боярину не пробудет без кручины от

³ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 33, 38.

государя; а кому молвит хомутовкою, тот больши того не бей челом, то бысть в тюрьме или сослану. Да в ту же пору был поп Селивестр и правил Рускую землю с ним заодин, и сидели вместе в ызбе у Благовещения...», – такую характеристику им давал автор Пискаревского летописца, составленного в 40-е гг. XVII в.⁴

Данная работа была подготовлена в 1981 г. Публикуя текст сейчас, автор не считает возможным его редактировать и исправлять – что сказано, то сказано. Изменены в соответствии с современными лишь названия архивных учреждений, документы которых использованы в ссылках, а библиография оформлена в соответствии с сегодняшними требованиями. Автору остается только указать на фундаментальный справочник, содержащий наиболее полные данные о Сильвестре и библиографию работ о нем⁵. В качестве приложения помещены три статьи, материал которых лишь частично вошел в работу.

⁴ Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34. С. 181–182.

⁵ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.) / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1989. Ч. 2. С. 323–333.

СИЛЬВЕСТР
Политическая
и культурная деятельность
(источники и историография)



АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

На правах рукописи

КУРУКИН Игорь Владимирович

Сильвестр.
Политическая и культурная
деятельность
(источники и историография)

Специальность 07.00.02 «История СССР»

Диссертация на соискание ученой
степени кандидата исторических наук

Научный руководитель –
д. и. н., проф. Шмидт С.О.

Москва, 1981

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы исторического развития России XVI в. уже около 200 лет вызывают споры при объяснении сложных явлений и процессов социально-экономической и политической истории страны «на пороге нового времени». Особое место в трудах исследователей отводится середине XVI в. – важному этапу в образовании Российского централизованного государства, когда было положено начало реформам, направленным на укрепление государственного единства и централизации; отмеченному крупными успехами во внешней политике, подъемом общественной мысли и культуры. К. Маркс оценивал 50-е гг. XVI в. как «период успехов», который «совпадает с временем правления Адашева и влияния Сильвестра»¹ – выдающихся государственных деятелей своего времени.

Настоящее исследование посвящено изучению разносторонней деятельности известного публициста и ближайшего советника Ивана IV Сильвестра, роль которого как одного из руководителей т.н. «Избранной Рады» отмечена современниками и не подвергалась сомнению историками. Близкий по происхождению и интересам и посадским кругам, Сильвестр всецело обязан своим возвышением эпохе реформ 50-х гг. XVI в. Его имя связывают с созданием выдающихся памятников литературы и искусства (Домостроя, Степенной книги, росписей кремлевских палат), идеологически обосновывавших возросшее могущество царской власти. Несомненна и причастность Сильвестра к борьбе в правящих кругах по вопросам внутренней и внешней политики.

В историографии, начиная с конца XVIII в., личность и общественно-политическая деятельность Сильвестра постоянно затра-

¹ Маркс К. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. М., 1945. Т. 8. С. 165.

гивались как в специально посвященных истории XVI в. работах, так и в обобщающих трудах, и вызывали крайне противоположные суждения, благодаря существованию ярких, но в высшей степени тенденциозных характеристик этой фигуры в переписке Ивана Грозного и Курбского. К тому же изучение долгого царствования Ивана IV затронуло столь важные вопросы направления исторического пути развития России, что нередко при характеристике событий 50-х гг. XVI в. общие построения последователей превалировали над изучением конкретного материала, и их итоговые выводы как бы проецировались на малоизученные данные источников о политической роли Адашева, Сильвестра и других лиц из окружения Ивана IV.

В советской исторической науке интерес к изучению жизни и деятельности выдающихся государственных и общественных деятелей русской истории (в том числе и XVI в.) заметно возрос, а работы советских историков в этой области привели к выявлению и публикации новых источников и к переоценке многих традиционных положений². Внимание к подобным исследованиям имеет под собой прочную методологическую основу и нисколько не противоречит кардинальному марксистскому положению об объективности исторического процесса: «Идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся складывается именно из действий личностей»³.

Проведение настоящего исследования вызвано не только необходимостью проследить жизненный путь известного государственного деятеля XVI в., хотя научные биографии и отдельные биографические изыскания всегда были важным элементом исторических исследований. Дело не только в изучении полной неожиданной взлетов и падений карьеры Сильвестра и его личных отношений с царем Иваном IV (что в первую очередь интересовало дворянско-буржуазную историографию): и Иван IV и Курбский определенно указывали на исключительное положение Сильвестра как одного из руководителей правительства в 50-е гг. XVI в. и ближайшего советника царя. Более того, царь и его оп-

² Шмидт С. О. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева // УЗ МГУ. 1954. Вып. 167. С. 25–63; Зимин А. А. И. Пересветов и его современники. М., 1958; Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 г. М., 1960. С. 16–91; Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М., 1960; Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975; Симицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 159.

понент считали деятельность Сильвестра своего рода символом, «знамением времени» тех лет, хотя совершенно по-разному оценивали итоги его правления. И в самом деле, при исследовании целого ряда проблем политической и культурной истории середины XVI в., которые до сих пор вызывают разногласия в научной литературе (образование и функции «Избранной Рады», внешне-политическая деятельность русского правительства в начальный период Ливонской войны, значение «нестяжательства» и «иосифлянства» в общественной жизни той поры, роль публицистики 40–50-х гг. XVI в. в выработке нового правительственного курса, становление идеологии самодержавия и отражение ее в литературе и искусстве, составление таких монументальных литературных памятников, как Степенная книга, Домострой и т.д.), историку приходится сталкиваться с тем, что для разрешения любой из них требуется серьезное изучение биографии Сильвестра. Несмотря на кажущуюся скудость источников, в них сохранились сведения о необычайно широких интересах Сильвестра и его разносторонней деятельности царского советника, купца, публициста, книжника и, наконец, организатора живописных работ. В трудах советских исследователей, в частности в монографиях И. И. Смирнова и А. А. Зиминой, была сделана попытка дать оценку роли и личности Сильвестра, однако состояние изученности источников и прочные историографические традиции в освещении деятельности «Избранной Рады» привели к тому, что эти оценки оказались во многом противоположными. Вот почему представляется необходимым новая разработка данной темы с учетом всех сохранившихся источников и современных исследований.

Помимо традиционно используемых письменных материалов (летописных известий, посланий Сильвестра, переписки Грозного и Курбского и т.д.) в настоящей работе исследуются материалы монастырских архивов, дипломатическая переписка ливонских послов и такие источники, как принадлежавшие Сильвестру книги, а также подробное описание не сохранившихся до нашего времени фресок Золотой палаты Московского Кремля, созданных под непосредственным руководством Сильвестра, и т.н. «Дело» дьяка Висковатого – публицистическое произведение, созданное на основании материалов судебного разбирательства 1954 г. о еретическом характере этой живописи. Подобное привлечение целого комплекса сохранившихся источников, связанных с именем Сильвестра, может помочь не только раскрыть характер и неповторимые черты человека XVI в., но и дать интересный материал для

изучения конкретных проявлений борьбы противоречивых тенденций политического развития России в XVI в.

К сожалению, до нас дошло очень мало документов из архивов частных лиц XVI в., и это исключает возможность написания полнокровной биографии с глубоким проникновением в психологию изображаемого лица⁴. Поэтому основное внимание в работе обращено на исследование сохранившихся разнородных источников и известий о деятельности Сильвестра (нередко сохранивших уникальные сведения о политических событиях XVI в.), комплексный анализ которых ранее не проводился. Требуется рассмотрение и влияние дореволюционной историографии на оценку политической борьбы того времени.

Подобная постановка темы определила и структуру диссертации. В первой главе прослеживаются сложившиеся историографические традиции в освещении деятельности Сильвестра, причем рассматриваются в основном обобщающие труды по истории России XVI в. Работы же, посвященные отдельным источникам, разбираются в соответствующих главах и разделах диссертации. Вторая и третья главы посвящены конкретному исследованию источников, содержащих сведения о политической и культурной деятельности Сильвестра и его общественно-политических взглядах (посланий Сильвестра, «Дела Висковатого», книг библиотеки Сильвестра, жития княгини Ольги из Степенной книги и фресок кремлевской Золотой палаты). Исключением является Домострой, поскольку изучение истории создания этого памятника, его редакций и идейного содержания требует особого исследования, неосуществимого в пределах данной работы. Заключительная четвертая глава представляет собой попытку дать общий очерк политической деятельности Сильвестра в 40–50-х гг. и уточнить представления о его влиянии на внутреннюю и внешнюю политику.

⁴ Павленко Н. И. Источниковедческие аспекты построения биографий исторических деятелей XVII–XVIII вв. // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавания в вузах: Тез. докл. III Всесоюзной конференции. М.: 1979. С. 256.

Глава I

ОТРАЖЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИЛЬВЕСТРА В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Немногим из русских исторических деятелей уделялось столько внимания, сколько Ивану IV Грозному. И мало кто из писавших о событиях того времени не упоминал о его наставнике и ближайшем советнике – Сильвестре, который, по мнению царя, ему «вместо духовных, мирская нача советовати...» Нетрудно заметить, что в работах историков, принадлежавших к разным общественно-политическим лагерям, фигура Сильвестра часто представляется как бы отражением или, точнее, антиподом первого русского самодержца, повинувась принятой данным автором концепции событий середины XVI в. В зависимости от оценки личности самого Ивана IV Сильвестр предстает перед читателями то как выдающийся государственный деятель и руководитель молодого царя, то как фанатичный и честолюбивый временщик, отстаивавший косность и дедовскую старину.

Попытаемся проследить, на чем основывалась оценка деятельности Сильвестра в дореволюционной и советской историографии. Отмеченные выше противоположные характеристики, стоящие у начала основных историографических концепций, восходят к полемике двух выдающихся политически деятелей XVI в. – самого Ивана IV и кн. А. М. Курбского. Описывая недавнее прошлое, оба автора дали яркие, запоминающиеся и вполне определенные оценки событиям 40–50-х гг. XVI в. и лицам, в них участвовавшим. Несмотря на непримиримость своих позиций, и царь и его оппонент полностью согласны в одном – конец 40-х – 50-е гг. XVI в. были временем господства Сильвестра, Адашева и возглавляемой ими «Избранной Рады». Далее оценки Ивана IV и Курбского

расходятся: царь считал, что советники отстранили его от дел и, воспользовавшись своим положением, совершали всевозможные злоупотребления вплоть до государственной измены; Курбский же убеждал читателей в том, что период правления Сильвестра и Адашева был временем наивысших успехов во внутренней и внешней политике страны и являлся образцом сотрудничества царя с боярами¹. Оценкам обоих полемистов была суждена долгая жизнь, благодаря кажущейся очевидности и аргументированности. Публицистическая тенденциозность этих источников, хотя и признавалась, по сомнению подвергались либо отдельные известия, либо те свидетельства, которые противоречили данной исследовательской концепции.

Третий важный источник по интересующей нас проблеме был введен в науку известным историком XVIII в. кн. М. М. Щербатовым. М. М. Щербатов впервые опубликовал т.н. «Царственную книгу» – переработанную заключительную часть Лицевого свода Ивана Грозного, содержащую в редакторских приписках на полях уникальные известия о политических событиях 40–60-х гг. XVI в.² В числе этих известий находится и рассказ о болезни Ивана IV в марте 1553 г., где речь идет об отказе группы бояр присягать малолетнему наследнику Дмитрию в пользу кандидатуры двоюродного брата царя – Владимира Андреевича Старицкого, и где помещена резко отрицательная характеристика Сильвестра: он представлен как властный временщик, связанный с крамольным старицким князем уже много лет. Публикуя Царственную книгу, М. М. Щербатов ввел приписки в текст без всяких оговорок (исследователи до новой публикации в 1906 г. видели в этой приписке подлинный текст летописи) и, по-видимому, не сомневался в их достоверности. Таким образом, историки были вынуждены сравнивать столь противоположные характеристики, искать им объяснения и предпочитать один источник другому. На оценку достоверности источников сильное влияние оказывали и собственные идейно-политические установки авторов. Так, у М. М. Щербатова характеристика Сильвестра вышла противоречивой: отрицательно относясь к репрессиям Ивана IV против боярской знати, историк

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Под ред. Д. С. Лихачева. Л., 1979. С. 21, 30–40; РИБ. СПб., 1914. Т. 31. С. 173.

² Щербатов М. М. Царственная книга, то есть Летописец царствования царя Иоанна Васильевича, от 7042 году до 7061. СПб., 1769. Об изучении и изданиях Царственной книги: Морозов В. В. Царственная книга как памятник летописания XVI в. Автореф. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. С. 8–13.

вместе с Курбским сожалеет о несправедливом обвинении Сильвестра и Адашева в отравлении царицы Анастасии и их опале. С другой стороны, Щербатов доверяет отрицательной оценке Сильвестра в приписке, а нарисованная там картина выступления безродного временщика против законного наследника никак не могла импонировать такому защитнику привилегий аристократии, каким был князь Щербатов³.

Наиболее полное развитие концепция А. М. Курбского о делении царствования Ивана IV на два периода получила в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, ставшей отправным пунктом для многих историков XIX в. и в отношении теоретических представлений, и как богатейшая источниковая база. Искренне убежденный в необходимости монархии, Карамзин в то же время полагал, что прочность государственной власти должна обеспечиваться поддержкой «общества» (т.е. прежде всего более просвещенного дворянства), выражавшейся в том числе и в праве высказывать свое мнение монарху⁴. Поэтому при изложении событий царствования Ивана IV Карамзин отдавал предпочтение сочинениям Курбского. У него историк заимствовал описание внезапного появления Сильвестра перед испуганным пожарами и народным восстанием царем, образования и деятельности «Избранной Рады», историю падения и осуждения Сильвестра и Адашева⁵. Но характеристика Сильвестра в приписке 1553 г. противоречит концепции Курбского, и Карамзин, изображая эти события, крайне осторожно подходит к данным источника: «Сильвестр, может быть, тайно доброхотствовал стороне князя Владимира Андреевича», поскольку со смертью царя терял свое политическое значение⁶. Заметим, что никаких обобщений, основанных лишь на данных этого источника, истории не делает.

Со времени Н. М. Карамзина «многошумящие» сочинения Ивана IV сравнительно чаще подвергались критике, чем более стройная концепция Курбского. Одной из причин этого явления, вероятно, были полемические утверждения царя о своей непри-

³ Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1786. Т. 5. Ч. I. С. 449–450; Там же. Т. 5. Ч. II. С. 86–87.

⁴ Кислягина Л. Г. Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина. М., 1976. С. 167–168, 175.

⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1817. Т. 8. С. 99, 103; Там же. Т. 9. С. 10–16. Прим. 4, 7, 9–12, 14, 17–18. Из сочинений Ивана IV историк использовал только те места, которые согласуются с утверждениями Курбского (Там же. Т. 9. Прим. 13, 15, 18).

⁶ Там же. Т. 8. С. 206.

косновенности к государственным делам в период правления «Избранной Рады». Сам Карамзин все же считал Ивана IV инициатором важнейших государственных начинаний того времени, а высказывания царя называл клеветой на самого себя, получившейся в результате стремления обвинить своих советников⁷. Двойственная карамзинская оценка правления Ивана IV не удовлетворила уже М. П. Погодина, с деятельностью которого связано начало официально-охранительного направления в отечественной историографии. Возражая Карамзину, а затем Соловьеву и его последователям, Погодин отказывался признавать Ивана IV не только великим, но и вообще государственным деятелем. Борьба царя с боярством, по его мнению, была бессмысленна, ибо никаких социальных конфликтов в России не было и быть не могло, а становление неограниченной самодержавной власти происходило уже при предках Ивана IV «по естественному ходу вещей». События периода 40–60-х гг. XVI в. Погодин также излагал «по Курбскому», подтверждая свою позицию цитатами из Первого послания Ивана Грозного Курбскому. Отказывая царю в способности управлять государством, Погодин придавал решающее значение деятельности Сильвестра и Адашева и не вполне доверял показаниям приписки о царской болезни: для него очевидна грубая тенденциозность этого источника, кроме того, по мнению Погодина, Сильвестр не мог участвовать в освобождении из заточения Старицкого князя в 1541 г., поскольку прибыл с митрополитом Макарием в Москву позднее⁸.

В дальнейшем официально-монархическая историография в лице Н. Г. Устрялова, Д. И. Иловайского и М. К. Любавского в академических трудах и в учебниках в основном следовала концепции Карамзина в освещении событий середины XVI в., хотя и с тенденцией смягчения сурового осуждения жестокости царя Ивана, сближаясь в данном вопросе с современной либерально-буржуазной историографией. За Карамзиным в трактовке событий царствования Ивана IV следовала и клерикальная историография. Церковные историки XIX–XX вв. усиленно искали в далеком прошлом заслуги духовенства в деле создания и укрепления Российского государства: одним из таких бескорыстных служителей церкви предстал в их трудах и

⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1817. Т. 9. С. 14–15.

⁸ Погодин М. П. О характере Иоанна Грозного // Историко-критические отрывки. М., 1846. Т. 1. С. 253. Он же. Царь Иван Васильевич Грозный // Погодин М. П. Историко-критические отрывки. М., 1867. Т. II. С. 195.

Сильвестр⁹. Перу известного историка и археографа архимандрита Леонида (Л. А. Кавелина) принадлежит и первая монография о Сильвестре: это исследование задумал и начал в 1849 г. первый издатель Домостроя Д. П. Голохвастов, основную же работу проделал Леонид по плану своего предшественника¹⁰. Д. П. Голохвастов успел написать предисловие, где вслед за Карамзиным рассматривал деятельность Сильвестра в свете концепции Курбского и поставил вопрос о достоверности сведений приписки о царской болезни, хотя и считал ее в целом доброкачественным источником¹¹. Леонид также следовал традиционному в дворянской историографии изображению событий 40–50-х гг. XVI в., ставя своей задачей «очистить память любезной ему исторической личности от несправедливых нареканий». Основным достоинством данного труда является то, что авторы, кроме сочинений Курбского, Грозного и приписки в Царственной книге, собрали воедино и другие опубликованные к тому времени источники о деятельности Сильвестра (т.н. «Дело Висковатого», послания Сильвестра А. Б. Горбатову и неизвестному опальному, письмо Максима Грека Сильвестру), а также ввели в оборот новые – Послание к царю Ивану Васильевичу, Житие княгини Ольги из Степенной книги, запись о вкладах Сильвестра в Кирилло-Белозерский монастырь и ряд книг его библиотеки¹². Однако, указанные источники использовались в работе Д. П. Голохвастова и Леонида в основном для иллюстрации известных положений Карамзина о внезапном перерождении царя под влиянием проповеди

⁹ *Евгений*. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-российской церкви. СПб., 1827. Ч. II. С. 201–203; *Муравьев А. Н.* История российской церкви. СПб., 1838. С. 127–128; *Филарет*. Обзор русской духовной литературы. СПб., 1834. Т. I. С. 146; *Знаменский П. В.* Руководство к русской церковной истории. Казань, 1888. С. 107; *Сергий (еп. Черниговский и Нежинский)*. Московский благовещенский священник Сильвестр, как государственный деятель // ЧОИДР. 1893. Кн. I. Отд. 1. С. 1–75; *Толстой М. В.* Рассказы из истории русской церкви. М., 1899. С. 320, 330; *Сокольский В. Д.* Участие русского духовенства и монашества в развитии единодержавия в Московском государстве в конце XV и первой половине XVI в. Киев, 1902. С. 185.

¹⁰ *Голохвастов Д. П., Леонид*. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания // ЧОИДР. 1874. Кн. I. Отд. 1. С. 1–110. Д. П. Голохвастов – попечитель Московского учебного округа, двоюродный брат А. И. Герцена и «сильный охранитель» по характеристике С. М. Соловьева (*Соловьев С. М.* Мои записки для детей моих и если можно и для других Пг., 1915. С. 41).

¹¹ *Голохвастов Д. П., Леонид*. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. С. 6–8.

¹² Послания Сильвестра и очерк о Житии Ольги подготовил для Голохвастова известный педагог и писатель Н. М. Коншин.

Сильвестра и его мудром правлении под руководством советников до 1560 г. Как правило, в описании событий 40–50-х гг. XVI в. Леонид доверял «Истории» Курбского и последовательно отвергал обвинения Сильвестра в злоупотреблении властью. Однако историк подверг сомнению версию Курбского о ссылке Сильвестра на Соловки, указывая, что посмертный вклад сделан его душеприказчиками в Кирилло-Белозерский монастырь¹³. Все же, несмотря на отдельные ценные наблюдения (Леонид предположил, что выступления Восковатого против Сильвестра в 1553 г. было «делом рук целой партии»), собранные источники серьезно не исследовались, а их интерпретация сводилась к оправданию Сильвестра, как героя лучшей поры царствования Ивана IV¹⁴.

Таким образом, можно утверждать, что концепция политической истории России 40–50-х гг. XVI в., сформулированная Курбским, получила наиболее полное развитие в труде Карамзина и дошла в качестве официальной концепции царствования Ивана IV в работах дворянских и клерикальных историков до начала XX в. Важнейшие ее положения можно свести к следующему.

I. Основным источником служит «История» Курбского, из которой заимствуются сведения о появлении и обличительной речи Сильвестра в 1547 г., о его роли в образовании и деятельности «Избранной Рады», об опале и осуждении Сильвестра. Первое послание Ивана IV Курбскому привлекается в основном как доказательство достоверности сочинений Курбского.

II. Приверженцы этой концепции с большей или меньшей определенностью оправдывают Сильвестра и его сторонников от обвинения в намерении возвести на престол кн. Старицкого из корыстных соображений. Поэтому сообщение приписки о давних связях Сильвестра со Старицкими, как правило, оспаривается, хотя в целом источник воспринимается как достоверный. Подчеркивается единство взглядов и действий Сильвестра и митрополита Макария в деле укрепления государственной власти.

III. Удаление Сильвестра и Адашева (и вообще их правительственная деятельность) рассматривается исключительно в плане личных отношений царя со своими советниками и объясняется переменой характера и поведения Ивана IV под влиянием злых советов «подобедов и тунеядцев».

¹³ Голохвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. С. 47.

¹⁴ Что было отмечено уже в рецензии В. С. Иконникова (Университетские известия. 1875. № 8. С. 233).

В первой половине XIX в. происходит становление нового, прогрессивного в то время направления исторической науки, основной целью которого было признание закономерности и единства исторического процесса. Подверглась переосмыслению и оценка долгого царствования Ивана IV: если предшествующая историография противопоставляла Грозного прошедшему (Ивану III) и будущему (Романовым) и интересовалась прежде всего личностью самого царя, то буржуазные историки ставили своей целью отыскать общие закономерности складывания Российского государства и поставить Ивана IV на свое место в ряду его предшественников; т.е. дать историческое объяснение явлений, а не только моральную их оценку. Однако, буржуазная историография, опираясь на принцип закономерности исторического процесса, пыталась теоретически обосновать необходимость и прогрессивность складывания именно самодержавного государства, что влияло и на оценку борьбы Ивана IV с действительной и мнимой оппозицией. Наиболее авторитетными выразителями новой исторической концепции стали С. М. Соловьев и К. Д. Кавелин (хотя за «оправдание» Ивана IV первым выступил близкий к т.н. «Скептической школе» Н. С. Арцыбашев, который первым обвинил советников царя и прочих бояр в измене, против чего вынужден был бороться Иван IV¹⁵). В основе исторического развития России С. М. Соловьев видел развивавшуюся борьбу родового и государственного начал, носителями которых выступали соответственно боярство и укреплявшаяся царская власть. Отсюда историк делал вывод о прогрессивном характере политики Ивана IV, имевшей целью уничтожение политической силы боярства, как основного противника образования централизованного государства. Из этого основного положения концепции С. М. Соловьева вытекает ряд других. По мнению историка, царь, противопоставляя себя боярам, должен был искать опору в низших слоях господствующего класса и в простом народе – здесь берет начало тезис об известном «демократизме» Ивана IV и сочувствии широких слоев общества его политике¹⁶. В результате переоценки исторического значения эпохи Ивана Грозного и его личности у Соловьева меняется и отношение к традиционным источникам – сочинениями Грозного и Курбского. Указывая на тенденциозность этих произ-

¹⁵ *Арцыбашев Н. С.* О свойствах царя Иоанна Васильевича // *Вестник Европы.* 1821. Ч. 120. С. 126–141, 186–200.

¹⁶ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. III. Т. 6. С. 440, 707.

ведений и присущие им полемические преувеличения, историк, тем не менее, отдавал явное предпочтение концепции Ивана IV в освещении событий 40–50-х гг. XVI в. и считал Первое Послание царя Курбскому источником более достоверным¹⁷. Соответственно переосмысливается и роль Сильвестра: она рассматривается теперь как бы с точки зрения Ивана IV. Приближение Сильвестра ко двору расценивалось как осуществление политики выдвижения новых лиц из народа для проведения задуманных реформ. Но уже в 1553 г. эти новые слуги царя выступили против законного наследника в пользу В. А. Старицкого. Эти обвинения, содержащиеся в сочинениях царя, подтверждались свидетельством приписки к Царственной книге о давних связях Сильвестра со Старицкими князьями¹⁸. Отныне данный источник становится основным аргументом в пользу принадлежности Сильвестра к реакционной боярско-княжеской оппозиции. Разрыв царя с советниками, по мнению Соловьева, был закономерным результатом стремления самодержца освободиться от влияния враждебной его политике группировки. Одной из важнейших причин этого разрыва Соловьев считал расхождение взглядов царя и «Избранной Рады» по вопросам внешней политики: Сильвестр, Адашев и их сторонники отстаивали неосуществимый в тех условиях план войны с Крымским ханством, тогда как Иван IV добивался экономически необходимого России выхода в Балтийское море¹⁹. Общей тенденцией концепции Соловьева является стремление и возвеличиванию роли Ивана IV в политической жизни 40–50-х гг. XVI в. Поэтому, указывая на умаление Грозным своей личной деятельности в этот период (основная претензия Соловьева к достоверности писаний царя!), историк вынужден был усомниться в показаниях приписки о «всемогуществе» Сильвестра, хотя в остальном считал ее вполне достоверной. На основании свидетельств этого источника, а также цитат из Домостроя и того же Первого послания к Курбскому он окончательно развенчивал Сильвестра, делая вывод о неглубоком уме и реакционных взглядах царского советника.

Гораздо более основательная, чем психологические построения Карамзина, концепция С. М. Соловьева стала ведущей в до-революционной историографии второй половины XIX в. Она развивалась, уточнялась и дополнялась в трудах С. Д. Горского,

¹⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. III. Т. 6. С. 538.

¹⁸ Там же. С. 525.

¹⁹ Там же. С. 524, 539.

К. Н. Бестужева-Рюмина, Е. Е. Замысловского, К. Ю. Заусцинского, Е. А. Белова, А. А. Кизеветтера и, наконец, С. Ф. Платонова, чьи представления о предыстории и историческом значении опричнины оказали значительное влияние на отечественную историографию²⁰. Позднейшая буржуазно-дворянская историография уже ничего нового и данной схеме не добавила²¹.

Наряду с проблемами становления централизованного государства в XVI в., буржуазно-историческая наука поставила вопрос о взаимоотношениях церкви с государственной властью и связала его с идейными течениями в русском обществе XV–XVI вв. – «нестяжательством» и «иосифлянством», которые рассматривались в соответствии с изложенной выше схемой борьбы царской власти с боярской оппозицией²². А. С. Павлов впервые указал на близость руководителей «Избранной Рады» – Сильвестра и Адашева – к Максиму Греку, по мнению автора, признанному теоретику «нестяжательства», но, поскольку А. С. Павлов деятельность Сильвестра рассматривал в свете указанной концепции, как противника укрепления самодержавной власти, то он и пришел к логичному выводу о реакционном характере учения «нестяжателей»: «Нестяжатели как политическая партия стояли на стороне прежних государственных порядков, стремясь к возвышению духовной власти над мирской; в то же время ратовали за права удельных князей и

²⁰ Горский С. Жизнь и историческое значение кн. А. М. Курбского. Казань, 1858. С. 33, 64–66; Замысловский Е. Е. Рец. на кн. Д. П. Голохвастова и Леонида // Сборник государственных знаний. СПб., 1875. Т. II. С. 123–138. Заусцинский К. Макарий митрополит всея России // ЖМНП. 1881. № 10. С. 250–254; Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб., 1885. Ч. II. С. 214–218, 252–254; Белов Е. А. Об историческом значении русского боярства. СПб., 1886. С. 78–84; Кизеветтер А. А. Иван Грозный и его оппоненты. СПб., 1898; Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1937. С. 104–105. Против этой концепции выступил лишь Н. И. Костомаров, который в свете представлений о борьбе «вечевого» и «монархического» строя в русской истории рассматривал правление «Избранной Рады» как последнюю попытку повернуть страну на другой, несамодержавный путь развития: Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. 5-е изд. СПб., 1907. Т. I. С. 409, 416.

²¹ Довнар-Запольский М. В. Время царя Ивана Грозного // Русская история в очерках и статьях. М., 1910. Т. II. С. 169–176; Иконников В. С. Максим Грек и его время. Киев, 1915. С. 513–514; Сухотин Л. М. Иван Грозный до начала опричнины. Белград, 1940. С. 76–78.

²² Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли. Л., 1970. С. 16–21.

боярства»²³. В дальнейшем тезис о принципиально противоположном характере воззрений «нестяжателей» и «иосифлян» (с присущей якобы последним «государственной идеей») получил широкое распространение в буржуазной исторической науке, а деятельность Сильвестра как представителя «партии нестяжателей» стала противопоставляться политике царя и «иосифлянина» Макария²⁴. Таким образом, утвердившаяся в буржуазной историографии новая концепция периода 40–50-х гг. XVI в. заключается в следующем.

I. Сочинения Ивана Грозного признаются гораздо более достоверными, чем «История» Курбского. Согласно свидетельству царя, описываются и приближение Сильвестра с Адашевым по двору и их политическая деятельность, направленная на защиту интересов «боярской партии» и ущемление царской власти²⁵.

II. Особое значение придается показаниям приписки к Царственной книге, на основании которой считается неоспоримым факт выступления Сильвестра вместе с оппозиционными боярами против законного наследника в 1553 г. Свидетельство этой же приписки об участии Сильвестра в освобождении из заточения кн. В. А. Старицкого в 1541 г. служит и важнейшим доказательством его связей с удельным князем. Тезис о близости Сильвестра к «нестяжателям», а также к оппозиционным княжеско-боярским кругам подтверждался и путем некритического использования изданных к тому времени источников – посланий Сильвестра и комплекса материалов т.н. «Дела Висковатого».

III. Разрыв царя с «Избранной Радой» рассматривается как поражение княжеско-боярской оппозиции, которая из своекорыстных побуждений противилась внешнеполитическим планам царя. И в данном случае основным аргументом для историков послужили выпадывания Ивана IV против Сильвестра и Адашева в связи с военными действиями в Ливонии из первого послания царя Курбскому: «Попу же убо Сильвестру и с вами своими советники о том на нас лютее належаше»²⁶. Нетрудно заметить, что и данная схема опирается в основном на традиционно используемые публицистические сочине-

²³ Павлов А. С. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871. Ч. I. С. 85, 107, 135.

²⁴ Лебедев Н. И. Макарий, митрополит всероссийский. М., 1877. С. 65; Заусинский К. Макарий митрополит всея России. С. 252. Довнар-Запольский М. В. Московские гуманисты и обскуранты XVI в. // Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1910 Ч. 1. Вып. 2. С. 31.

²⁵ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 30–33, 38.

²⁶ Там же. С. 33.

ния, несмотря на то, что к началу XX в. историки располагали значительным количеством источников по интересующей нас проблеме.

В справедливости подобных представлений сомневался уже известный филолог И. Н. Жданов, пожалуй единственный из дореволюционных исследователей, кто обратил внимание на необходимость тщательного изучения источников, связанных с деятельностью Сильвестра. В статье, написанной еще в 1876 г., И. Н. Жданов рассмотрел приписываемое Сильвестру т.н. «Послание к царю Ивану Васильевичу» и отметил связь этого сочинения с царскими вопросами на Стоглавом соборе 1551 г., предположив, что оно было положено в основу т.н. «Дополнительных царских вопросов» из сборника Волоколамского игумена Евфимия Туркова²⁷. Жданов указал на противоречия в оценке Сильвестра в современной историографии, однако и сам в конце концов пришел к столь же противоречивому заключению, выделяя две стороны в деятельности «Избранной Рады» (которую считал кружком церковных деятелей во главе с Сильвестром): «На одной из них представляются планы важных и обширных преобразований в церкви и государстве, на другой – упрямое, тупое и мелочное стародумство»²⁸.

Осторожностью отличалось и мнение В. О. Ключевского: он отказывался видеть в опричнине прогрессивные политические преобразования и высоко оценивал период 50-х гг., когда «по указаниям умных руководителей царя, митрополита Макария и священника Сильвестра... смелые внешние предприятия шли рядом с широкими и хорошо обдуманнами планами внутренних преобразований»²⁹. Ключевский не считал этих руководителей сторонниками боярства, которое, по его мнению, вообще не стремилось к политической раздробленности страны. К сожалению, в «Курсе русской истории» периоду 50-х гг. XVI в. отведено немного места и специальные источниковедческие наблюдения отсутствуют.

Критика указанной выше концепции последовала и в исторических трудах Г. В. Плеханова и Н. А. Рожкова (самых во многом находившихся под влиянием буржуазно-либеральных представлений об истории России), где содержится попытка переосмысления значения политической борьбы середины XVI в. Оба автора выступали против оценки «Избранной Рады» как сугубо боярского и

²⁷ Жданов И. Н. *Материалы для истории Стоглавого собора* // Жданов И. Н. *Сочинения*. СПб., 1904. Т. 1. С. 193.

²⁸ Там же. С. 225.

²⁹ Ключевский В. О. *Курс русской истории*. М., 1937. Ч. II. С. 183.

реакционного учреждения; ими впервые была высказана мысль о компромиссном характере «Избранной Рады» как временном соглашении между различными слоями господствующего класса³⁰. Характерно, что Плеханов, отождествляя историческое развитие России с процессом образования восточных деспотий, видит в Курбском противника этого деспотизма и открыто заявляет себя его «сторонником» (и не высказывает никаких критических замечаний по поводу достоверности его сочинений).

Оригинальной попыткой освещения истории России с марксистских позиций явилась «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского. Не подвергая сомнению сложившуюся в литературе фактическую схему событий середины XVI в., Покровский попытался вскрыть классовую сущность политики «Избранной Рады», а также объяснить социально-экономические причины, вызвавшие резкие перемены в политической жизни страны. Историк впервые обратил внимание на социальное происхождение Сильвестра, которого он считал выразителем интересов «торгово-промышленных кругов» посада (правда, не совсем понятно каких: в 1547–1553 гг. Сильвестр, по мнению Покровского, представлял московский посад, а против войны в Ливонии он выступал в качестве защитника новгородской торговли³¹). В политике «Избранной Рады» Покровский видел «компромисс между феодальной знатью, буржуазией и мелкими помещиками», который держался приблизительно до 1560 г. Торгово-промышленные круги, по мнению автора, выдвинули Сильвестра во время восстания 1547 г., но поскольку московский посад был тесно связан с боярской фамилией Шуйских, то, во время болезни Ивана в 1553 г. благовещенский священник оказался рядом с представителями старой знати. Отставка Сильвестра произошла, в конечном счете, тоже из-за позиции, занятой «московской буржуазией»: она поддерживала наступление на Ливонию, тогда как Сильвестр оказался его противником. Несмотря на ошибочность концепции Покровского и преувеличение им роли «торгового капитала», замечания историка о влиянии посадских кругов на колебания правительственной политики вполне заслуживают внимания.

³⁰ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли // Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1925. Т. 20. С. 183–184; Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Пг.: М., 1922. Т. 4. С. 116.

³¹ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. М., 1933. Т. 1. С. 188, 200.

Приведенный выше обзор литературы показывает, что к началу XX в. в историографии сложились устойчивые концепции политического развития России XVI в., дававшие различные оценки деятельности правительства 50-х гг. и его руководителям Сильвестру и Адашеву. Характеристика Сильвестра строилась в основном на одних и тех же источниках – первом послании Ивана IV. «Истории» Курбского и приписке о царской болезни. Для большинства историков, освещавших этот вопрос, характерно следующее: при описании событий середины XVI в. автор, как правило, исходит из уже сложившихся общих представлений и теорий о характере и движущих силах исторического развития, обусловленных его личными взглядами, уровнем науки своего времени и состоянием источниковой базы. Соответственно этим представлениям и строилась характеристика лиц и явлений на основе довольно узкого круга парративных источников. Нередко готовые схемы вызвали упрощенный подход к публицистике той поры, когда сами источники изучались слабо, но зато из них выбирались отдельные факты и положения (сами по себе, возможно, и достоверные), которые «укладывались» в схему данного исследователя. Те свидетельства, которые содержатся в противоположных по направленности источниках, подвергались наибольшей критике (а в худших случаях и вообще не упоминались).

Наибольшее распространение в научной литературе получила концепция, сформулированная С. М. Соловьевым и закрепленная С. Ф. Платоновым. В этой концепции критерием оценки роли любого исторического деятеля являлось его отношение к самодержавию, которое рассматривалось как безусловно прогрессивное явление на всех этапах своего развития (недаром С. Б. Веселовский назвал концепцию «причины С. Ф. Платонова «обходным маневром реабилитации монархизма»»). Подобная позиция сказывалась и в подходе к источникам при исследовании интересующих нас событий: поскольку Курбский представлялся идеологом реакционного боярства, то его оценка событий конца 40–50-х гг. XVI в. расценивалась как тенденциозная и лживая, а деятельность Сильвестра и Адашева объявлялась враждебной государственному единству России и направленной на восстановление старых удельных порядков, т.е. «реакционность» Курбского и недостоверность его сочинений связывались воедино³². Другие же

³² Характерно, что А. Н. Ясинский, чтобы доказать достоверность «Истории» Курбского, решительно отделяет ее автора от «партии» Сильвестра и Адашева, с которыми Курбский, по мнению автора, не имел ничего общего (*Ясинский А. Н. Сочинения кн. Курбского как исторический материал*. Киев, 1889. С. 127).

источники о деятельности и политических взглядах Сильвестра (его послания, материалы собора 1553–1554 г., Житие Ольги), как правило, специально не изучались; послание Сильвестра к А. Б. Горбатову использовалось лишь в качестве доказательства связи Сильвестра с боярской аристократией, но исследование содержания его не проводилось. В то же время, поскольку в сочинениях Грозного и Курбского Сильвестру уделено значительно больше места, чем Адашеву, и имя его в посланиях царя всегда стоит на первом месте, то и в исторических трудах Сильвестра представлен нередко каким-то всемогущим узурпатором и основным противником царя.

Советская историческая наука достигла значительных успехов в изучении истории России XVI в. Советские ученые в основу изучения процесса образования централизованной монархии поставили важнейшие марксистско-ленинские положения о классовой природе и социально-экономических корнях феодального государства, что представляло принципиальные отличия от установок буржуазно-дворянской историографии. В дореволюционных исторических работах время правления «Избранной Рады» обычно не подвергалось специальному изучению, и лишь в советское время были освещены различные стороны исторического процесса этого периода. В первую очередь изучались вопросы социально-экономического развития страны, но и перемены в политической жизни конца 40–50-х гг. XVI в. получили должную оценку на основе ленинских положений о решающем влиянии классовой борьбы на ход государственных преобразований³³.

Концепция С. Ф. Платонова уже в 20-е гг. подверглась критике со стороны А. Е. Преснякова³⁴. Затем новая точка зрения на политику правительства 50-х гг. XVI в. получила развитие в трудах С. В. Бахрушина. Ученый выступил против традиционного мнения о реакционно-боярском характере деятельности «Избранной Рады» и попытался установить ее состав как царской Ближней думы. По мнению Бахрушина (основанному большей частью на изучении биографий деятелей правительства 50-х гг.) в основе политике «Избранной Рады» лежал компромисс между боярством и дворянством, заключенный в результате обострения классовой борьбы в середине XVI в. Но поскольку входившие в «Избранную Раду» бояре стремились к ограничению самодержавной власти

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 333–334.

³⁴ Пресняков А. Е. Рец. на кн.: Платонов С. Ф. Иван Грозный. Пг., 1923 // Века. Исторический сборник. Пг., 1924. С. 181.

царя, а дворянство было не удовлетворено результатами компромиссной политики, правительство Сильвестра и Адашева к 1560 г. пало³⁵. В соответствии с этим основным положением Бахрушин рассматривал и деятельность Сильвестра как политика, тесно связанного с боярской группировкой, но, в то же время, поддерживавшего начинания «Избранной Рады» и ее руководителя А. Ф. Адашева. Этот вывод в немалой степени основан на традиционных представлениях о роли Сильвестра в правительстве и связи его со Старицкими (автор полностью доверяет сообщению приписки), тем более, что Бахрушин по-прежнему относит Сильвестра и сторонникам «нестяжательского» течения, понимаемого в указанном выше смысле: «В области политики они («нестяжатели». – *И. К.*) добивались независимости церкви от государства и права вмешиваться в государственные дела... стремились выступать посредниками между царем и его вассалами»³⁶. Таким образом, хотя в работах С. В. Бахрушина уже начался пересмотр традиционной концепции, но многие ее положения (и источниковая база) остались неизменными. В 1940-х гг. появился ряд научно-популярных работ, отражавших распространенное в то время в историографии преувеличение значения царствования Ивана Грозного и идеализацию его как правителя. В этих работах оценка деятельности Сильвестра в целом совпадает с характеристикой С. В. Бахрушина³⁷.

В это же время (40–50-е гг.) советской исторической наукой были достигнуты значительные успехи в области выявления, публикации и исследования новых нарративных и антовых источников по истории феодального общества, что значительно способствовало углубленному изучению предпосылок и хода государственных преобразований, внешней политики и культуры середины XVI в. Тщательному исследованию подверглись и традиционные источники. Д. Н. Альшиц и С. Б. Веселовский указали на ненадежность и грубую тенденциозность такого признанного источника, как приписка о царской болезни 1553 г. в Царственной книге³⁸. С. Б. Весе-

³⁵ История СССР / Под ред. В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина. М., 1939. Т. 1. С. 356–357, 374–378; Бахрушин С. В. «Избранная Рада» Ивана Грозного // ИЗ. 1945. Т. 15. С. 31, 54–56; Он же. Иван Грозный // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1954. Т. II. С. 274–293.

³⁶ Там же. С. 272. Он же. «Избранная Рада» Ивана Грозного. С. 35, 54.

³⁷ Виппер Р. Ю. Иван Грозный. М.; Л., 1944; Смирнов И. И. Иван Грозный. Л., 1944; Будовниц И. У. Иван Грозный в русской исторической литературе // ИЗ. 1947. Т. 21. С. 271–330.

³⁸ Альшиц Д. Н. Происхождение и особенности источников, повествующих о

ловский (его работы об опричнине увидели свет в 1963 г.) указал на необходимость критического подхода к сведениям и оценкам, содержащимся в сочинениях Ивана IV и Курбского, написанным в то время, когда позднейшие впечатления деформировали их первоначальные представления о событиях конца 40–50-х гг.³⁹ Д. С. Лихачев и Я. С. Лурье выпустили в свет академическое издание посланий Ивана Грозного. О. А. Яковлева обнаружила и частично опубликовала Пискаревский летописец, содержащий уникальные известия о совместной политической деятельности Сильвестра и Адашева⁴⁰. С. О. Шмидт рассмотрел разностороннюю деятельность А. Ф. Адашева и его руководящую роль в правительстве компромисса⁴¹. В 1958 г. была выпущена обобщающая монография И. И. Смирнова, посвященная политической истории России 30–50-х гг. XVI в. В этой книге состав правительства 50-х гг. стал предметом специального исследования, а деятельности митрополита Макария, Захарьиных, Адашева, Висковатого и Сильвестра были посвящены отдельные очерки. И. И. Смирнов поставил вопрос о происхождении и содержании термина «Избранная Рада» и о том, что в действительности представляло собой правительство 50-х гг. XVI в. Рассмотрев представления Курбского о царской власти и ее взаимоотношениях с подданными, историк пришел к выводу, что Курбский, излагая события 50-х гг. с позиции реакционного боярства, не просто перевел термин «Ближняя дума», но и наполнил его новым содержанием: преувеличивал полноту власти «Избранной Рады», а из входивших в ее состав деятелей перечислил лишь своих друзей и единомышленников, что придало Ближней думе 50-х гг. характер совершенно нового и чрезвычайного учреждения, существовавшего лишь при Сильвестре и Адашеве⁴². В сжатом очерке о Сильвестре И. И. Смирнов попытался использовать известные к тому времени источники, относящиеся к его деятельности: материалы собора 1553–1554 г., Писка-

боярском мятеже 1553 г. // Изв. 1948. Т. 25. С. 266–292; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 107, 283.

³⁹ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 97.

⁴⁰ Послания Ивана Грозного / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951; *Яковлева О. А.* Пискаревский летописец // *Материалы по истории СССР*. М., 1955. Т. 2. С. 7–144.

⁴¹ *Шмидт С. О.* Правительственная деятельность А. Ф. Адашева и восточная политика Русского государства в середине XVI столетия. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1949; *Он же.* Правительственная деятельность А. Ф. Адашева // *УЗ МГУ*. 1954. Вып. 167. С. 25–54.

⁴² *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI в. М.; Л., 1958. С. 139–165.

ревский летописец, Стоглав, послания Сильвестра и Житие Ольги из Степенной книги. Автор выступил против распространенной в дореволюционной историографии концепции об исключительной роли Сильвестра в правительстве в качестве выразителя интересов боярских кругов и пришел к выводу, что благовещенский священник представлял собой лишь доверенное лицо царя и митрополита Макария. По мнению историка, Сильвестр по своим политическим взглядам являлся типичным представителем «иосифлянского» учения и близким сотрудником митрополита, которого автор считал активным сторонником правительственного курса⁴³. Однако, И. И. Смирнов все же считал возможным доверять сообщению приписки и рассматривал поведение Сильвестра и Адашева в марте 1553 г. как союз обоих советников со Старицкими и боярами-заговорщиками в результате острой борьбы за власть внутри правительства⁴⁴.

В 1958–1960 гг. были опубликованы две монографии А. А. Зимина, явившиеся итогом его многолетних исследований по истории России 40–50-х гг. XVI в. В этих книгах А. А. Зимин также значительное место отвел изучению деятельности Сильвестра и использовал те же самые источники, но его выводы во многом противоположны результатам работ И. И. Смирнова. А. А. Зимин отказался от определения политики правительства 50-х гг. как продворянской и поддержал точку зрения о ее компромиссном характере, отражавшем интересы широких кругов феодалов. По мнению А. А. Зимина, в этом правительстве Сильвестр – влиятельный фаворит царя – играл роль «ширмы» для определенных боярских кругов, склонных в условиях обострения классовой борьбы пойти на некоторые реформы – группировки Шуйских. В качестве одного из лидеров «партии нестяжателей» Сильвестр поддерживал наступление правительства на церковное землевладение. «Нестяжательские» взгляды и давние связи Сильвестра с Шуйскими и Старицкими (согласно все той же приписке к Царственной книге) обусловили и сочувствие притязаниям удельного князя во время династического кризиса 1553 г., и выступление Сильвестра против внешнеполитических планов Ивана IV в отношении Прибалтики, что привело к падению правительства Сильвестра и Адашева⁴⁵.

⁴³ Там же. С. 250–251.

⁴⁴ Там же. С. 270–271.

⁴⁵ *Зимин А. А. И. Пересветов и его современники. С. 41–49; Он же. Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. С. 319–322, 378–379, 411, 471–474.*

Эта концепция в наше время получила широкое распространение в научной литературе, в том числе и зарубежной⁴⁶.

Своеобразную позицию занял Р. Г. Скрынников, который основные события политической истории 40–50-х гг. XVI в. рассматривал как результат определенной комбинации политических сил в постоянной борьбе трех группировок (старомосковского боярства, титулованной княжеской знати и удельных князей) княжеско-боярской знати, в целом являвшейся носителем традиций и пережитков удельной раздробленности. Р. Г. Скрынников выделил в правительственной деятельности Сильвестра два этапа:

– до марта 1553 г., когда Сильвестр при поддержке удельных князей Старицких стал одним из лидеров «нестяжателей»;

– 1553–1560 гг., когда благовещенский священник «выдал» «нестяжателей» на расправу «иосифлянам», сблизился с ростово-суздальской знатью в лице Шуйских и достиг вершины своего могущества. Оказавшись в начале Ливонской войны на стороне противников наступления в Прибалтике, Сильвестр вынужден был уйти в монастырь⁴⁷. Позднее в научно-популярной работе об Иване Грозном Р. Г. Скрынников нарисовал образ фанатичного проповедника и далекого от политики придворного, умевшего поддерживать дружеские отношения со всеми соперничающими группировками⁴⁸.

Таким образом, несмотря на то, что исследованиями последних лет собран и обобщен значительный материал в области социально-политической истории России XVI в., историки все же не пришли к единому мнению о политике «Избранной Рады», ее составе и роли ее руководителей. Нет единства и в оценке деятельности такой крупной фигуры, как Сильвестр, хотя исследователи использовали одни и те же источники. Однако нетрудно заметить, что все перечисленные авторы подходили к оценке роли Сильвестра не с точки зрения личных взаимоотношений царя со своими советниками (характерной для дворянско-буржуазной историографии),

⁴⁶ Сахаров А. М., Муравьев А. В. Очерки русской культуры IX–XVII вв. М., 1962. С. 207–209. История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. II. С. 160–161, 177; Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. М., 1969. С. 96–100; Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России (изыскание о земской реформе Ивана Грозного). Л., 1969. С. 75; История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1975. С. 220–223; Donnert E. Der Idfländischer Ordensritterstaat und Russland. Berlin, 1963. S. 47; Norrenranders B. The Shaping of Csardon under Ivan Groznyj. Copenhagen, 1964. P. 168–176.

⁴⁷ Скрынников Р. Г. Начало опричнины // УЗ ЛГПИ. 1966. Т. 294. С. 87–88, 98, 105.

⁴⁸ Он же. Иван Грозный. М., 1975. С. 52–55.

а видели в нем деятеля, выражавшего и проводившего в жизнь правительственную политику того времени. Имя Сильвестра связывается с важнейшими политическими мероприятиями (Стоглавый собор, образование «Избранной Рады», Ливонская война), с подъемом общественной мысли и расцветом публицистики той поры, и это делает необходимым пристальное рассмотрение всего комплекса сохранившихся источников о жизни и деятельности ближайшего советника царя Ивана IV. Тем более, что деятельность Сильвестра связана и с созданием выдающихся художественных памятников своего времени. Если дореволюционные авторы видели в Сильвестре лишь автора или редактора Домостроя и нескольких посланий⁴⁹, то в советское время появился ряд работ, где прослеживается его разносторонняя культурная деятельность. Уже в 30-е гг. А. С. Орлов выдвинул предположение о том, что «Избранная Рада» обсуждала и различные идеи культурного строительства – в том числе и вопрос о книгопечатании⁵⁰. Была сделана и попытка выяснить роль Сильвестра в разработке московскими мастерами новых сюжетов в изобразительном искусстве⁵¹. Появились исследования, в которых рассматривается возможный вклад царского советника в организацию книгопечатания⁵², круг чтения Сильвестра и состав его библиотеки, его публицистика и участие в составлении такого известного памятника, как Степенная книга, а также другие стороны его деятельности. Памятникам изобразительного искусства выполненным под непосредственным руководством Сильвестра – иконам Благовещенского собора и фрескам Золотой палаты – посвящена монография И. О. Подобедовой. По-прежнему привлекает внимание ученых и Домострой.

Проделана огромная работа, однако нередко мнения и выводы последователей противоречат друг другу или опираются на устаревшие концепции. Чтобы разобраться в этом, необходимо не

⁴⁹ *Филарет*. Обзор русской духовной литературы. С. 147; *Макарий*. История русской церкви. СПб., 1891. Т. 7. С. 456, 461, 444–448; *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М., 1911. Т. 2. Ч. II. С. 159–167; *Келтулла В. А.* Курс истории русской литературы. СПб., 1911. Ч. I. Кн. 2. С. 626, 737; *Орлов А. С.* Домострой по коншинскому списку и подобным. М., 1908–1910, Т. 1–2.

⁵⁰ *Он же*. К вопросу о начале книгопечатания в России // Иван Федоров первопечатник. М.; Л., 1935. С. 16.

⁵¹ *Андреев Н. Е.* О деле дьяка Висковатого // *Seminarium Kondakovianum*. 1932. Т. 5. С. 191–241; *Михайловский Б. В., Пуришев Б. И.* Очерки истории древнерусской монументальной живописи. М.; Л., 1941. С. 59–67.

⁵² *Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания в Москве. М., 1964.

только обобщить уже накопленный материал, но и заново обратиться к источникам.

чтения Сильвестра и состав его библиотеки⁵³, его публицистика и участие в составлении такого известного памятника, как Степенная книга⁵⁴, а также другие стороны его деятельности⁵⁵. Памятникам изобразительного искусства выполненным под непосредственным руководством Сильвестра – иконам Благовещенского собора и фрескам Золотой палаты – посвящена монография И. О. Подобедовой⁵⁶. По-прежнему привлекает внимание ученых и Домострой⁵⁷.

Прделана огромная работа, однако нередко мнения и выводы последователей противоречат друг другу или опираются на устаревшие концепции. Чтобы разобраться в этом, необходимо не только обобщить уже накопленный материал, но и заново обратиться к источникам.

⁵³ *Розов Н. Н.* Библиотека Сильвестра // Исследования источников по истории русского языка в письменности. М., 1966. С. 191–205.

⁵⁴ *Соболевский А. И.* Поп Сильвестр и Домострой // ИРЯС. 1929. Т. II. Кн. 1. С. 192–203; *Будовниц И. У.* Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947. С. 193–205.

⁵⁵ *Финдейзен Н. Ф.* Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII в. М.; Л., 1928. Т. I. Вып. III. С. 248.

⁵⁶ *Подобедова О. И.* Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972.

⁵⁷ *Поукка Х.* О возможном польском источнике Домостроя // Scando-slavica. 1966. Т. 12. С. 119–122; *Она же.* О соответствиях в Домострое, Стоглаве и книге Миколая Рея «Zywot czlowieka poczivego» // Scando-slavica. 1970. Т. 16. С. 181–188.

Глава II

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ СИЛЬВЕСТРА

§ 1. Послания Сильвестра

Наиболее известными произведениями, связанными с именем Сильвестра, являются три послания: к царю Ивану IV, казанскому наместнику кн. Александру Борисовичу Горбатову и к неизвестному опальному; два из них анонимны и лишь послание к А. Б. Горбатову написано от имени Сильвестра. Послания эти давно вошли в научный оборот по списку из сборника Софийского собрания ОР РНБ № 1281. Впервые по этому списку послания к А. Б. Горбатову и к неизвестному опальному были изданы в 1871 г. профессором С.-Петербургской духовной академии Н. И. Барсовым, а полностью все три послания опубликовал Леонид в приложении к своей работе о Сильвестре¹. Но уже А. Ф. Бычкову был известен и другой список этих посланий в сборнике из собрания М. Н. Погодина, и он полагал, что издатели пользовались этим списком, но на самом деле ни Барсов, ни Леонид его не знали². Таким образом, исследователи изучали все три послания по публикации только одного списка. Рецензенты отмечали разночтения в обеих публикациях³, а сравнение списка с

¹ Барсов Н. И. Из неизданных памятников церковного учительства древней Руси // Христианское чтение. 1871. № 3. Приложение. С. 1–40; Голохвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. С. 69–107.

² Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. С. 57–58, 525.

³ Замысловский Е. Е. Рец. на кн. Голохвастова и Леонида. С. 134; Жданов И. Н. Сочинения. СПб., 1904. Т. I. С. 195–196.

печатным изданием показало, что и Н. И. Барсов и Леонид допускали в передаче текста ошибки, которые, как мы увидим, отразились на его понимании и датировке.

Сборник из Софийского собрания состоит из двух бывших ранее самостоятельными частей: первая включает в себя поучение митрополита Фотия, вторая – 13 слов митрополита Даниила, к которым присоединены три послания Сильвестра, писанные тем же почерком и на той же бумаге, что и сочинения Даниила. На форзаце сборника помещена запись: «Сборник Селивестровский» – как и на других книгах библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, принадлежавших Сильвестру. Обе части сборника датируются серединой XVI в.⁴ Погодинский сборник, происходивший из коллекции П. М. Строева, был составлен самим археографом из различных рукописей XVI–XVII в., между которыми им были вплетены листы чистой бумаги с названиями произведений. Все три интересующие нас послания находятся в отдельной тетради и написаны одним почерком (полууставом, переходящим в скоропись) на одной и той же бумаге середины XVI в.⁵ Оба списка посланий очень близки между собой и, вероятнее всего, переписывались с какого-то общего протографа, сохранив при этом и его ошибки («Исамя» вместо «Исайя», «зашение» вместо «защещение», «Божия моления» вместо «Божия молния» и т.д.). Однако Погодинский список исправнее, поскольку он не знает нескольких пропусков, встречающихся в Софийском списке:

Софийский список	Погодинский список
... ты ж возрадуешься о спасении Господа Бога твоего...	... ты ж возрадуешься и возвеселиши- ся о спасении Господа Бога твоего...
... да плещи и побежа гоним бысть...	...вда плещи и побежа никим гоним бысть...

Наибольшие споры среди исследователей вызывало анонимное «Послание и царю Ивану Васильевичу» (в дальнейшем – Послание I).

⁴ ОР РНБ. Соф. № 1281. 420 л. Сборник описан Н. М. Коншиным и А. А. Зиминым (*Голохвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания*. С. 64–68; *Зимин А. А. И. Пересветов и его современники*. С. 50). С посланий Даниила и Сильвестра были изготовлены копии: в конце XVIII в. для Н. П. Румянцева (ОР РГБ. Рум. № 89) и в XIX в. для историка церкви митрополита Макария (*Петров Н. И. Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве*. М., 1892. Вып. 1. С. 24).

⁵ ОР РНБ. Пог. № 1567. 4°. 110 л. Послания находятся на Лл. 55–93об. Филигрань этой тетради – Перчатка с фестончиками и короной – Лихачев. № 1746 (1551 г.); ср.: Briquet. № 16942 (1551 г.); *Уо Д. К.* К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева // ТОДРЛ. 1976. Т. 30. С. 201.

Это пространное сочинение посвящено осуждению распространенного среди приближенных царя «содомского греха», а также изложению тех обязанностей и моральных норм, которых должен придерживаться самодержец. Поскольку Послание I находилось в собрании «слов» Даниила и ничем от них не отделялось, то историки, начиная с Карамзина и Востокова, считали автором послания Даниила, пока В. И. Жмакин не указал, что это произведение ему не принадлежит⁶. Готовивший Послание I к печати Н. М. Коншин и Леонид считали его сочинением Сильвестра (на основании близости его «слога» и другим произведениям благовещенского священника и указания Ивана IV на «детские страшили», под которыми издатели понимали данное послание). Вслед за ними авторство Сильвестра признали В. И. Жмакин, И. Я. Порфирьев, И. Н. Жданов, В. Е. Вальденберг и другие исследователи. В настоящее время эту точку зрения поддержали А. А. Зимин, С. О. Шмидт и американский историк Я. Пеленский.

Н. И. Барсов полагал, что Послание I было направлено против опричнины, а автором его являлся епископ Вассиан Топорков⁷. По мнению Н. Н. Кононова, обнаружившего еще один список этого произведения в Синодальной библиотеке, наиболее близок Посланию I «слог» старца Артемия с характерными для последнего проповедью любви к ближнему и обилием библейских примеров и цитат⁸. Примечательно, что, несмотря на свои предположения, оба исследователя допускали все же и авторство Сильвестра. Известный историк церкви митрополит Макарий возможными авторами Послания I считал Сильвестра или Макария; в пользу авторства Макария высказывались также Е. Е. Замысловский и К. Н. Бестужев-Рюмин. В советской историографии это мнение разделял И. И. Смирнов, опираясь на ряд текстуальных совпадений Послания I с посланием Макария Ивану IV от 13 июля 1552 г.⁹

Помимо Софийского и Погодинского списков, и изучению следует привлечь и список Послания из сборника XVI в. Синодального со-

⁶ *Зимин А. А. И. Пересветов и его современники. С. 51–53.*

⁷ *Барсов Н. И. К вопросу об авторе «Послания к царю Ивану Васильевичу» Сильвестровского сборника С.-Петербургской духовной академии // Сборник Археологического института. СПб., 1880. Т. 4. С. 90–130. Одним из основных аргументов автора в пользу составления Послания в 1565–1572 гг. было упоминание в нем «государского удела», что является ошибкой издания Леонида: в тексте – «государскому делу» (ОР РНБ. Соф. № 1281. Л. 371; ОР РНБ. Пог. № 1567. Л. 64об.).*

⁸ *Кононов Н. Н. Разбор некоторых вопросов, касающихся Стоглава // Богословский вестник. 1904. № 4. С. 663–701.*

⁹ *Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства. С. 238–239.*

брения ГИМ, где оно помещено под названием «Сказание Максима старца Грека горы Синайские»¹⁰. Точно такой же список (в сборнике первой трети XVII в.) находится и в Пермской государственной публичной библиотеке им. А. М. Горького¹¹. Все списки Послания I содержат одну и ту же характерную особенность: после ссылки на предсказание пророка Исаяи текст обрывается и далее сразу же продолжается с середины другой фразы: «О сем бо Исаяя пророчествует... и бяху старейшины собору Леонтий папа римский, Анаталий патриарх Константинограда...» Далее следует рассказ о заседании IV Вселенского собора и о принятых византийским императором Маркианом мерах против «содомского греха»¹². В свое время А. С. Демин обратил внимание на сходство Послания I с отрывками из письмовника, помещенного в августовском томе макарьевских Миней-Четых Софийского комплекта¹³. Действительно, в августовских томах Миней Софийского и Успенского списков находится анонимное послание к неизвестному лицу из окружения государя («...к царскому совету и к государьскому приательству желателю») с осуждением того же «греха», куда полностью вошел цитированный рассказ о IV Вселенском соборе и где сохранилось его начало: «Во граде Халкидонском при благочестивом царе Маркиане во второе лето царства его бысть IV собор. Бяху шедшеся святи отцы 600 и 30, бяху старийшины собора Леонтий папа Римский, Анатолий патриарх Константинограда...» и т.д.¹⁴ Текст этот дословно совпадает с соответствующим местом из Послания I и, по-видимому, является его источником.

Но если Софийский и Погодинский списки Послания почти идентичны, то списки Синодальный и Пермский значительно от них отличаются и восходят к иному протографу:

¹⁰ ГИМ. Син. № 935/321. Л. 308–333об. Описание: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. II. Ч. 3. С. 628. Филигрань – Сфера, близк. к Лихачев. № 1839 (1562) и № 1928 (1567) Послание оканчивается словами: «...да не искусит вас сатана за неудержание ваше».

¹¹ *Бегунов Ю. К.* «Слово иное» – новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви // ТОДРЛ. 1964. Т. 20. С. 354.

¹² *Голохвастов Д. П., Леонид.* Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. С. 81; ГИМ. Син. № 935/321. Л. 326об.

¹³ *Демин А. С.* Об одном письмовнике XVI в. // УЗ АзГУ. История и философия. 1964. № 5. С. 97.

¹⁴ РГАДА. Ф. 201. Собр. Оболенского. Оп. 1. № 161. Л. 605об.–606. Ср.: ГИМ. Син. № 99. Л. 1485об.

Софийский и Погодинский списки	Синодальный и Пермский списки
...Яко ж малый юнейший Давид в дому отца своего помазан пророком Самоилом, тако ж и ты во юности на царствии Богом утвержен.	...Яко же малый юнейший Давид в дому отца своего паче старший братии своих Богом утвержен.
...ныне стоиши со многими изымався за руку...	...ныне стоиши со многими недруги, изымався за руки...
...нечестивого и гордого царя Бог своим копьем порази...	...нечестивого и гордого царя Бог своим скипетром поразил...

В Синодальном и Пермском списках опущено имя царя Ивана IV (в тексте стоит «имярек») и добавлено пространное предисловие на тему о необходимости послушания «священным словесам». Отсутствует в этих списках и важная заключительная часть Послания (со слов: «Внимай убо себе, благоверный царю...») с перечислением тех «неисправлений» («...главу, браду и усе бреем... кленемся именем Божиим во лжу ..., несть на нас истинного крестного знамения по существу...» и т.д.), которые вызывают различные «божественные казни»¹⁵. И. Н. Жданов установил, что именно эта заключительная часть Послания I послужила источником для царских вопросов на Стоглавом соборе, а Г. Н. Моисеева отметила связь упомянутых «казней» с соответствующим местом из речи Ивана IV на том же соборе¹⁶. Таким образом, по нашему мнению, Синодальный и Пермский списки представляют собой относительно раннюю переделку Послания I. В этой переделке оно утратило имя адресата и некоторые посторонние сюжеты (церковные «неисправления») и было приписано перу Максима Грека. Однако, Софийский и Погодинский списки переписывались уже не с оригинала, а с какого-то дефектного списка, содержавшего указанный выше пропуск и ряд других искажений текста¹⁷.

А. А. Зимин показал, что отмеченные И. И. Смирновым текстуальные совпадения Послания I с Посланием митрополита Макария Ивану IV представляют собой общие для обоих произведений заимствования

¹⁵ «...ово пленение поганных, беспрестани сеча и кровопролитие и церквам божиим разорение, и всякие святыни поправление и потопление и пожжение...» и т.д. (Голохвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. С. 86–87).

¹⁶ Жданов И. Н. Материалы для истории Стоглавого собора. С. 200–201; Моисеева Г. Н. Валаамская беседа – памятник русской публицистики середины XVI в. М.; Л., 1958. С. 59–61.

¹⁷ В обоих списках вместо начала библейской цитаты «Обиташе Израиль в Ситтима...» (Числа, XXV, 1) стоит явно испорченное «Жит же Израиль в шед...» (ОР РНБ. Соф. № 1281. Л. 377об.; Пог. № 1567. Л. 69об.).

из знаменитого «Послания на Угру» ростовского архиепископа Вассиана Рыло, которое долгое время служило для высших духовных лиц трафаретом обращения и государю. При сравнении Послания I с сочинениями церковных иерархов (новгородских архиепископов Макария, Феодосия и Пимена), использовавших «Послание на Угру», мы пришли к выводу, что «писание» Макария в гораздо большей степени, чем Послание I, зависит от своего образца, но, тем не менее, по своему идейному содержанию серьезно отличается от него и от Послания I.

В посланиях епископов, включая и «Послание на Угру», авторы пишут и своим адресатам с должным почтением, соблюдая официальный этикет и принятую в «эпистолиях» форму обращения: «Благоверному и христолюбивому, благородному и Богом венчанному и Богом утвержденному...»¹⁸ Послание I официального титулования вообще не знает. Митрополит Макарий, в отличие от автора Послания I и Вассиана Рыло, ни разу не допускает в своем Послании сравнения царя с евангельским образом «добротного пастыря», ответственного за своих подданных¹⁹. Отсутствует в Послании митрополита и тема покорения языческих стран, несмотря на то, что оно было отправлено во время похода Ивана IV на Казань: Макарий призывает царя лишь к обороне своей земли и даже опускает в перечислении доблестных «прародителей» Ивана IV Дмитрия Донского, хотя тот упоминается у Вассиана Рыло! В Послании I, наоборот, на основании библейских пророчеств развернута впечатляющая картина будущих побед царя:

Послание I	Послание Макария
<p>Да разсыплотца страны поганския иж хотящих брани и не созиждутца во веки...</p> <p>Обладаеши от моря и до моря и от рек до конец вселенная твоя, и поклоняютца тебе все царие земстии, и вси языцы поработают тебе...</p> <p>Тако глаголет Господь Бог вседержитель: «Аз помогох ти, изымах тя за руку десную твою и разрушу крепость царем поганым и предам их тебе в плен...»</p>	<p>...и сбудетца на тебе, благочестивом царе Боже слово от пророка реченное: «Аз воздвигох тя, царя правде и приях тя за руку свою и укрепих тя, да послушают тебе языцы...»</p>

¹⁸ ПСРЛ. Т. 12. С. 204; 206–207; АИ. СПб., 1841. Т. 1. С. 290, 549. Ср. с принятыми обращениями к царю в письмовниках XVI в. (ОР РНБ. Соф. № 1444. Л. 447об.; Соф. № 1454. Л. 434об.).

¹⁹ ПСРЛ. Т. 12. С. 204, 206–207; *Голохвастов Д. П., Леонид*. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. С. 73, 77, 82.

Послание I отличает чрезвычайно независимый тон по отношению к царю, содержит оно и откровенные намеки на его неблагоприятное поведение; обличая «гнилые советы неразумных людей», автор призывает Ивана IV: «Аще искорениши... содомский грех и любовников отлучиши – без труда спасешися и прежний свой грех оыстиши»²⁰. Вассиан Рыло, будучи духовником Ивана III, в свое время столь же смело выступал против негодных советников великого князя («развратных» и «лжеименитих»). Но Макарий (как и другие публицисты того времени, например, Максим Грек) даже во время столкновений с Иваном IV не допускал в своих сочинениях никаких личных выпадов и обвинений подобного рода, придерживаясь официального и почтительного тона. По нашему мнению, нет серьезных оснований приписывать составление Послания I Макарию и отказываться от авторства Сильвестра, тем более, что И. Н. Жданов подметил текстуальное сходство Послания I с Домостроем, а А. И. Соболевский установил употребление одинаковой лексики во всех трех посланиях, приписываемых Сильвестру²¹. Надо учитывать и тот факт, что обличение грехов царя и его приближенных, вообще не свойственные Макарию, были вполне уместны в проповеди царского духовника, не предназначенной для чужих глаз.

Оценка Послания I в современной литературе также вызывает споры: И. И. Смирнов видит в нем защиту самодержавной власти, а А. А. Зимин – выражение взглядов «боярской группировки» в правительстве компромисса. Характерно, что авторство Сильвестра подвергалось в свое время сомнению как раз на основании идейной направленности Послания, которая противоречила традиционным представлениям о Сильвестре – «нестяжателе» и противнике укрепления монархии. Уже В. Е. Вальденберг недоумевал, как мог сторонник «боярской партии» проповедовать неограниченную царскую власть²². Действительно, в Послании Сильвестр, призывая Ивана IV править «истинны ради и кротости и правды», подчеркивал всю полноту его «самодержавства»: «Сего смиряеши, а сего возносиши... царским бо судом вся смиряетца»²³. Развивающийся далее тезис о

²⁰ Голохвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. С. 82.

²¹ Жданов И. Н. Материалы для истории Стоглавого собора. С. 201. Соболевский А. И. Поп Сильвестр и Домострой. С. 195–196.

²² Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916. С. 294.

²³ Голохвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. С. 83.

божественном происхождении царской власти и об ответственности земных властей перед богом за вверенное им «стадо» уже достаточно утвердился в публицистике того времени и не представлял собой ничего специфически «боярского» и оппозиционного:

Иосиф Волоцкий	Послание I	Максим Грек
<p>...от вышня Божия десница поставлен еси самодержец и государь всея Руси. Глаголет бо Бог пророкам: «Аз воздвигох тя с правдою царя и приях тя за руки и укрепих тя».</p> <p>Всем же подобает, приемши от вышнего поведения правленья человеческого рода, православным государем, царем и князем, не токмо о своих пещися и своего токмо жития правити, но и все обладаемое от треволнения спасти и соблюдати стадо его от волков невредимю.</p>	<p>Тако глаголет Господь вседержитель: «Аз воздвигох тя царя правде и призвах тя правдою, приях тя за руки и укрепих тя».</p> <p>...понеже государь еси в православной своей области Богом поставлен и верой утвержден и огражден святостию, глава всем людем своим и государь своему царствию и наставник крепок людем своим...</p> <p>...многое множество даровал ти Господь Бог и нарек тя пастырем, начальника, судью и пророка...</p>	<p>Аще винограду убо и наследие господне воистину есть вручениим, христоименитии людие, пастырие, же священного сего наследия вышняго царие суть и святители и прочии князи да смотрят убо прилежно как над ними начальствуют и како яже о них правят... аки хотяща ответ дати о них Вышнему²⁴.</p>

²⁴Хотя большая часть Послания I посвящена обличению «содомского греха» и неразумных советников, все же его можно сопоставить с известным произведением Максима Грека «Главы поучительны начальствующим правоверно», написанным примерно в то же время (в 1548 г.). Оба произведения рисуют идеальный образ царя, правящего «правдой и благозаконием», неусыпного пастыря и защитника православной церкви; говорят об отвращении от плотских страстей и прямо указывают на необходимость удаления дурных советников, окружающих юного царя:

²⁴ Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 229–230; Голохвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. С. 70, 82; Максим Грек. Сочинения. Казань, 1860. Т. II. С. 160–161.

Главы поучительны	Послание I
... глаголющих развратно или советующих отнюдь отсылати и отгнати...	...искорениши злое се беззаконие прелюбодеяние, содомский грех, и любовников отлучиши...

Но если «Главы» Максима Грека являются только своеобразным моральным кодексом, где основным нравственным долгом правителя представлена борьба со страстями, отнюдь не чуждыми Ивану IV («гнев напрасный... сластолюбие, славолюбие и сребролюбие...»), то Послание Сильвестра составлено более искусно, несмотря на скудость идейного содержания и многословие. Сильвестр убеждает, что основная угроза благоденствию царства и причина божьих «казней» – это «содомский грех», ответственность за который возлагается на «гнилые советы» приближенных царя. В случае немедленного удаления «любовников» Сильвестр обещает Ивану IV: «Великий дар от Бога получиши... и твое царствие славою превознестца и во веки не подвижитца; и аще исправиши сия, вси врази твои падут под ногами твоими и не возмогут возстати»²⁵. Есть и еще одно важное отличие: Максим Грек советовал Ивану IV «мир и примирение любити всегда со всеми окрестными соседы», тогда как Сильвестр, пользуясь библейскими оборотами, призывал царя к активной внешней политике и покорению «поганских стран». Как уже было отмечено, тема подчинения «варварских языков» отсутствует и в посланиях митрополита Макария²⁶.

Как видим, ничего специфически «боярского» в данном Послании Сильвестра нет, его позиция по вопросу о значении царской власти ничем принципиально не отличается от точки зрения Иосифа Волоцкого, а его внешнеполитическая программа даже более решительна, чем у главы русской церкви «осифлянина» Макария.

Следует обратить внимание еще на одну особенность Послания I. В отличие от других адресованных Ивану IV сочинений, оно перегружено цитатами, которые приводятся значительными отрывками – целыми «паремьями», по выражению Курбского. Последний осуждал подобную же манеру изложения самого царя Ивана IV, который также помещал в своих сочинениях большие цитаты из источников.

²⁵ Голохвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. С. 80–82.

²⁶ Максим Грек. Сочинения. Т. II. С. 162; Голохвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. С. 69; Pelenski J. Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s). The Hague; Paris, 1974. P. 256.

Послание I связывалось в историографии с обличительными речами, произнесенными Сильвестром перед Иваном IV во время народного восстания 1547 г. Близость Послания к царскому выступлению и вопросам на Стоглавом соборе указывает, что оно было составлено все же несколько позднее – в 1550 г., как думает большинство историков, или до августа 1549 г., по мнению И. Н. Жданова, основанному на помещенных в Послании пророчествах о будущих детях царя²⁷. Однако у нас нет оснований утверждать, что Послание имело широкое распространение. Софийский список сохранился в принадлежащем Сильвестру сборнике Кирилло-Белозерской библиотеки и едва ли не был там создан. О происхождении тесно связанного с Софийским Погодинского списка Посланий судить трудно, но следует обратить внимание, что сборники П. М. Строева под № 35, 36, 37 (ОР РНБ. Пог. № 1567, 1566 и 1571) были составлены археографом сразу после изысканий в архивах Кирилло-Белозерского монастыря и Софийской библиотеки в Новгороде и содержат немало кирилловских рукописей²⁸.

Второе Послание – единственное из трех, где Сильвестр сам себя называет – в обоих списках адресовано казанскому наместнику боярину кн. А. Б. Горбатову. В историографии при оценке политической роли Сильвестра это послание сыграло большую роль: для большинства историков оно было свидетельством тесной связи Сильвестра с княжеско-боярскими кругами и, следовательно, оппозиционности по отношению к политике Ивана IV. Подробный анализ содержания Послания не проводился, обычно отмечалось лишь стремление Сильвестра и насильственной христианизации татарского населения и выделение им заслуг князя Горбатого при взятии Казани²⁹.

Послание написано Сильвестром в конце февраля – начале марта 1553 г. в ответ на просьбу самого казанского наместника³⁰ и напоминает по форме традиционные учительные послания духовных лиц –

²⁷ Жданов И. Н. Материалы для истории Стоглавого собора. С. 197–198. В августе 1549 г. у царя родился первый ребенок.

²⁸ Уо Д. К. К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева. С. 195.

²⁹ Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб., 1885. Ч. II. С. 253; Белов Е. А. Об историческом значении русского боярства. СПб., 1886. С. 83; Зимин А. А. И. Пересветов и его современники. С. 61; Скрынников Р. Г. Начало опричнины // УЗ ЛГПИ. 1966. Т. 294. С. 107.

³⁰ В тексте сообщается о крещении Утемиш-Гирея и Едигера (08.01. и 26.02.1553 г.) и нет никаких известий о восстании луговых татар, что стало известно в Москве 10 марта, и о болезни Ивана IV.

распространенную в то время форму церковной проповеди на Руси³¹. Но содержание Послания существенно отличается от обычного поучения. Как правило, исследователи обращали внимание на первые строки Послания, где Сильвестр почтительно обращается к Горбатову: «Боярину, наместнику и воеводе казанскому, государю моему князю Александру Борисовичю...» Но ниже Сильвестр обращается не только к наместнику, но и к гражданской и военной администрации завоеванного края («Господне мои, князи и властели...»), и купечеству («Христоименитие народи нарочитии града...») и к простому народу («Прости людие, повиновение и послушание и начальником имейте...»)³². В заключительной части Послания Сильвестр прямо указывает Горбатову: «Не скрый сего святого писания и прочим государским воеводам, советным ти о государеве деле, и священному чину, и христоимянитому стаду, да со вниманием прочетшее на пользу душам своим, и начнут вся сие творити»³³. Таким образом, это Послание является не личным письмом Сильвестра и Горбатову, а, скорее, своеобразной инструкцией наместнику и его администрации, написанной в тревожное время не прекращавшихся восстаний в «Казанском царстве».

В начале Послания, обращаясь к самому кн. Горбатову, Сильвестр сообщает ему о благоприятной реакции царя и «всех ближних» на его донесение о положении дел в Казани³⁴. Далее следует собственно инструкция, первым пунктом которой стоит христианизация края. Приведенные примеры – царь Константин («...и егда побеждаша, наипаче смирение показоваше...»), Давид (помиловавший род Саула) и сам Иван IV («...злोलютых своих враг, кровопивец христианских: царя казанского Едигенаря, нареченного во святом крещении Семиона и с ним крымских и казанских и нагайских князей и мурз и их детей плененных святым крещением освятил... враги в раби претворяет...») – должны были пояснить кн. Горбатову, что мягкие методы в обращении с населением в условиях напряженной обстановки того времени более пригодны. И в наказе поставленному в 1555 г. первому казанскому архиепископу Гурию также рекомендуется привлекать

³¹ Николаевский П. Ф. Русская проповедь в XV–XVI вв. // ЖМНП. 1868. № 2. С. 368.

³² Голохвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. С. 96, 98.

³³ Там же. С. 100.

³⁴ Первые отписки Горбатового сообщали об успешных преследованиях и казнях «изменников» (ПСРЛ. Т. 13. С. 229).

татар в лоно церкви «кротостью» и «умилением», а не страхом³⁵. Далее Сильвестр указывает Горбатову на те высокие требования, которым он должен отвечать, находясь на столь ответственном посту, и его обязанности, в число которых, по мнению Сильвестра, должен войти контроль за деятельностью духовенства.

Затем Сильвестр обращается непосредственно к различным группам русского населения Казани – «священническому чину», «воинству», «князьям и властелем», людям «нарочитим» и «простим». К духовенству Сильвестр обращается как опытный оратор, уснащая текст многочисленными евангельскими цитатами, которые указывают на требования, традиционно предъявляемые и духовным лицам: его тревожил низкий профессиональный уровень подготовки «пастырей», что беспокоило и Стоглавый собор³⁶. В этом разделе Послания Сильвестр призывал духовенство «печаловати и молити и всячески увещати земных властей о победных и о повинных и о обидящих. Аще не послушают, ино обличити и запрети». Факт этот нередко истолковывался в литературе как защита Сильвестром «печалования» и права церкви вмешиваться в государственные дела, а его деятельность сопоставлялась с борьбой Филиппа Колычева³⁷. Но если обратиться к уже цитированному наказу архиепископу Гурию, то оказывается, что правительство Ивана IV не только разрешало ему, но и прямо предписывало в случае если кто-либо из татар убежит от опалы, «от каковы ни буди... и похочет креститься, и ему того воеводам назад никак не отдати и крестити его и покоити у себя»³⁸. Таким образом, «печалование» в данном случае не только не противостояло интересам государственной власти, а наоборот, способствовало подчинению и христианизации «инородцев», причем церковь выступала перед ними в роли заступницы.

Обращаясь к «князьям и властелем», т.е. к казанской администрации, Сильвестр особенно подчеркивал значение правого суда, подкрепляя свою мысль соответствующими цитатами из Евангелия³⁹. Обличение неправого суда и злоупотреблений властей – тема тра-

³⁵ ААЭ. 1836. Т. 1. № 241. С. 259–260.

³⁶ «...священницы убо блази должны суть бытии, милосердни, братолюбиви, нищелюбии, страннолюбиви, благосерди ко всем...» и т.д. (Голохвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. С. 96).

³⁷ Барсов Н. И. К вопросу об авторстве «Послания к царю Ивану Васильевичу» Сильвестровского сборника С.-Петербургской духовной академии. С. 3; Голохвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. С. 96.

³⁸ ААЭ. Т. 1. С. 260. Печаловаться предписывалось даже за приговоренных к смертной казни.

³⁹ Голохвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. С. 97.

диционная (особенно развивал ее Максим Грек, у которого можно обнаружить и сходные мысли⁴⁰). Но в данном случае выступление Сильвестра против неправосудия и лихоимства имеет вполне определенный смысл; в только что присоединенном крае нельзя доводить дело до массовых народных выступлений против новых порядков, и поэтому воеводы обязаны не допускать насилий и поборов.

«Людам нарочитым» Сильвестр советует «промышлять об исправлении и чину прибытка вашего» и беспокоится о «равнокупении и равномерении». Эти меры могли быть направлены в интересах купечества на сохранение значения Казани, как крупного торгового города. И, наконец, обращаясь к народу, Сильвестр всячески убеждает его в необходимости «послушания и повиновения к начальником... и ко духовным же началом», ибо и церковь и верховная власть неустанно пекутся о своих поданных. Заканчивается послание демагогическим призывом к нищим и богатым о взаимном единении и соблюдении моральной чистоты⁴¹.

Интересно отметить следующее: к какой бы общественной группе ни обращался Сильвестр, всем он говорит о «смирении друг с другом», милосердия и любви к ближнему. Эти призывы имеют свою цель сгладить и примирить противоречия, существующие в феодальном обществе и объединить все социальные силы (не без демагогии об общем благе) в борьбе за утверждение нового порядка в «подрайской землице», захвата которой дворянство устами Пересветова требовало уже давно. Послание Сильвестра близко по духу к правительственным декларациям конца 40–50-х гг.: речам на т.н. Соборе примирения 1549 г., царским вопросам 1550 г. из сборника Евфимия Туркова и «Приговору царскому о кормлениях и о службе» 1556 г., где царская власть стремится выставить себя пекущейся об общем благе и защитницей всех обидимых, а главное – проводится линия консолидации всех слоев господствующего класса на основе компромисса и обоюдовыгодных решений. Реформы «Избранной Рады» и успешное завершение Казанской войны были выгодны не только феодалам, но и верхам посада⁴², поэтому не удивительно, что изложенная Сильвестром (беспокоившимся насчет «купи праведной» и «прибытков»

⁴⁰ *Максим Грек. Сочинения. Т. II. С. 199, 210.*

⁴¹ *Голохвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. С. 98–99.*

⁴² *Шмидт С. О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549 гг.) // Труды МГИАИ. 1954. Т. 6. С. 250–255; Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. С. 115.*

русских купцов) программа направлена на возможно более прочное закрепление и усмирение завоеванного края.

И это послание не дает возможности говорить о «пробоярских» взглядах Сильвестра, и тем более, о поддержке его кланом Суздальских князей. Через все сочинение проводится мысль о решающей роли Ивана IV во взятии и «устроении» Казани: Сильвестр предупреждает и Горбатого и других воевод об ответственности за вверенное «царство» и напоминает о безусловном послушании воле государя⁴³. Конечно, Сильвестр подчеркивает и заслуги кн. Горбатого и его соратников в Казанской войне («купно ж и вашим подвигом мужествене пособствующу ему...»), но упоминание о победах Горбатого в обращении к наместнику, только что назначенному на этот пост царем было вполне уместно⁴⁴. А упоминание о деятельности воевод – помощников царя в Казанской войне – вряд ли может рассматриваться как признание Сильвестром необходимости «боярского совета при самодержце», как утверждал А. А. Зимин. Скорее эту мысль можно сопоставить с высказываниями Максима Грека из Послания к Ивану IV 1551 г.: «Такожде и сушая о тебе пресветлые князи и бояре и воеводы преславные и добляя воины почитай и бреги и обильно даруй...» В. Ф. Ржига оценил мысли Максима Грека как «точку зрения на координацию политических сил, причем состав их он не ограничивает духовенством и боярством, но вводит сюда и молодую силу, только что начавшую заявлять о себе – «воинство»⁴⁵.

Очень интересным свидетельством внимания к сочинениям Сильвестра являются приписки, сделанные к тексту этого послания в Погодинском списке на полях рукописи. Приписки эти либо исправляют ошибки переписчика, либо дополняют и изменяют текст. В первом случае автор приписок дописывает слова (на л. 77 – слово «пола/ты», на л. 80 – «видя нужна помиловати (*и себе Бога*) милостива имети») и целые части фраз (на л. 85 – «и от гноища устрабляй богата»). Автор приписок был хорошо знаком с текстом Послания или имел его под рукой, так как в последнем случае он восполняет пропущенные места именно так, как они были написаны у Сильвестра («и воздвизая от земли нища и от гноища устрабляй богата»), а не

⁴³ Голохвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. С. 92–96.

⁴⁴ Победы войск под командованием А. Б. Горбатого на Арском поле под Казанью и взятие ими «Арского острога» отмечены и в официальной летописи (ПСРЛ. Т. 13. С. 208–211).

⁴⁵ Ржига В. Ф. Опыты по истории русской публицистики XVI в. Максим Грек как публицист // ТОДРЛ. 1934. Т. 1. С. 75.

так, как должно быть в приведенной цитате из Златоуста: «И от гноща устрабляяй нища»⁴⁶. Интересно, что здесь Сильвестр изменил текст цитаты, чтобы ярче выразить свою мысль: за богоугодные дела будут вознаграждаться все – и нищие и богатые, чего текст цитаты не давал. Приписки второго рода гораздо более интересны. Исправление текста преследует определенную цель – подчеркнуть роль царя и умалить значение воевод в «Казанском взятии». Сильвестр, говоря о покорении Казани Иваном IV, обычно употребляет выражения «вашим храбрством» или «вашим подвигом» по отношению к Горбатову и другим воеводам. Автор приписок вычеркивает слово «вашим», а на полях пишет «крепких своих вои» или «христоролюбивых вои», т.е. явно отдает предпочтение «воинству» в деле покорения Казани⁴⁷. При описании милосердия Давида (как аналогии и поведению Ивана IV после взятия Казани) по отношению к внуку Саула автор приписок исправляет текст («каждо от створяющих ему») таким образом, чтобы дать отрицательную характеристику боярам, которые завидовали такой милости («каждо от зазреющих ему»)⁴⁸.

Особенно интересно сообщение большой приписки на л. 78об. Погодинского списка. Она представляет собой связный рассказ о поставлении казанского архиепископа Гурия и о его деятельности на поприще обращения «бесермен» в христианство, устройства церквей и общежительных монастырей: «...и бесчисленное неизреченное множество бусурман неверных в веру обрати и святым крещением просвети и духовными отцы их в христианском законе утверди, и по царскому повелению град Казань камен псковские мастера соделаша и святые божины церкви каменные начаша ставити». Действительно, строить крепость в Казани должны были псковичи, и эта приписка может послужить основанием для датировки внесенных в текст исправлений второй половиной XVI в.⁴⁹ Автор приписок – по всей вероятности лицо духовное, поскольку его отличает повышенное внимание к церковным сюжетам: он интересуется просветительской деятельностью Гурия, и сообщению Послания о крещении казанско-

⁴⁶ Голохвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. С. 98. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 1283.

⁴⁷ ОР РНБ. Пог. № 1567. Л. 76–76об.

⁴⁸ Голохвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. С. 90; ОР РНБ. Пог. № 1567. Л. 76об.

⁴⁹ Егоров В. В. Стены Казанского кремля и работы по ремонту их // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников Татарской АССР. Казань, 1928. Вып. 2. С. 62–77.

го царя Едигера добавляет: «...и Божественному писанию от святых книг изучи и всегда во святей церкви воспеваает»; и даже А. Б. Горбатого называет «богомольцем» и «пастырем».

Рядом с Посланием в Казань в Софийском и Погодинском списках находится и еще одно Послание – к неизвестному опальному (далее – Послание III) без имени автора, что вызывало сомнения в принадлежности этого сочинения Сильвестру. Вслед за Е. Болховитиновым авторство Сильвестра по «складу мыслей и тону речи» признавали Н. И. Барсов, А. Ф. Бычков, митрополит Макарий, не возражал и Е. Е. Голубинский. Но уже сотрудник Д. П. Голохвастова Н. М. Коншин не приписывал это Послание Сильвестру; не считал его автором и И. Н. Жданов. В. Н. Малинин установил, что Послание III представляет собой буквальное повторение текста т.н. «Послания в беде сущим» известного писателя старца Филофея и считал, что оба Послания принадлежат ему. Это мнение поддержал и Н. Н. Кононов⁵⁰. Не определен и адресат Послания: Н. И. Барсов, Макарий и Е. Е. Голубинский видели в нем того же А. Б. Горбатого, тогда как В. С. Иконников полагал, что Сильвестр направил его опальному участнику заговора 1553 г. кн. С. В. Ростовскому, который, по мнению исследователя, в результате заступничества Сильвестра вернулся из ссылки⁵¹. В советской историографии Послание III в работах А. А. Зиминой, И. И. Смирновой и Р. Г. Скрынникова приписывается Сильвестру, но его идейное содержание оценивается по-разному. Если И. И. Смирнов видел в Послании отражение борьбы Ивана IV против «великих родов», то Р. Г. Скрынников, напротив, считал его доказательством сближения Сильвестра с ростово-суздальской знатью в лице А. Б. Горбатого.

В настоящее время А. Л. Гольдберг выяснил, что ряд приписываемых Филофею произведений, в том числе и «Послание в беде сущим», на самом деле ему не принадлежат, а имя Филофея появляется в предисловии к этому посланию лишь в списках XVII в.⁵² При сопостав-

⁵⁰ *Зимин А. А.* И. Пересветов и его современники. С. 54–55; *Малинин В. Н.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. С. 185–186; *Кононов Н. И.* Разбор некоторых вопросов, касающихся Стоглава. С. 667.

⁵¹ *Барсов Н. И.* Рец. на кн.: Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1878 // Церковный вестник. 1879. № 8. С. 10; *Макарий.* История русской церкви. СПб., 1891. Т. 7. С. 456; *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М., 1911. Т. 2. Ч. II. С. 159; *Иконников В. С.* Максим Грек и его время. Киев, 1915. С. 514; *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 107–108.

⁵² *Гольдберг А. Л.* Три «послания Филофея» (опыт текстологического анализа) // ТОДРЛ. 1974. Т. 29. С. 80–81. Нам известен еще один список послания «в беде су-

ставлении «Послания в беде сущим» с Посланием III оказывается, что последнее не просто повторяет свой образец, но имеет и существенные отличия: текст его местами изменен и дополнен, добавлена большая вступительная часть с некоторыми биографическими сведениями об адресате, из которых следует, что получатель Послания III неоднократно находился в опале и даже был приговорен к смерти: «Тебе же, любимиче... ни единою ж, ни дважды, но и у смертного часу в наказании у казни бывающу, но и потом наипаче в благочестивых сияющу и в велицей славе всеми обладающу»⁵³. С. В. Лобанов-Ростовский действительно был приговорен к смертной казни после попытки побега в Литву, но никаких сведений о его опале до 1554 г. нет. А. Б. Горбатый и П. И. Шуйский попали в опалу одновременно в сентябре 1546 г.⁵⁴ Далее карьера П. И. Шуйского не прерывалась – он становится воеводой в Свяжске (1552–1553) и казанским наместником (1555–1557), а летом 1558 г. назначается главнокомандующим русскими войсками в Ливонии⁵⁵. А. Б. Горбатый, напротив, явно находился в подозрении у царя: он не дождался даже конца своего «годования» в Казани (вероятно, в связи с неудачными действиями против восставших) и уже к сентябрю 1553 г. был заменен С. И. Минулинским. За последующее время он всего лишь три раза упоминается в разрядах, оставаясь в 1556, 1557 и 1559 гг. вместе с братом царя Юрием Васильевичем «на Москве» во время отсутствия Ивана IV⁵⁶. Ни военных, ни административных постов он более не занимал. Таким образом, кандидатура А. Б. Горбатого, как возможного адресата Послания III была бы наиболее вероятна, но дело в том, что у нас нет сведений о вынесении князю смертного приговора во время опалы 1546 г., поэтому вопрос об адресате Послания III остается открытым.

Послание III действительно включает в себя почти все «Послание в беде сущим», однако подобная переделка не обязательно говорит о том, что автором обоих произведений был один и тот же человек. В. Н. Малинин доказал, что «Послание в беде сущим» первично, и наше послание, таким образом, составляет сознательную его переработку. На протяжении всего Послания III – и в «списанном» тексте и в оригинальном – проводится одна и та же мысль о неотвратимости даже спустя много лет наказания за прегрешения. В обоих посланиях

щим» (ОР РНБ. Сол. № 521/851. Л. 336об.–347), где не упоминается имя Филофея.

⁵³ Голохвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. С. 100.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 147.

⁵⁵ Там же. С. 222, 265, 282, 300.

⁵⁶ Буганов В. И. Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. С. 159, 163, 182.

эта мысль иллюстрируется соответствующими примерами из Пандект Никона Черногорца, но любопытно, что перечень вполне конкретных злоупотреблений, за которые могла быть наложена опала, в Послании III не списан со своего образца, а представляет собой авторский текст: «...или несправедливо судя, или по вражде, или по дружбе, или по мзде права виновата сотвори, или нужных не помилова... или дани тяжкия и уроки и всякие налоги немилосердно и несправедливо возлага... или государю неправдова и неповинуяся»⁵⁷. Далее и в списанном и в оригинальном тексте Послания III опальный вельможа призывается к безусловному подчинению царю, даже если наказание наложено «без правды».

Содержание Послания, таким образом, не дает возможности утверждать о поддержке его автором претензий боярской знати – он не столько утешает опального, сколько напоминает ему о справедливости наказания и непогрешимости царской власти, всякое сопротивление которой или даже «хулен помысл» о ней – означают сопротивление божественным установлениям и гибель собственной души⁵⁸. Недаром эта идея была использована и самим Иваном IV в переписке с Курбским: «Почто не изволил от мене, строптивного владыки, страдати и венец жизни наследити?.. Не токмо едину душу, но и своих прародителей души погубил еси»⁵⁹. Однако Послание III невозможно охарактеризовать и как сознательную борьбу против «великих родов». Оно скорее свидетельствует о стремлении доказать неограниченность царской власти по отношению ко всем подданным, а не только к боярам. Послание это можно сравнить с аналогичным ответом «иосифлянина» митрополита Даниила на просьбу некоего опального о печаловании за него перед государем. В обоих посланиях содержатся одинаковые мысли о справедливости и неотвратимости наказания и о безусловной покорности властям:

Послание III	Послание Даниила
Аще кто со истинною себе испытает о своих согрешениях, еже к богу согрешил есть или человеком егда убо сам зло кому никако сотвори...	Подобает же ти изыскати себе, аще в чем согрешил еси царю...

⁵⁷ Голохвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. С. 103.

⁵⁸ Там же. С. 104, 106.

⁵⁹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 15.

Аще кроме сех всех вин... прииде на тя скорбь без правды, и се бо благодарить Божиа и любя тя Господь послал есть.	Аще же неправедно гнев царский прииде на тя, яко несть вины твоей пред ним... о сем благодарственная воздашь Христу Богу яко милость его прииде на тя.
Государю тшися верою служитьи и правдою и покорением, чтоб и вперед самому вконец не погибнути в сем весе и в будущем.	...славу и честь и страх и благоговение праведное и нелицемерное всегда ко царю имети ⁶⁰ .

⁶⁰Даниил относится к опальному даже более мягко, чем автор Послания III, и соглашается печаловаться за него, не упоминая о гибели души в случае неповиновения властям.

Сходные мысли о невозможности сопротивляться и роптать на действия властей, которые направляются божественной волей, находятся и в «утешительном» послании другого «иосифлянина» – волоколамского старца Фотия старице княжне Александре (которую А. А. Зимин считал вдовой казненного в 1546 г. кн. И. И. Кубенского)⁶¹.

Таким образом, в Послании III нельзя обнаружить никаких «нестяжательских» тенденций, что характерно и для других сочинений Сильвестра. Обращает на себя внимание и тот факт, что Послание III встречается только вместе с другими посланиями благовещенского священника; в оригинальной его части употребляются то же обращение к адресату, что и в послании к А. Б. Горбатову («любимиче») и один и тот же риторический прием – заявление о своей греховности и невозможности дать поучительный ответ⁶². Поэтому, на наш взгляд, и это послание (а точнее переделку послания «в беде сущим») можно считать принадлежащим Сильвестру.

Анализ содержания всех трех посланий, связанных с именем Сильвестра, позволяет сделать некоторые выводы об идейно-политических взглядах их автора. В своих произведениях Сильвестр выступает сторонником политики правительства компромисса конца 40–50-х гг. XVI в. Содержащаяся в них идея компромисса, как добровольного учета монархом интересов различных общественных групп созвуч-

⁶⁰ Голохвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. С. 103–105; Дружинин В. Г. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI в. // ЛЗАК за 1906 г. 1909. Вып. 21. С. 104–106.

⁶¹ Послание к старице Александре волоколамского инока Фотия // ЛЗАК за 1861 г. 1862. Вып. 1. С. 22–33; Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. С. 117.

⁶² Голохвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. С. 88, 94, 100.

на мыслям Максима Грека, которые он высказывал в это же время. Однако позднее, считавший себя учеником Максима Грека, Курбский создал свою теорию власти царя, ограниченного боярским советом, и отождествлять эти представления публицистов (как это делают некоторые исследователи⁶³) не следует. По нашему мнению, в посланиях Сильвестра отсутствует какая-либо защита интересов родовитой боярско-княжеской аристократии, так же как и «нестяжательская» тематика. Сильвестр не выдвигает никаких ограничений царской власти, хотя и не отрицает роли «князей и воевод» как помощников царя, особенно на войне. Послания подтверждают и свидетельства современников о значительном влиянии Сильвестра на государственные дела и на самого Ивана IV, причем не только в нравственном или политическом плане: сочинения Сильвестра, видимо, оказали воздействие и на манеру литературного изложения собственных произведений царя.

§ 2. «Дело Висковатого» как источник для изучения общественно-политической борьбы середины XVI в.

Другим важным источником о деятельности Сильвестра служит т.н. «Дело Висковатого» – комплекс материалов церковного собора конца 1553 – начала 1554 г., посвященных разбору выступления главы Посольского приказа дьяка И. М. Висковатого против новых икон и фресок, выполненных под руководством Сильвестра. Материалы эти уже вскоре после публикации привлекли внимание исследователей, прежде всего историков искусства. Поэтому характерно, что вслед за Ф. И. Буслаевым оценка «Дела» как выступления бескорыстного ревнителя старины Висковатого против иконографических сюжетов, заимствованных из западного искусства, получила распространение в трудах многих исследователей, обычно рассматривавших этот источник лишь в аспекте иконографических изысканий⁶⁴. В то же время уже известный историк церкви митрополит Макарий показал связь соборного разбирательства «сумнений» Висковатого с осуждением ереси Матвея Башкина. На необходимость выяснения политической подоплеки выступления Висковатого указывали такие исследовате-

⁶³ Уваров К. А. Князь А. М. Курбский – писатель. (История о великом князе Московском) Автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 1973. С. 12–13.

⁶⁴ Буслаев Ф. И. Для истории русской живописи XVI в. // Буслаев Ф. И. Сочинения: В 2 т. СПб., 1910. Т. 2. С. 288. Подробную дореволюционную историографию вопроса см. в работе Н. Е. Андреева (*Андреев Н. Е. О деле дьяка Висковатого // Seminarium Kondakovianum. Прага. 1932. Т. 5. С. 191–241. Переизд.: Андреев Н. Е. Studies in Muscovy. Western Influence and Byzantine Inheritance. L., 1970.*

ли, как Ф. Г. Калугин, Е. Е. Голубинский и Н. П. Кондаков⁶⁵, но до сих пор единственной специальной работой, посвященной изучению этого источника, остается большая статья Н. Е. Андреева, опубликованная в 1932 г. Н. Е. Андреев впервые провел источниковедческое изучение «Дела» по имеющимся публикациям и пришел к выводу, что этот источник представляет собой позднейшую сводку материалов, основанную на записи очевидца судебного разбирательства и включившую в себя подлинные документы и связующие вставки писца или составителя. Хотя исследователь пытался рассматривать «Дело» в плоскости изучения социально-политической борьбы в царствование Ивана IV, но все же и он видел в выступлении дьяка «столкновение мировоззрений Москвы и Новгорода» с характерным для искусства последнего обращением к западно-европейским сюжетам⁶⁶.

В советской историографии «Дело Висковатого» привлекалось прежде всего для изучения истории общественно-политической мысли того времени в связи с появлением активных еретических выступлений против духовной диктатуры церкви, но в работах И. И. Смирнова и А. А. Зимина содержатся важные замечания и о политическом звучании «Дела». По-прежнему обращаются к «Делу» и искусствоведы⁶⁷. Из зарубежных работ можно выделить опубликованную в Париже статью Л. А. Успенского, в которой категорически отрицается присутствие в «Деле» каких-либо «политических страстей»⁶⁸. К сожалению, и Н. Е. Андреев и последующие исследователи (кроме А. А. Зимина) не обращались к анализу сохранившихся списков «Дела» и пользовались изданиями 1836–1858 гг., хотя и отмечали недостатки этих публикаций.

Впервые «Дело Висковатого» было опубликовано в первом томе Актов археографической экспедиции в 1836 г. по Соловецкому

⁶⁵ *Макарий*. История русской церкви. СПб., 1891. Т. 6. С. 260; *Калугин Ф. Зиновий, инок Отенский, и его богословско-полемические и церковно-учительные произведения*. СПб., 1894. С. 257–258; *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М., 1900. Т. 2. Ч. I. С. 842; *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери // Иконописный сборник. СПб., 1910. Вып. 4. С. 212.

⁶⁶ *Андреев Н. Е.* О деле дьяка Висковатого. С. 197–199, 232–233.

⁶⁷ *Смирнов И. И.* Иван Грозный и боярский «мятеж» 1553 г. // ИЗ. 1953. Т. 43. С. 162–168; *Зимин А. А. И.* Пересветов и его современники. С. 176–179; *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в. М., 1960. С. 265–266; История русского искусства. М., 1955, Т. 3. С. 579–582; *Мнева Н. Е.* Искусство Московской Руси. М., 1965. С. 116; *Подобедова О. И.* Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972. С. 56–57.

⁶⁸ *Успенский Л. А.* Роль московских соборов XVI в. в церковном искусстве // Вестник русского западноевропейского патриаршего экзархата. 1968. № 64. С. 242.

списку⁶⁹. Публикация была неполной: в издании помещены только «покаяние и ответ» дьяка Висковатого, соборная епитимия ему и жалобницы Сильвестра и другого священника Благовещенского собора – Симеона. Большая часть самого соборного разбирательства опубликована не была по неизвестным причинам. В 1847 г. появилась новая публикация «Дела», осуществленная О. М. Бодянским в «Чтениях ОИДР» по списку из собрания И. П. Сахарова, который публикатор ошибочно датировал XVI в.⁷⁰ Список был опубликован полностью, но иногда О. М. Бодянский восполнял пропуски в нем по предыдущей публикации, никак не отговаривая их. Так, на с. 16 после слов «как ныне видим на иконе писано: «верую во единого Бога-Отца вседержителя, творца небу и земли» добавлено: «а писати было словы: “Верую во единого Бога-Отца вседержителя, творца небу и земли видимым же всем и невидимым”». На той же странице после слов: «так проповедуем истинного Бога нашего» добавлено: «а тамо в синодике писано: “Тако веруем и тако проповедуем Христа истинного Бога нашего”». В то же время в публикации на с. 23 после слов «сам от писания говорит не добро» пропущена фраза: «Еще есми и злословил Артемья, слышал во Пскове про него как он был, что он говорил не добро».

В третий раз дело было опубликовано в 1858 г. тем же О. М. Бодянским по списку, принадлежавшему Иосифо-Волоколамскому монастырю. В этом списке сохранилось самое начало «Дела» (предисловие составителя, «исповедь» висковатого и часть соборных возражений), которое отсутствовало во всех прежде публиковавшихся списках⁷¹. Рукопись сильно пострадала от времени и часть текста была повреждена: О. М. Бодянский отметил эти места отточиями. Надо сказать, что сейчас рукопись находится в еще более ветхом состоянии, чем в то время, когда ею пользовался Бодянский, и это придает еще большую ценность публикации. Однако из-за того, что листы рукописи слиплись, при публикации были пропущены два сравнительно больших отрывка. На с. 5 публикации после слов: «собора вселенского» следует читать: «...шестаго... при Устиане ц... де полатнем в Константине граде правило 82 и святого Василия от послания иже к Амфилохию правило 91 и се правило 82 о законе Моисеове, си-

⁶⁹ ААЭ, Т. 1. № 139. Епитимия Висковатому была сверена по списку, принадлежавшему П. М. Строеву (ОР РНБ. Пог. № 1558. Л. 57об.–68).

⁷⁰ Московские соборы на еретиков XVI в. в царствование Ивана Васильевича // ЧОИДР. 1847. Кн. 3. Отд. II. С. 1–30.

⁷¹ Розыск или список о богохульных строках и о сумнении святых честных икон диака Ивана Михайлова сына Висковатого // ЧОИДР. 1858. Кн. 2. Отд. III. С. 1–42.

речь о пророческих видениях скажет сице: на неких честных иконах агнец перстом предтечевым являем и начертаем бывает иже в образе оставлен бысть благодсти истинного». На с. 7 после слов: «и того ради Господа нашего» следует читать: «...ветхого агнца и ветхых образов, и яз пророческим видением истинно верую и поклоняюсь им и разумеваю от того яко же святи отци написаша, видеша пророци яко же мощно бе им стерпети славу божественную, существа же Божеству не видеша, но подобием славы Господня видеша, яко же великий Иван Богослов рече: “Бога никто же виде нигде же” и яко же Дамаскын воспе: “Бога человеком не удоб видети”; и яко же великий... Златоуст в Маргарии... шти беседах написа о непостижимом Божии существе не разсужати и не описывати, но токмо веровати. Так же и о делех его не мудрствовати, но токмо веровати, еже Богом ся быша, а еже как быша – не веемы. И яз тому свидетельству так и говорил, а что написали распята Христа Бога нашего руки сжаты, а инде ослаблены, а инде крылы херувимскими покрыты...»⁷²

Помимо сказанного, исследователям при обращении к «Делу» необходимо учитывать, что во всех трех публикациях были допущены ошибки и неточности при передаче текста, что может затруднить его понимание, например:

Сахаровский список	Публикация 1847 г.
...а Ортемей с Селиверстом, а поп Семен Башкину отец духовной...	...а Ортемей Селиверстов, а после Семен Башкину отец духовной...
...писано... около того четыре ветрыписано... около того четыре веры ...
...а на ней написан год аки ангела на ней написан Господь аки ангел...
Волоколамский список	Публикация 1858 г.
...и от сего мечетники показуешь, да будут прокляти.	...и от сего мученики показуешь, да будут прокляти.
...писаны не по существу...	...писаны по существу...

Ценные замечания источниковедческого характера о «Деле» были сделаны А. А. Зиминим, но поскольку «Дело Висковатого» не являлось предметом специального исследования автора, то он коснулся лишь некоторых аспектов изучения этого памятника: выяснил состав публикации «Дела» 1836–1858 гг., дал краткое описание Волоколамского и найденного им Погодинского списка и сборников, в которых они содержатся. На основании изучения известных ему списков «Дела» А. А. Зимин пришел к выводу, что этот источник,

⁷² ГИМ. Епарх. № 432/14. Л. 13об.–14, 19об.–20.

вопреки мнению Н. Е. Андреева, представляет собой не позднейшую хаотичную сводку, выполненную частным лицом, а продуманное изложение всего хода дела, принадлежащее перу официозного составителя. Далее А. А. Зимин предположил, что сокращенный вариант «Дела» (без начала, сохранившегося только в Волоколамском и Погодинском списках) является результатом редакторской переработки в конце XVI в., когда «Дело» было объединено вместе со «Сказанием вкратце о соборе на Матвея на Башкина», материалами собора о приезде папского посла А. Поссевино и рядом других полемических сочинений. Причиной подобного сокращения «Дела» А. А. Зимин считал пожелание составителей распространять сомнительные мудрствования дьяка (его «исповедь») и их стремление «перенести центр тяжести обвинений в ереси на более колоритные фигуры Матвея Башкина и епископа Кассиана»⁷³.

В настоящее время нам известно 6 списков «Дела», из которых ни один не является полным. Помимо использованных в публикациях Соловецкого, Строевского, Волоколамского и обнаруженного А. А. Зиминим Погодинского списков, нам удалось разыскать еще один список «Дела» в собрании В. М. Ундольского (ОР РГБ) и определить местонахождение Сахаровского списка, который А. А. Зимин считал утраченным. Все списки можно разделить на две группы, в первую из которых войдут Волоколамский и Погодинский. Волоколамский список представляет собой самостоятельную рукопись, написанную одним почерком, четким полууставом⁷⁴. Начало текста («В лето 7062. Список о богохульных строках и о сумнении святых честных икон диака Ивана Михайлова сына Висковатого»), заглавные буквы и заголовки отдельных частей «дела» написаны киноварью. За прошедшее время рукопись еще больше ответшала: связный текст сейчас обрывается на л. 108об. словами «...мудрование Матюшино от Семена...», далее сохранились лишь отдельные фрагменты истлевших листов. Но, видимо, рукопись содержала раньше более полный текст «Дела» (сейчас отсутствуют конец жалобницы Сильвестра и вся жалобница Симеона, т.е. самое окончание «Дела»), т.к. еще в 1858 г. О. М. Бодянский отметил, что публикуемая рукопись обрывается механически и имела в свое время продолжение⁷⁵.

⁷³ Зимин А. А. И. Пересветов и его современники. С. 176–179.

⁷⁴ ГИМ. Епарх. № 432/14. Л. 1–110. Переплет утрачен при реставрации. Филлигрань: Briquet. № 12742/1550–1585 гг.); Лихачев, № 1740 (1556 г.). Другая филлигрань – кувшинчик с короной и литерами «НО» (или «ЛЮ») в справочниках не обнаружен (Зимин А. А. И. Пересветов и его современники. С. 177).

⁷⁵ ЧОИДР. 1858. Кн. 2. Отд. III. С. 42.

Самое начало «Дела» – два вступления и начало «исповеди» Висковатого (до слов «...аще видехом, что по истине же видехом, яко же громов Сын нас научи, еже бе исперва...») сохранилось и в небольшом отрывке в сборнике из собрания М. Н. Погодина, где под одним переплетом оказались различные, собранные П. М. Строевым, рукописи XVI–XVIII вв.⁷⁶

Все четыре списка другой группы – Соловецкий, считавшийся утраченным Сахаровский⁷⁷, список из собрания В. М. Ундольского и Строевский – входят в состав сборников XVII в. и содержат вторую половину соборных возражений – «ответов» Висковатому, его покаяние, епитимию и жалобы.

Соловецкий список представляет собой конволют, обе части которого раньше были самостоятельными сборниками. Интересующие нас материалы входят в состав первой рукописи сборника, датируемой 30-ми гг. XVII в. Эта первая рукопись, согласно записи на л. 264об., была куплена у князя Г. В. Тюфякина⁷⁸ Никифором Матвеевичем Толочановым, который и оставил на л. 1–37 свою владельческую запись от 23 июля 1659 г. Видимо, этот сборник вместе с постригшимся в Соловках Н. М. Толочановым и попал в монастырь, а не был создан там⁷⁹.

⁷⁶ ОР РНБ. Пог. № 1564. Л. 24–35об. Отрывок написан полууставом XVI в. Филигрань (одноручный кувшинчик с розеткой) неизвестна. Описание сборника сделано А. Ф. Бычковым (*Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников* имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. С. 2–6). По этому списку (Погодинскому) А. А. Зимин восполнил один пропуск в публикации 1858 г.

⁷⁷ Обнаружен нами: ГИМ. Собрание А. С. Уварова. № 40/1868. Л. 90об.–104об. Весь сборник (4^о, 122 л.) написан скорописью, одним почерком, в 30-х гг. XVII в. (Филигранны: Неаууд. № 1215 (1621), № 3531 (1637); Гераклитов. № 830 (1636–1638 гг.), № 832 (1639–1640 гг.), а не в XVI в., как предполагал О. М. Бодянский. На Л. 1 и 122 находятся оттиски печати со словами «Из библиотеки лекаря Сахарова» и запись «Из библиотеки Сахарова». В тексте «Дела» карандашом расставлены знаки препинания, выделены начало и конец публикуемого текста, на поля вынесены заголовки отдельных частей.

⁷⁸ ОР РНБ. Сол. № 857/967, 4^о, 517 л. Первая рукопись занимает Л. 1–264об. Филигранны: Гераклитов. № 524 (1628–1630 гг.), № 666 (1631 г.), № 758 (1625 г.). Вторая рукопись относится ко второй половине XVII в. Стольник кн. Григорий Васильевич Тюфякин упоминается в 1616–1625 гг. (*Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга*. СПб., 1895. Т. II. С. 309).

⁷⁹ *Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII в. Л., 1977. С. 146.* М. В. Кукушкина считает Н. М. Толочанова стольником царя Федора Алексеевича (Там же. С. 42). Судя по дате владельческой записи, это был стольник (с 1635 г.). Н. М. Толочанов, отправленный с посольством в Грузию в 1650–1652 гг. (Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию в 1650–1652 гг. Тифлис, 1926. С. 043–044); *Зимин А. А. И. Пересветов и его современники. С. 177.*

Строевский сборник представляет собой конволют из рукописей второй половины XVII в.⁸⁰ К несколько более раннему времени относится список в сборнике из собрания В. М. Ундольского⁸¹.

Во всех четырех сборниках «Дело» (без начала) находится вместе с отмеченным А. А. Зиминим конвоем: «Сказанием вкратце о соборе на Матвея Башкина на еретика и о епископе Касьяне резанском»⁸², материалами собора по делу А. Поссевино⁸³ и такими сочинениями как «Никифора Панеста прение с латынею»⁸⁴, «Сказание о вере срачинской». «Како говорити с неверными о вере», «Сказание о армянской ереси» и рассказ ученика Макария александрийского о душах умерших из Скитского патерика. Но во всех четырех сборниках конвоем «Дела» являются не только эти, выделенные А. А. Зиминим произведения, но и более широкий круг сочинений, т.е. «Дело» является как бы составной частью обширного сборника, который открывается «Сказанием о израильтеских пророцех» и заканчивается указанным А. А. Зиминим конвоем. «Сборник» этот, наряду с «Делом Висковатого», включает в себя более 40 крупных и мелких статей, в основном церковно-поучительного характера. Большая часть из них представляет собой толкования различных сторон церковного обихода: «Сказание священническому чину» Василия Великого, «Устав и чин мнишеский» Пахомия Великого, «О мантии патриархове», «О яйце на велик день», «О демественном пении», толкования молитв, чина литургии, просфор и вина. Другую группу представляют церковно-исторические произведения: Сказание о белом клобуке, Константинов дар, Повесть о Пскове-Печерском монастыре и т.д. Третья группа представляет собой собрание

⁸⁰ ОР РНБ. Пог. № 1558, 4^е, 252 л. Филиграния: Churchill. № 8 (1665 г.); Heawood. № 2002 (1674 г.), № 2011 (1678 г.); Гераклитов. № 1398 (1669 г.). «Дело» находится на Л. 57об.–68. Состав сборника подробно рассмотрен в статье: *Уо Д. К.* К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева. С. 133–135.

⁸¹ ОР РГБ. Унд. № 593. 4^е, 239 л. Почерк – полуустав и скоропись середины XVII в. разных рук. «Дело» находится на Л. 99об.–116об. Филигрань (стоящая фигура со шитом), очень плохо просматривается и имеет сходство со знаком № 1239 (1621 г.) из альбома: *Дианова Т. В., Костохина Л. М.* Водяные знаки рукописей России XVII в. М., 1980. С. 140.

⁸² В XVII в. встречается и отдельно: в сборнике первой четверти XVII в. (БАН. 24.5.32. Л. 46–49) и в летописце первой половины XVII в. (ГИМ. Увар. № 1383/31. Л. 40–40об).

⁸³ Возможно, статья является сокращением обширной подборки материалов о соборе 1582 г. (ОР РГБ. Рогожск. № 747).

⁸⁴ Это сочинение является третьей редакцией памятника, известного под названием «Прение Панагиота с Азимитом». Впервые появляется в макарьевских Четгих-Минях (*Полов А. Н.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875. С. 281).

объяснений различных иконных сюжетов и композиций и повестей о чудотворных иконах богородицы: Тихвинской, Ватопедской, Оковецкой, Иверской и «чудо пресвятой богородицы во граде Муроме». Описанный «сборник» или подборка статей частью вошла и в другой сборник из собрания В. М. Ундольского, где находится и выделенный А. А. Зиминым конвой, но без самого «Дела»⁸⁵.

В Строевском и Сахаровском сборниках в числе статей выделенной подборки помещена и запись следующего характера: «Сия подпись аще кто по родителех своих в церкви даст книгу. Начало: «В лето 7130 или коего году и день в пречистую обитель имярек». Указанную дату Леонид считал временем составления всего Сахаровского сборника. Но в указанной подборке – во всех четырех сборниках – в качестве одного из разделов помещен набор формуляров обращений и приветствий от имени астраханского архиепископа Онуфрия царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету. Там же помещена и запись об основании церкви на дворе архиепископа Онуфрия в Астрахани 30 ноября 1617 г.⁸⁶

Нам представляется, что протограф выделенного нами «сборника» материалов явно церковного происхождения был составлен в 20-х гг. XVII в. где-то в окружении астраханского архиепископа. Причиной вновь возникшего интереса к «Делу» могла быть очередная дискуссия об иконописании и изображении Бога-Отца, которая завершилась запрещением подобных изображений на соборе 1666–1667 гг. (тем более что в подборке содержится целый раздел, посвященный толкованию иконографических сюжетов, в том числе и тех, которые разбирались на соборе 1553–1554 г.). В этот протограф «Дело» вошло уже в неполном составе, но поскольку все «мудрования» Висковатого повторяются в уцелевшем тексте (а в отсутствующей части находятся и аргументы Макария), то нет оснований полагать, что утрата начала текста «Дела» была вызвана редакторским вмешательством по указанным А. А. Зиминым соображениям. Скорее всего в начале XVII в. в распоряжении составителей подборки

⁸⁵ ОР РГБ. Унд. № 614. Л. 226об.–236об. Филигрань: Гераклитов. № 1312 (1651 г.). Подробное описание этой подборки в составе Сахаровского сборника: Леонид. Систематическое описание в 4-х частях с 13 снимками славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1894. Ч. IV. № 1868.

⁸⁶ ОР РГБ. Сол. № 857/967. Л. 57–60об., 67–67об.; ГИМ. Увар. № 40/1868. Л. 28об.–30, 33об.; ОР РГБ. Унд. № 593. Л. 45об.–49, 53–53об.; ОР РГБ. Пог. № 1558. Л. 107об.–109. Архиепископ Онуфрий занимал свой пост в 1615–1628 гг. (Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. С. 310).

был уже дефектный текст «Дела», который, судя по той части текста, что совпадает в списках первой и второй групп, не подвергался правке и сокращению.

Если составленные примерно в одно время Соловецкий и Сахаровский сборники почти тождественны по составу, то в дальнейшем материалы подборки – протографа начинают «размываться»: к ним добавляются новые сочинения, отдельные статьи переставляются и утрачиваются совсем. В более поздних сборниках Ундольского и Строевском из состава подборки утрачены уже несколько статей, но зато к ней присоединен целый ряд других материалов. Меньше половины статей из состава протографа вошло и в другой сборник из собрания В. М. Ундольского (№ 614), отсутствует здесь и само «Дело». Текст списка Ундольского отражает уже тот момент, когда переписчика меньше интересовали подробности аргументации в споре Висковатого с Макарием: из «Дела» убираются многочисленные повторения в обращениях Висковатого к митрополиту, сокращено в покаянии Висковатого изложение его заблуждений, исключаются и повторения аргументов собора. Переписчик счел возможным исключить даже жалобницу Сильвестра.

Все четыре списка «Дела» XVII в. имеют общие отличия от Волоколамского списка, что подтверждает наличие у них общего протографа:

Списки Сахаровский, Соловецкий, Строевский и Ундольского	Волоколамский список
...Святой Дух божественною содела тварь...	...Святыи Дух Божественною силою содела тварь...
...умолением Тарасия архиепископа...	...умолением Тарасия священного архиепископа...
...и ты говорил: «И яз увидел, что в сотворении небеси и земли...	...да писал еси: «И яз увидел, что в сотворении небеси и земли...
...да у году колесо, с правую сторону любовь, да стрелец, да воск...	...да у году колесо, с правую сторону любовь, да стрелец, да волк...
...писаны не по существу...	...писаны по существу...

Но и самый старший Волоколамский список все же не может считаться наиболее исправным, ибо в ряде случаев содержит худшие чтения, что надо учитывать при обращении к источнику.

Списки Сахаровский, Соловецкий, Строевский и Ундольского	Волоколамский список
<p>...и тогда от уст Артемьевых ученья книжнова довольно ми показалось, и доброго нрава, и смирения исполнен бысть, и тако всеми людьми видим бысть и ближними и дальними. И яз его тогды познал, и тогды по братцкому прошению и по государеву велению игумен к Троицы поставлен бысть. В та же времена ученик его Порфирий...</p>	<p>...и тогда от уст Артемьевых довольно ми ся показало и доброго нрава, и смирения исполнен бысть. В та же времена ученик его Порфирий ...</p>
<p>...и в Смоленску, и в Юрьеве монастыре, и в Нижнем Новегороде в Печерском манастыре, и по иным святым церквам...</p>	<p>...и в Смоленску и в Нижнем Новеграде в Печерском монастыре, и по иным святым церквам...</p>

Поэтому нам кажется, что Волоколамский список был создан уже в Иосифове монастыре, возможно через несколько лет после присылки копии «Дела» из Москвы.

Что же все-таки представляет собой «Дело»: позднейшую сводку документов и записей очевидца (как предполагал Н. Е. Андреев), или своеобразный протокол соборного разбирательства (мнение А. А. Зимина)? А. А. Зимин заметил, что по характеру изложения «Дело» напоминает правые грамоты, т.е. протоколы судебного разбирательства с приговором⁸⁷. Попробуем разобраться, насколько «Дело» можно сопоставлять с действительной процедурой записи соборного рассмотрения судных дел в XVI в.

Н. А. Казакова в статье о судных списках Максима Грека и Вассиана Патрикеева установила, что «Дело» Вассиана можно считать типичным для судебных материалов того времени, тогда как «судный список» Максима Грека представляет собой литературно-публицистическую обработку подлинных протоколов церковного разбирательства⁸⁸. Н. А. Казакова обратила внимание на характер вступления и судным спискам, составлявшегося по определенным формулам и включавшего указания на место заседания, перечисление объектов судебного разбирательства и состава суда; приводилась и точная дата. В Волоколамском списке, единственном, сохранившем начало «Дела» мы находим целых два вступления, первое из которых пред-

⁸⁷ Зимин А. А. И. Пересветов и его современники. С. 179.

⁸⁸ Казакова Н. А. О «судном списке» Максима Грека // АЕ за 1966 г. 1968. С. 30, 35.

ставляет собой краткое изложение всего «Дела»: «Да тогда ж бысть собор на диака Ивана Михайлова сына Висковатого о его богохульных строках и о сомнении святых честных икон, что он сумнение имел о святых иконах и писал о божестве строки развратны и хульны; и тех ради вин на том соборе отлучили его от святые соборные церкви и всякия святыни и пребысть в том соборном отлучении две седмицы и потом начат о том своем великом согрешении каяться и плакати...»⁸⁹ Далее сообщается о покаянии Висковатого на соборе и о епитимии ему. Текст этого вступления, как видим, имеет мало общего с судными списками. К тому же уже первый издатель и исследователь «Дела» О. М. Бодянский обратил внимание на странное начало этого вступления («Да тогда же бысть собор ...») и предположил, что издаваемый им «Розыск» был составной частью какого-то большого памятника⁹⁰. Н. Е. Андреев считал это вступление записью самого очевидца – составителя «Дела». Но, поскольку в «Деле» больше ничего не сообщается о двухнедельном отлучении Висковатого, ученый пытался объяснить это известие недоразумением⁹¹ (что, заметим, для очевидца подозрительно). Нам кажется, что это вступление «Дела» можно сопоставить с первым вступлением (т.е. аналогичной записью литературного характера) и «судному списку» Максима Грека, где также отсутствуют признаки судебного протокола и сообщается о лживом учении Максима: «В лето 7033 писано сице. Максим инок святогорец говорил и учил многих и писал о Христе, яко седение Христово одесную отца мимошедшее и минувшее...»⁹²

Второе вступление к «Делу» как будто походит на вступления к обычным судным спискам: «В лето 7062 месяца октября в 25 день была речь царя и государя великого князя Ивана Васильевича всея Руси самодержца с отцом своим Макарием митрополитом всея Руси и с архиепископом, и с епископы, и з боляры, и со всем священным собором в брусяной избе столовой о прежнем соборном уложении, о многоразличных делех и чинех церковных...» Однако, и оно представляет собой законченный рассказ о предыстории соборного разбирательства – о заседании царя с боярской думой и освященным собором. На этом-то заседании, когда речь зашла о контроле над иконописцами, дьяк Висковатый и выступил с осуждением новых икон Благовещенского собора и фресок Золотой палаты, что вызвало рез-

⁸⁹ ГИМ. Епарх. № 432/14. Л. 1.

⁹⁰ ЧОИДР. 1858. Кн. 2. Отд. 3. С. VIII.

⁹¹ Андреев Н. Е. О деле дьяка Висковатого. С. 195.

⁹² Судные списки Максима Грека и Исаака Собака. М., 1971. С. 140, 160.

кий отпор митрополита Макария. Далее там же сообщается о подаче Висковатым месяц спустя «списка» с его мнениями об этих иконах, с переговорах Макария с царем по поводу поданного «списка» и о новом заседании уже только освященного собора, где рассматривалось выступление дьяка.

Следующей частью «Дела» является пространная «исповедь» Висковатого, после которой Н. Е. Андреев выделяет вставку составителя о вопросе Макария и Висковатому о его «советниках»⁹³. Затем следует основная часть «Дела» – запись соборного разбирательства «сумнений» дьяка, а после нее помещены покаяние Висковатого, епитимия ему и жалобницы Сильвестра и Симеона.

Запись судебного построена следующим образом – сначала зачитывался один из пунктов «исповеди»: «Вопросити Ивана Михайлова: «Писал еси в своей исповеди о ветхом образовании по Данилову пророчеству, чтоб писати Данилово видение в словах...» После такого вопроса-цитаты, обозначаемой в «Деле» словом «воспрос», следовали возражения собора («ответ»), подготовленные Макарием. Надо отметить, что запись судебного построения в «Деле», вообще довольно близкая по форме к судебным спискам, не содержит выступлений Висковатого по поводу приведенных ему объяснений (кроме его окончательного покаяния), хотя второе вступление прямо указывает, что Висковатый отвечал на возражения собора: «И диак Иван Михайлов... *против всех тех соборных ответов говорил*»⁹⁴. Лишь однажды (когда Висковатому был задан вопрос о том, почему он говорил, что в Благовещенском соборе сняли старые иконы и повесили новые образы «своего мудрования» без подписи, а Макарий в «ответе» разъяснил, что подписи на иконах имеются) составитель «Дела» сохранил выступление Висковатого: «И Иван сказал: «Яз, государь, на всех на тех иконах у всех святых образов подпись видел, что Иисус Христос и Саваоф, а толкования тому не написано, которые то притчи, а ново спрошу, и они не ведают...»⁹⁵ В записи сохранено и еще одно выступление дьяка в ответ на те вопросы, которые выходили за рамки содержания его «исповеди» (обычно, после зачитывания вопроса-цитаты, дьяк видимо, ограничивался согласием с приведенным текстом). Так, когда собор уличил Висковатого в неверном цитировании правил вселенских соборов и слов Иоанна Дамаскина, он стал защищаться, ссылаясь на те списки, которые имел в своем распоряжении. Это, в свою

⁹³ ГИМ. Епарх. № 432/14. Л. 35об.–36.

⁹⁴ Там же. Л. 7.

⁹⁵ ГИМ. Епарх. № 432/14. Л. 91об.–92.

очередь, вызвало допрос свидетелей – владельцев книг. Видимо, в результате последовательного удаления ответных «речей» Висковатого Н. Е. Андреев даже посчитал то место соборного разбирательства, где говорится о допущенных Висковатым искажениях цитат и где реплики дьяка сохранены, вставкой составителя⁹⁶. Но именно эта часть текста производит впечатление подвергшейся наименьшей обработке при редактировании подлинных протоколов. Так же может быть объяснена и другая, предполагаемая Н. Е. Андреевым вставка в начале записи, где помещен вопрос Макария о «советниках» дьяка и ответ Висковатого об отсутствии у него таковых⁹⁷.

Заслуживает внимания и само изложение вопросов-цитат Висковатого и соборных «ответов». Текст «исповеди» Висковатого иногда сокращался и не приводился дословно, но в особо важных случаях (например, когда речь шла о постановлениях VII Вселенского собора) в «вопросе» полностью приведена обширная цитата из «исповеди». В «ответах» допускается повторение одних и тех же мест, например, дважды излагается объяснение композиции, где Христос изображен в доспехах, сидящим на кресте⁹⁸. Можно предположить, что на соборе «ответы» Висковатому зачитывалось (а в руках составителя имелся список этих «ответов», подготовленный в канцелярии Макария) – на недоумения Висковатого по поводу изображения Св. Духа на иконе Василия Мамырева в «ответе» значит: «Да что еси писал о святом Дусе, как писано на Васильевой иконе Мамырева и ты помянути ужасаешься, и в том *впереди писано*, а хотим о том соборне изыскати»⁹⁹. Для приемов редактора соборных протоколов характерна и расстановка в тексте указаний «вопрос» и «ответ», но сделана она непоследовательно, и в некоторых случаях ни пункт из «исповеди» Висковатого, ни соборное возражение на него таким образом не выделяются. Подобная же расстановка слов «вопрос» и «ответ» (и тоже непоследовательная) была проведена и редактором Погодинского списка «дела» Максима Грека – в более раннем Сибирском списке их нет¹⁰⁰.

⁹⁶ Андреев Н. Е. О деле дьяка Висковатого. С. 197–198.

⁹⁷ Связующей вставкой здесь являются слова: «...и против Ивановой исповеди и его речей о том о всем ответ от божественного писания господина пресвященного Макария митрополита и всего священного собора...» (ГИМ. Епарх. № 432/14. Л. 36–36об.).

⁹⁸ ГИМ. Епарх. № 432/14. Л. 52об.–53об., 58–59.

⁹⁹ Там же. Л. 63. «Впереди» (Там же. Л. 97об.–98) действительно идет речь об этой иконе.

¹⁰⁰ Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. С. 26–27.

Н. Е. Андреев отметил, что после записи судебного разбирательства помещено покаяние Висковатого, но затем без какого-либо пояснения следуют дополнительные вопросы Висковатому – помещен один вопрос-цитата и обширный соборный «ответ», который на две трети состоит из точной цитаты одного из предыдущих «ответов»¹⁰¹. Можно предположить, что такой перерыв в записи судебного разбирательства отражает действительное положение вещей (во втором вступлении говорится, что Висковатого «на два собора... ставили»). Но, вероятнее всего, составитель решил таким образом усилить аргументацию собора. Текст «вопроса» не совпадает с соответствующим местом «исповеди» Висковатого – слов «...а подписи на них нет, а что во ангельском образе писали Господа нашего Иисуса Христа и на верх креста сидят в доспехе и совет превечной, и подписи над тем нет же» в ней нет. Соборный «ответ» цитирует уже приводившееся объяснение почти всех обсуждавшихся на соборе иконографических композиций, а после повторения столь внушительной аргументации специально помещен перечень символических икон, признанных собором каноничными и достойными почитания. Подобным стремлением можно объяснить и помещение жалобниц Сильвестра и Симеона, прерывающих последовательное изложение осуждения Висковатого, в самый конец «Дела» после приговора (из текста жалобниц следует, что они были поданы до окончания разбирательства).

В целом, «Дело Висковатого» как и «Судный список» Максима Грека, можно считать литературно-публицистической обработкой подлинных материалов судебного разбирательства, которая была предпринята по прямому указанию митрополита с целью убедить читателей с несомненной виновности Висковатого и в полном признании им своих заблуждений. Исследователи уже обращали внимание на явное недовольство собора тем, что Висковатый не только письменно «мудрствовал», но и долгое время «вопил и возмущал народ» по поводу новых икон и фресок, не обращаясь за разъяснениями к Макарию или другим компетентным лицам. Тенденция «Дела» обвинить Висковатого (удаление возражений дьяка, неверное цитирование его «исповеди»), а иногда и искажение его мыслей¹⁰² тем более

¹⁰¹ ГИМ. Епарх. № 432/14. Л. 56–59. Ср.: Л. 92–96.

¹⁰² Воспользовавшись неудачным выражением Висковатого о «бесплотных», Макарий обвинил его в выступлении против изображения ангелов. Висковатый обвинение отрицал, но под давлением собора признал себя виновным (*Успенский Л. А. Роль московских соборов XVI в. в церковном искусстве. С. 241*), хотя едва ли образованный дьяк действительно отвергал традиционные в христианском искусстве изображения ангелов.

заметна, что в ряде случаев собор не мог дать удовлетворительного объяснения композициям, вызвавшим «сумнения» Висковатого: по поводу изображения Христа «в Давидове образе» и Св. Духа «в птиче образе незнаеме» собор обещал «изыскать свидетельства от божественного писания». Но в последнем соборном «ответе» среди икон, признанных каноническими, перечисленные композиции, упоминаются без приведения каких-либо обещанных доказательств¹⁰³.

Что же касается времени составления «Дела», то в тексте есть, как кажется, данные для этого. Заседания собора заключались внесением приговора-епитимия Висковатому 14 января 1554 г., но в первом же «ответе» собор ссылается на письменное свидетельство приехавших в Москву за милостыней «Еуфимия иконника, да священно-инока Павла сам пят с товарищи» из афонского Панелеймонова монастыря об изображении Саваофа на афонских фресках и иконах¹⁰⁴. Дело в том, что названные монахи прибыли в Москву скорее всего только весной 1554 г.: в мае этого года они подали челобитную о выдаче проезжей грамоты для беспрепятственного сбора пожертвований на Руси, которая 30 мая и была им выдана¹⁰⁵. Если бы они приехали в конце 1553 – начале 1554 г., то просьба о выдаче грамоты, без которой монахи не могли выполнять свою миссию, последовала бы раньше. Нам представляется, что митрополит, подучив от приезжих греков интересующие его сведения, распорядился внести их в «Дело», как явно обличавшие неправоту дьяка.

Видимо, еще в 1554 г. после окончания целого ряда судебных процессов (по делу Башкина, Артемия и Висковатого) и была создана своеобразная сводка их материалов, частью которой явилось «Дело Висковатого». Среди документов Государственного архива опись XVI в. выделяет «дела соборные подлинные, в листех за митрополичью рукою, 62-го, 63-го, Матфея Башкина и Артема, бывшего Троицкого игумена и иных...» и «четыре тетрати, которые посланы по манастырем и в заточенье». Последними А. А. Зимин считает Волоколамский, Строевский и Соловецкий списки «Дела Висковатого»¹⁰⁶. Однако, это не те рукописи, которые упоминает опись, поскольку Соловецкий и Строевский списки восходят не к оригиналу «Дела», а к дефектному тексту, выявленному нами в подборке материалов церковно-исторического характера начала XVII в. и в мо-

¹⁰³ ГИМ. Епарх. № 432/14. Л. 52об., 63, 96об.–98.

¹⁰⁴ Там же. Л. 38–39 об.

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 74–76.

¹⁰⁶ *Зимин А. А.* Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. М., 1978. С. 81–82, 419.

настырь попали позже. Что же касается Волоколамского списка, то вопрос о его происхождении требует дополнительного изучения. Не вполне ясно, что имеет в виду опись под названием «тетрати». Это могли быть и обработанные материалы судебных процессов, которые отсылались в места заточения еретиков, и списки самих еретиков.

Последователи XIX – начала XX в., как правило, считали Висковатого ревностным защитником православного искусства. О. И. Подобедова, наоборот, усматривает в выступлении Висковатого «реакцию широких кругов на новые иконографические изводы, призванные выражать идеологию окружения Ивана IV». Эту реакцию исследовательница связывает с «оживлением антитринитарных тенденций, отражение которых можно найти в речениях Висковатого и обличениях Матвея Башкина»¹⁰⁷. И. И. Смирнов и А. А. Зимин придают походу Висковатого «на еретики» сугубо политический характер в связи с борьбой различных группировок при дворе.

Обратимся к тексту «исповеди» Висковатого. Нетрудно заметить, что Висковатый нападал на вполне определенные иконографические композиции (Бога-Отца; изображения Христа «в Давидове образе», в доспехах, с ангельскими крыльями), которые истолковывал, как еретические и противные постановлению VII Вселенского собора. По его мнению, изображение распятого Христа со сжатыми руками означало «мудрование суетное, иже помышляют яко не оцыстил господь наш Исус Христос Адамова грехопадения, *мняху его бытии проста человека*», т.е. иконописец тем самым отвергал божественное естество Христа. Висковатый возмущался и тем, что тело Христа в этой же композиции покрыто херувимскими крыльями: «*Нам ся видит латынские ереси мудрование*»¹⁰⁸. Ниже Висковатый прямо объяснил собору и причину появления столь еретических изображений: «Убоялся лъсти и всякого злокозньства, занеже Башкин с Ортемьем советовал, а Ортемей с Селиверстом, а поп Семен Башкину отец духовной»¹⁰⁹. Таким образом, Висковатый, подчеркивал и свое участие в борьбе с ересью (так как спорил с Башкиным о первом правиле VII Собора), обвинял Сильвестра – главного заказчика новых икон – в близости и еретикам Башкину и Артемию, чьи дела разбирал тот же самый собор. Не случайно был выбран им и момент подачи «исповеди»: хотя Висковатый, как отметил собор, выступал против новых икон в течение трех лет, но основные аргументы появились у дьяка только

¹⁰⁷ Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV. С. 43, 56.

¹⁰⁸ ГИМ. Епарх. № 432/14. Л. 21–21об.

¹⁰⁹ Там же. Л. 27.

после осуждения Башкина¹¹⁰. В соборной грамоте о заточении Артемия перечислены и основные отступления от православного учения, в которых обвинялся Башкин. На первом месте стоит «хула» на Христа (еретики «*неравна его отцу поведуют*»), а среди прочих обвинений следуют отрицание иконопочитания и выступление против правил Вселенских соборов (первое правило VII Собора, о котором Висковатый «брань воздвигл» с Башкиным, требовало нерушимого сохранения всех соборных установлений¹¹¹).

Согласно официальной версии, Башкин показал, что учение свое принял от «*латынников*» – аптекаря Матюшки и Андрюшки Хотеева¹¹². Сопоставляя эти данные с «исповедью» Висноватого, можно прийти к выводу, что обвинения дьяка против создателей и заказчиков новых икон совпадают с официально установленными в ходе следствия ересями Башкина (для нас сейчас не так важно, насколько данные под пыткой показания действительно соответствовали его взглядам¹¹³).

Характерно, что Висковатый привел в «исповеди» почти полностью раздел Синодика в неделю православия (учрежденного в Византии после победы иконопочитания в 843 г.), посвященный осуждению иконоборчества¹¹⁴. Он процитировал из Синодика не только анафему, тем, кто отрицает изображение земной жизни Бога на иконах, но и утверждение о двойственной природе Христа, т.к. иконоборчество, отвергавшее возможность для верующего прикоснуться к сверхъестественному (изображению Божества на иконе), ставило под сомнение сам догмат о воплощении Христа¹¹⁵. Приведенные выше

¹¹⁰ Башкин был отправлен в заточение в декабре 1553 г. (Зимин А. А. И. Пересветов и его современники. С. 175; Смирнов И. И. Иван Грозный и боярский «мятеж» 1553 г. С. 163.

¹¹¹ ААЭ. Т. I. С. 250. Ср.: «Владыку нашего Христа непшуют сына Божия не быгии» (ПСРЛ. Т. 13. С. 232); Книга правил св. апостол, св. соборов вселенских и поместных и св. отец. М., 1893. С. 119–120.

¹¹² ПСРЛ. Т. 13. С. 232.

¹¹³ Лурье Я. С. О некоторых принципах критики источников // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1. С. 96–97.

¹¹⁴ ГИМ. Епарх. № 432/14. Л. 11об.–13, 15об.–17, 26об.–27об., 30–31. Ср.: Успенский Ф. И. Синодик в неделю православия. Сводный текст с комментариями. Одесса, 1893. С. 7–13.

¹¹⁵ Острогорский Г. А. Соединение вопроса о св. иконах с христологической догматикой в сочинениях православных апологетом раннего периода иконоборчества // *Seminarium Kondakovianum*. 1927. Вып. I. С. 35–42. Т.е. Христос мог быть истолкован, как имеющий одну божественную природу (монофизиты) и как простой человек, через наитие Св. Духа ставший Мессией (несториане): Деяния

подозрения дьяка (что иконники изображают Христа «простым человеком») показывают, что его настойчивое обращение к антииконоборческим аргументам имели целью обвинить Сильвестра в отходе от основных православных догматов.

В связи с этим следует обратить внимание и на некоторые полемические приемы Висковатого. Собор заметил в «исповеди» дьяка ошибки при цитировании правил VII Вселенского собора. Висковатый написал: «...такое же честному кресту поклоняться, на нем же животворное распростерто бысть слово» (вместо «тело»), и дьяку резонно возразили, что на кресте был распят человек Иисус, а не Бог – сын Троицы. Висковатый критику признал, но сослался на ошибку в книге В. М. Захарьина-Юрьева, которой он пользовался. На вопрос митрополита В. М. Юрьев ответил, что книга принадлежит благовещенскому священнику Василию, «а яз ее, государь, воистину все не читал». Другой ошибкой Висковатого было то, что дьяк, переписывая текст Дамаскина о Христе из книги М. Я. Морозова вместо слов «...чудотвори (т.е. творил чудеса), приа страсти, распяся» написал «...чудотворие приа, распясь», т.е. исказил смысл цитаты, в результате чего Христос представлен получившим дар чудотворения как простой человек¹¹⁶. Из этого инцидента И. И. Смирнов сделал вывод, что в борьбе против Сильвестра Висковатый опирался на поддержку В. М. Захарьина-Юрьева и М. Я. Морозова¹¹⁷. Это утверждение может быть справедливым в отношении В. М. Юрьева: ошибка находилась в книге принадлежащей причту Благовещенского собора и могла быть использована против Сильвестра. Но представлять М. Я. Морозова единомышленником Висковатого нет оснований: дьяк не только подвел Морозова, признавшего, что книга с ошибкой принадлежит ему, но и намеренно исказил цитату¹¹⁸.

В стремлении обвинить своих оппонентов в нарушении церковных канонов дьяк иногда переходил границы. Помимо описанных выше «ошибок». Висковатый аргументировал свое выступление о запрещении иных икон, кроме изображения Христа, Богородицы и «св. угодников», ссылкой на правила VII Вселенского собора, тогда как такого запрещения правила Собора не содержат, о чем и было указано в епи-

вселенских соборов. Казань, 1909. Т. 7. С. 10.

¹¹⁶ ГИМ. Епарх. № 432/14. Л. 41–44об.

¹¹⁷ Смирнов И. И. Иван Грозный и боярский «мятеж» 1553 г. С. 166.

¹¹⁸ Андреев Н. Е. О деле дьяка Висковатого. С. 112. В книге М. Я. Морозова слово «страсти» было пропущено, но глагол «чудотвори» был сохранен и не изменен на существительное «чудотворие».

тимии. В другом месте, выступал против изображения бесплотного Бога-Отца, Висковатый умолчал о разрешенных собором изображениях ангелов (тоже бесплотных), чем дал Макарию повод обвинить себя в ереси.

Особого внимания заслуживают и сами иконографические композиции, которые послужили поводом выступления Висковатого. Долгое время в науке преобладала высказанная еще Ф. И. Буслаевым точка зрения на новые иконографические сюжеты, как на заимствования западно-европейских образцов, но уже Е. Е. Голубинский говорил о распространении символично-догматических икон в XV в. на православном Востоке, а работы В. Н. Лазарева и Л. С. Ретковской показали, что композиция «Отечество» (где представлены Бог-Отец, Бог-Сын и Св. Дух) была известна на Руси уже в XIV–XV вв.¹¹⁹. Распространены были подобные символические изображения и на Балканах¹²⁰. Во всяком случае вопрос о происхождении, распространении и переработке (в том числе и возможных западно-европейских образцов¹²¹) русскими мастерами середины XVI в. иконографических композиций, вызвавших споры на соборе 1553–1554 г., требует особого исследования. Г. В. Попов в своей работе высказал мысль, что новые иконы отличались не столько прямым заимствованием, сколько самим принципом символического истолкования иконописцами привычных образов и богословских формул: «Стремление максимально изъяснить все символические аспекты и нюансы иллюстрируемого сочинения, сводившее их на уровень аллегории... как бы сближает их (новые иконы. – *И. К.*) с произведениями западно-европейского «латинского» искусства»¹²².

Но нам все же кажется, что поведение Висковатого на соборе заставляет сомневаться в его роли ревнителя канонов церковной живописи и в искренности затеянного им похода на «еретики», хотя

¹¹⁹ Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 2. Ч. II. С. 359–361; Ретковская Л. С. О появлении и развитии композиции Отечество» в русском искусстве XIV–XV вв. // Древнерусское искусство XV – начала XVI в. М., 1963. С. 235–256; Лазарев В. Н. Об одной новгородской иконе и ереси антитринитариев // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 101–111.

¹²⁰ Рогов А. И. Связи Руси с Балканскими странами в области изобразительного искусства в XVI–XVII вв. // СС. 1976. № 3. С. 59.

¹²¹ Неволин Ю. А. Три лицевые рукописи XVI в., оформление кремлевским мастером – знатоком и интерпретатором западно-европейской гравюры // Конференция по истории средневековой письменности и книги: Тезисы докладов. Ереван, 1977. С. 67–69.

¹²² Попов Г. В. Живопись и миниатюра Москвы середины XV – начала XVI в. М., 1975. С. 66.

подобная точка зрения встречается и в работах последних лет¹²³. Ведь Висковатый принципиально не отвергал символических отображений на иконах церковных догматов и песнопений («Символ веры», «Достойно есть», «София премудрость Божия»), ссылаясь он и на каноническое 91-е правило из Послания Василия Великого и Амфилохию, хотя оно утверждало авторитет неписаного церковного предания. Не привлекли его внимания и многие символические иконы из списка, приведенного в соборных «ответах». По нашему мнению, выступление Висковатого осенью 1553 г. преследовало вполне определенную цель – во что бы то ни стало возложить ответственность за появление якобы еретических икон на хорошо известных ему лиц, хотя дьяк не мог не знать, что многие из осуждаемых им композиций появились задолго до описываемых событий¹²⁴. Аргументация дьяка была направлена на то, чтобы не только подчеркнуть связь Сильвестра и Симеона с еретиками, но и показать проникновение ереси в кремлевские соборы при попустительстве духовных властей. Именно так поняли Висковатого Сильвестр и его коллега Симеон – в своих жалобницах они в первую очередь отвергли какой-либо со своей стороны «совет» с Башкиным. Далее из обеих жалобниц следует, что именно Сильвестр доложил царю о «развратных толкованиях» Башкина, причем сам он ссылается при этом на весьма авторитетных свидетелей – благовещенского протопопа Андрея и А. Ф. Адашева. Особенно подчеркивал Сильвестр тот факт, что все его действия в качестве руководителя живописных работ были известны царю и митрополиту и одобрялись ими.

Чем можно объяснить поведение образованного дипломата¹²⁵ и ловкого политика? Тем более, что обвинил Висковатый такого же «нового» человека при дворе, всецело обязанного своим возвышением царю – его духовника Сильвестра, известного книжника и публициста. Н. Е. Андреев и И. И. Смирнов видели в «Деле Вис-

¹²³ Шурыгин Я. Н. Канон и его преодоление в искусстве Древней Руси // Культура и религия: Сборник трудов Государственного музея истории религии и атеизма. Л., 1977. С. 84; Голейзовский Н. К. Два эпизода из деятельности архиепископа Геннадия // ВВ. 1980. Т. 41. С. 140.

¹²⁴ Изображение Саваофа Висковатый мог видеть в Успенском соборе (на что указал ему Макарий) и в росписи того же Благовещенского собора (Мнева Н. Е. Стенопись Благовещенского собора московского Кремля 1508 г. // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств в XIV–XVI вв. М., 1970. С. 192).

¹²⁵ Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961. С. 144–149; Юзефович Л. А. Миссия Исайи и Остафий Волович // СС. 1975. № 2. С. 74–78.

коватого» выступление сторонников антибоярской политики во главе с Захарьиными и Висковатым против группировки Сильвестра, связанной со Старицкими – противников усиления самодержавной власти. У этих авторов основным аргументом в пользу такой интерпретации событий 1553–1554 г. было свидетельство приписки в Царственной книге, где Сильвестр представлен сторонником князя Старицкого. Но, как показано ниже, эта характеристика является поздней редакторской вставкой с целью очернить Сильвестра и его «советников», т.е. по существу всю «Избранную Раду». Иных свидетельств о принципиальном различии политических симпатий Висковатого и Сильвестра нет. Кроме того, необходимо иметь в виду, что в период 1553–1554 гг. положение Адашева и Сильвестра не пошатнулось, тогда как Захарьины и близкие к ним лица (Н. А. Фуников-Курцев, И. П. Головин) вскоре фактически устраняются от управления и теряют политическое влияние¹²⁶.

Да и на самом соборе обстановка складывалась неблагоприятно для Висковатого. Обвинения против Сильвестра и Симеона даже не рассматривались: видимо, после подачи их объяснений вопрос был исчерпан. Под давлением собора Висковатый вынужден был полностью признать свою вину и понести епитимию¹²⁷. Но неужели опытный дипломат не отдавал себе отчета в том, что его выступление вызовет недовольство Освященного собора, тем более, что еще до подачи «исповеди» Висковатый мог убедиться в отрицательном отношении митрополита и его «мудрствованиям»? Исследователи уже не раз отмечали, что донос Висковатого потерпел неудачу потому, что задевал не только Сильвестра, но и самого митрополита. Хотя основным руководителем восстановительных работ в Кремле был Сильвестр, но официально принимал и освящал новые иконы Макарий, о чем Висковатый не мог не знать. Нет и серьезных оснований противопоставлять деятельность «нестяжателя» Сильвестра Макарию¹²⁸,

¹²⁶ Шмидт С. О. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева // УЗ МГУ. 1954. Вып. 167. С. 35–37; Назаров В. Д. Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI в. // ИСССР. 1976. № 3. С. 83–93. В этот же период Д. Н. Альшиц отмечает рост доверия со стороны Ивана IV и В. А. Старицкому (Альшиц Д. Н. Крестоцеловальные записи В. А. Старицкого и недошедшее завещание Ивана Грозного // ИСССР. 1959. № 4. С. 148–149).

¹²⁷ К. Ю. Заусцинский не привел доказательств в пользу своей точки зрения о благожелательном отношении Макария и выступлению Висковатого (Заусцинский К. Макарий митрополит всея России. С. 255).

¹²⁸ Курукин И. В. Данные источников о «нестяжательстве» Сильвестра // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. М., 1980. С. 43–45.

поэтому выступление Висковатого вполне можно считать шагом, направленным не только против Сильвестра, но и против авторитета освященного собора и лично Макария.

Сопротивление высшего духовенства новому политическому курсу и стремление Макария вмешиваться в правительственную деятельность опровергают традиционное представление о церкви – верной союзнице светской власти в деле завершения централизации страны¹²⁹. В конце 40-х – начале 50-х гг. XVI в. меры правительства, направленные на ограничение церковного землевладения, вызвали резкий отпор со стороны церковных властей и самого Макария. Видимо, достаточно сложными были отношения царя и митрополита и в 1552–1553 гг.: в отрывке летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку сохранилось известие об отрицательном отношении Макария к Казанскому походу 1552 г.¹³⁰; не случайно и умолчание упоминавшейся выше приписки о роли Макария в мартовских событиях 1553 г. – митрополит ни разу не назван среди лиц, обсуждавших вопрос о престолонаследии, хотя процедура присяги без участия духовного лица (крест держал не кто иной, как Висковатый) выглядит весьма странно. Отсутствует подпись Макария и на крестоцеловальной грамоте В. А. Старицкого от 12 марта 1553 г. Не исключено, что Висковатый был уверен в поддержке своего выступления со стороны царя. С этой точки зрения может быть объяснимо и настойчивое стремление далекого от религиозного фанатизма дьяка найти «ереси» в новых иконах, призванных как раз утвердить основы вероучения (догматы о троице, воплощении Христа и искуплении им людских грехов), и сообщение второго вступления к «Делу» о том, что Макарий вынес «исповедь» дьяка на обсуждение собора только после прямого указания Ивана IV. Стоит отметить, что в результате этого инцидента не пострадала и карьера Висковатого.

Все сказанное выше, разумеется, не умаляет важности «Дела» для изучения путей развития русского искусства в XVI в. «Дело» и особенно жалобница Сильвестра является ценным (и по сути дела единственным) источником об организации живописных работ в Кремле в XVI в. Сам Сильвестр предстает перед нами и как умелый организатор и как знаток живописи: в доказательство канонич-

¹²⁹ Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. М., 1973. С. 194–195; Сахаров А. М. Образование единого Российского государства и идейное воздействие церкви на этот процесс // Вопросы научного атеизма. 1976. Вып. 20. С. 170.

¹³⁰ ПСРЛ. Т. 6. С. 305.

ности осуждаемых Висковатым икон и фресок он ссылается на живописные работы «...на Москве у Пречистой у соборной и у иных святых церквях и во всех московских пригородах и в монастырех, и в Великом Новгороде, и в Володимире, и во Пскове, и во Твери и в Суздале, и в Смоленску»¹³¹. Но религиозно-догматические споры об иконописании имели прямое отношение к важным вопросам, волновавшим русское общество в период реформ «Избранной Рады». Церковь, только что отстоявшая свои земельные владения от покушений со стороны светской власти, стремилась упрочить свой авторитет организацией целого ряда процессов против действительных или мнимых еретиков.

В таких условиях выступление столь важного лица, как «канцлер» Висковатый, и невозможность уклониться от публичного рассмотрения его выпадов заставила освященный собор принять меры для защиты (не всегда убедительной) новых икон и дискредитирования Висковатого, что и отразилось в создании памятника, известного под названием «Дело Висковатого». Анализ материала «Дела» показывает, что выдвигаемые обеими сторонами богословские аргументы имели целью не столько установление истины, сколько обвинение друг друга в ереси, не останавливаясь перед подтасовкой фактов. Система обвинений Висковатого (основанная на официально признанных «винах» М. Башкина) явно была направлена на то, чтобы найти в деятельности кремлевских мастеров и их руководителей серьезные отклонения от православия без достаточных тому доказательств. Поэтому «Дело» не дает оснований утверждать о какой-либо склонности Сильвестра и вольномыслию и близости его к осужденным еретикам – Башкину и Артемию.

С другой стороны, беспочвенным остается и тезис Р. Г. Скрынникова о своевременном переходе Сильвестра из «нестяжателей» в «иосифляне», чем он якобы обеспечил себе поддержку со стороны Макария¹³². Из «Дела» следует, что Сильвестр в течение нескольких лет до собора фактически возглавлял живописные работы в Кремле и пользовался полным доверием царя и митрополита.

Если верить утверждениям собора, Висковатый публично агитировал против новых икон и фресок на протяжении трех лет. Как это делалось, каковы были его доводы и личные отношения с Сильвестром – нам неизвестно, но изучение материалов «Дела» пока-

¹³¹ ГИМ. Увар. № 40/1868. Л. 103–103об.

¹³² Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 53–54.

зывает, что подлинным противником дьяка в споре был не столько Сильвестр и его «нестяжательско-боярское окружение»¹³³, сколько руководство русской церкви во главе с Макарием.

¹³³ Обвинявшийся вместе с Сильвестром его коллега по службе в Благовещенском соборе Симеон впоследствии стал духовником царя и постригся в Иосифо-Волоколамском монастыре, что следует из записи на принадлежавшем ему служебнике (*Строев П. М.* Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввино-Сторожевского и Пафнутьева Боровского. СПб., 1891. С. 73; ныне: ОР РГБ. Волоч. № 83).

Глава III

УЧАСТИЕ СИЛЬВЕСТРА В ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ 50-х гг. XVI в.

§ 1. Библиотека Сильвестра

Уникальным источником о жизненном пути и деятельности Сильвестра служат принадлежавшие ему книги, сохранившиеся, в основном, в составе монастырских библиотек (Соловецкой, Кирилло-Белозерской, Чудовской). Уже в 1859 г. А. И. Лилов сообщил о шести книгах – вкладышах Сильвестра в Соловецкий монастырь (Евангелие тетр, Псалтырь, Златоструй, две книги Толкований на Евангелия Феофилакта Болгарского и Толкования на Псалтырь епископа Брунона Вюрцбургского)¹. Эти же данные привел в своей работе о Сильвестре и Леонид. Используя Описание книг Кирилло-Белозерского монастыря 1635 г. (в составе опубликованной в 1848 г. т.н. «Описи книги в степенных монастырях находившимся» 1653 г.) ученый отметил наличие нескольких книг Сильвестра и в Кирилловской библиотеке. Но непосредственно Леонид познакомился только с четырьмя: Диоптрой Филиппа пустынника, сборником посланий из Софийского собрания (№ 1281), Толкованием на Псалтырь Никиты Иракийского и Требником. Указал Леонид и на принадлежность Сильвестру знаменитого пергаменного Сильвестровского сборника XIV в. со «Сказанием о Борисе и Глебе»². Спустя много лет к изучению состава библиотеки

¹ *Лилов А. И.* Библиотека Соловецкого монастыря // Православный собеседник. 1859. Ч. I. С. 204.

² Описание книгам в степенных монастырях находившимся // ЧОИДР. 1848. Кн. 6. С. 18–23; *Голохвастов Д. П., Леонид.* Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. С. 51–53.

Сильвестра обратился А. А. Зимин. Исследователю удалось выявить в хранилищах Москвы и Ленинграда 25 книг, по пометам и вкладным записям на которых он делал вывод о принадлежности их Сильвестру. А. А. Зимин обнаружил Октоих, данный Сильвестром в Александро-Свирский монастырь, а к известным соловецким рукописям Сильвестра он добавил Псалтырь в лицевой список Индикоплова из собрания П. Д. Богданова. Помимо известных Леониду 5 кирилло-белозерских рукописей, А. А. Зимину удалось обнаружить в Публичной библиотеке еще 8 книг Сильвестра – Псалтырь, Апостол и отрывки из Евангелия на греческом языке, Толкование на Книгу Бытия Афанасия Александрийского, Лествицу Иоанна Лествичника, сборник из нескольких книг Ветхого завета (Иисус Навин, Судей, Руфь, Царств и Эсфирь) Маргарит и Псалтырь³. Не обнаружены до сих пор указанные А. А. Зиминим по Описи библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря 1635 г. Просветитель Иосифа Волоцкого и Поучения Феодора Студита, а также Толкование на Евангелие от Иоанна Феофилакта Болгарского, хранившееся в начале XX в. в Брянском Свенском монастыре.

В 1960 г. М. Н. Тихомиров опубликовал вкладную запись Сильвестра на данной им в 7064 (1555/1556 г.) в Чудов монастырь книге Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна в переводе Максима Грека⁴.

Е. Э. Гранстрем в небольшой заметке дополнительно отнесла к числу книг Сильвестра т.н. «масленик соборный», два требника, сборник проложного типа из Кирилло-Белозерской библиотеки и пергаменную греческую Псалтырь XIV в.⁵ Наконец, специально исследованию библиотеки Сильвестра была посвящена статья Н. Н. Розова, который к числу принадлежавших Сильвестру рукописей Кирилловского собрания добавил еще одну Лествицу, три месячных тома Четьих-миней и Служебную минею⁶.

Таким образом, последователями выявлено более 30 книг, некогда принадлежавших Сильвестру. Отсюда составленные ими списки рукописей существенно отличаются друг от друга, а аргументы в пользу принадлежности той или иной книги Сильвестру нередко ограничиваются указанием на сообщение в монастырской описи, что данная книга – «Селивестровская». Это вызывает необходимость нового об-

³ *Зимин А. А. И. Пересветов и его современники. С. 58–59.*

⁴ *Тихомиров М. Н. Записи XIV–XVIII вв. на рукописях Чудова монастыря // АЕ за 1958 г. 1960. С. 21.*

⁵ *Гранстрем Е. Э. Чернец Малахия Философ // АЕ за 1962 г. 1963. С. 70.*

⁶ *Розов Н. Н. Библиотека Сильвестра // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 191–205.*

ращения к комплексу сохранившихся рукописей с целью проверки и подтверждения их принадлежности к библиотеке Сильвестра.

В настоящее время известны 7 книг Сильвестра в составе бывшей библиотеки Соловецкого монастыря: Евангелие тетр, Псалтырь с воследованием, Толкование на Псалтырь Брунона, Златоструй, 2 книги Толкований на Евангелия от Матфея, Марка и Луки Феофилакта Болгарского и лицевой Индикоплов⁷. Первые 6 книг имеют одинаковую пространную вкладную запись 1551/1552 г., сделанную от имени Сильвестра и его сына Анфама. Индикоплов был прислан Сильвестром в Соловки уже после своего пострижения под именем Спиридона в Кирилло-Белозерском монастыре, согласно записи на книге: «Сию книгу дал старец Спиридон да сын его Онфим в дом всемилостивому спасу на Соловки»⁸. Описи монастырской библиотеки XVI в. не содержат сведений о бывших владельцах или вкладчиках рукописей, и лишь в описи 1597 г. упоминается «Псалтырь с следованием в полдесть данье старца Селивестра благовещенского»⁹. Эта же книга вместе с Евангелием именуется «Селивестровской» в описи 1632 г.¹⁰ Позднейшие описи XVII в. (1657 г. и 1676 г.) уже более подробны, и перечисленные выше книги Сильвестра упоминаются вместе с именем вкладчика¹¹. В последних двух описях указано на присутствие в монастырской библиотеке полного комплекта Толковых Евангелий Феофилакта Болгарского, однако записи о вкладе содержатся лишь на Толкованиях на Евангелия от Матфея, Марка и Луки. Среди Соловецких рукописей мы находим и Толкование Феофилакта Болгарского на Евангелие от Иоанна, где присутствует помета библиотекаря: «Дачи старца Селивестра»¹². Однако, эта рукопись отно-

⁷ ОР РНБ. Сол. № 48/130, 761/871, 1039/1148, 259/259, 159/159, 160/160; ОР РНБ. Ф. IV. № 683. Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881–1898. Ч. I. С. 9, 63, 146, 267, 165–167; Ч. 3. С. 275; *Бычков А. Ф.* Каталог собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова. СПб., 1891. Вып. I. С. 177.

⁸ Вкладная запись отсутствует лишь на Толковании на Евангелие от Луки, но Н. Н. Розов показал, что первый лист рукописи был утрачен позднее при переплете.

⁹ *Кукушкина М. В.* Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. // АЕ за 1971 г. 1972. С. 353.

¹⁰ Архив ЛОИИ. Колл. 2. № 137. Л. 141, 143. В кратких описях монастырской библиотеки 1604 и 1623 гг. имя Сильвестра не упоминается (Архив ЛОИИ. Колл. 2. № 128. Л. 100об.–130; № 130. Л. 97об.–105об.).

¹¹ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. № 256. Л. 5–5об. 9, 19, 24; *Белокуров С. А.* Библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады (1676 г.) // ЧОИДР. 1887. Кн. 1. Отд. 5. С. 17, 20, 26.

¹² ОР РНБ. Сол. № 165/165 Л. 1. Запись сделана тем же почерком, что и в Сол. № 160/160. Филиграния: Briquet. № 12749 (1573 г.); Лихачев. № 1939 (1589 г.).

сится к последней четверти XVI в. и не могла принадлежать нашему Сильвестру. Но все же Толкование на Евангелие от Иоанна у Сильвестра несомненно имелось: его сын Анфим в 1564 г. дал его вкладом в Брянский Свенский монастырь, где книга находилась еще в начале XX в.¹³ Что же касается упомянутой записи, то, очевидно, монастырские библиотекари приписали именитому вкладчику «недостающий» экземпляр толкований.

Согласно записям во вкладных книгах Соловецкого монастыря, Сильвестр, уже постригшись, пожертвовал в монастырь 66 книг¹⁴. Пока никаких следов этого вклада среди Соловецких рукописей разыскать не удалось, но следует иметь в виду, что значительная часть библиотеки до сих пор не имеет научного описания.

В Москве в ОР РГБ хранится самый ранний из известных нам вкладов Сильвестра – Октоих, данный им в 1545/1546 г. в Александровский монастырь¹⁵. Еще одна книга Сильвестра – Сборник бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея (который написан тем же почерком и на той же бумаге, что и известный ранее вклад благовещенского священника – Беседы Златоуста на Евангелие от Иоанна) выявлена Т. Н. Протасьевой в собрании рукописей Чудова монастыря ГИМ¹⁶.

Но больше всего книг Сильвестра сохранилось в составе библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря (ныне в основном в Кирилло-Белозерском и Софийском собраниях ОР РНБ), где он постригся под конец жизни. Наиболее известны из них 5 рукописей, содержащих одинаковые библиотечные пометы: «Книга (далее следует название. – И. К.) государское дание благовещенского попа Сильвестра, во иноцех Спиридона и сына его Анфима»¹⁷. И. Н. Жданов и Н. Н. Розов

¹³ *Евсеев И. Е.* Описание рукописей, хранящихся в орловских древнехранилищах. Орел, 1906. Вып. II. С. 138.

¹⁴ Эту запись по одной из вкладных книг опубликовала М. В. Кукушкина (*Кукушкина М. В.* Собрания книг, поступившие в Соловецкую библиотеку в виде вкладов // Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI–XIX вв. Л., 1979. С. 80).

¹⁵ ОР РГБ. Тихонрав. № 629. Е. Л. Немировский ошибочно датировал вклад 7050 г., на самом деле дата в записи – 7054 г.

¹⁶ *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980. С. 100–101. Начало вкладной записи Сильвестра в этой рукописи (Чуд. № 187/17) утрачено.

¹⁷ Сборник нескольких библейских книг (ОР РНБ. Кир.-Бел. № 4/9), Толкование на Псалтырь Никиты Ираклийского (№ 6/131), Лествица (№ 35/160), Маргарит (№ 112/237) и Диоптра (ОР РНБ. Соф. № 1195). Последние три книги упоминаются как «Селиверстовские» уже в описи библиотеки 1600 г. (ОР РНБ. Кир.-Бел. № 71/1310. Л. 214об., 216об., 237).

считали, что эти книги были в свое время подарены царем Сильвестру, который и передал их в монастырь; Н. П. Зарубин, напротив, видел в них вклад самого Ивана IV, к которому книги перешли от Сильвестра¹⁸. Однако следует учесть и мнение, высказанное еще Леонидом: указанная помета могла означать особое почтение монастырских властей к бывшему царскому советнику, поскольку указание на «государское дание» не обязательно должно относиться к царю¹⁹. Как известно, Сильвестр постригся в Кирилло-Белозерском монастыре, и, видимо поэтому, не делал особых вкладных записей на своих книгах – ни на одной из его рукописей Кирилловской библиотеки их нет. Но, находясь в опале, Сильвестр продолжал пополнять свою библиотеку: запись на патристическом сборнике конца XV – начала XVI в. сообщает, что «сию книгу прислал с Москвы Анфим к отцу своему Селивестру в Кирилов монастырь»²⁰. В монастыре среди книг Сильвестра оказался и старый требник с записями на одной странице: «Селивестровская потребная»; «Иван сказал Михайлович, что тот потребник благовещенской». Леонид предположил, что последняя запись сделана со слов дьяка И. М. Висковатого, присланного в монастырь для осмотра вещей опального²¹. Имение это невозможно доказать, но и невероятным оно не является.

Можно указать еще на одну несомненно принадлежавшую Сильвестру книгу из Кирилловской библиотеки: в 1660/1661 г. патриарх Никон дал вкладом в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь Тактикон Никона Черногорца (судя по записи на полях, принадлежавший ранее Кирилло-Белозерскому монастырю), на обороте верхней крышки переплета которого сохранились фрагменты владельческой записи: «...книги 63 и... на его Анфима»²². А в наиболее подробной Описи Кирилловской библиотеки 1664 г. содержится известие о том, что книга Тактикон, «даянье благовещенского попа Сильвестра и сына его Анфима», была отвезена в 1653 г. в Москву старцем Гурием

¹⁸ Жданов И. Н. Материалы для истории Стоглавого собора. С. 131; Розов Н. Н. Библиотека Сильвестра. С. 195; Шмидт С. О. Исследование Н. Н. Зарубина «Библиотека Ивана Грозного и его книги» // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. Л., 1978. С. 48. Например, две кирилловские рукописи XVI в. (ОР РНБ. Соф. № 1355 и 1357) были написаны монастырским дьячком «тщанием и повелением государя старца Леонида».

¹⁹ ОР РНБ. Кир.-Бел. № 53/178. Л. 2.

²⁰ ОР РНБ. Кир.-Бел. № 518/775. Л. 1.

²¹ ГИМ. Воскр. № 87. Эти фрагменты и вкладная запись Никона опубликованы Л. М. Костюхиной (*Костюхина Л. М. Записи XIII–XVIII вв. на рукописях Воскресенского монастыря* // АЕ за 1960 г. 1962. С. 283–284, 286).

²² ОР РНБ. Собр. Н. М. Михайловского. № 299. Л. 129–129об.

Хрипуновым²³. Скорее всего, речь идет об одной и той же рукописи, некогда принадлежавшей Сильвестру.

В работах исследователей упоминаются еще 17 кирилловских рукописей, которые обычно считаются принадлежавшими Сильвестру на основании кратких монастырских помет «Селиверстовская» или «сборник Селиверстовской». Указание на бывшего владельца рукописи встречаются и в описях монастырской библиотеки, однако не всегда, и в разных описях называются «Селиверстовскими» разные книги. Далеко не все из них имеют отношение к нашему Сильвестру. Уже Н. Н. Розов показал, что Псалтырь (ОР РНБ. Сол. № 8/378) принадлежала не советнику Ивана IV, как считали А. А. Зимин и Е. Л. Немировский, а священнику Соловецкого монастыря с тем же именем. Не считал Н. Н. Розов «сильвестровскими» указанные Е. Э. Гранстрем сборник (ОР РНБ. Кир.-Бел. № 521/778) и греческую Псалтырь XIV в., поскольку пометы на них были сделаны иным почерком по сравнению с прочими рукописями Сильвестра²⁴.

Е. Э. Гранстрем отнесла к библиотеке Сильвестра Требник (ОР РНБ. Кир.-Бел. № 545/802) с пометой «требник Селиверстовской». Но из другой записи в той же книге следует, что она была написана в монастыре в 1612 г. бывшим игуменом Сильвестром²⁵. Этому же Сильвестру, по-видимому, принадлежала и созданная в начале XVII в. Псалтырь (ОР РНБ. Кир.-Бел. № 92/349) с записью «Псалтырь Селиверстовская», которую указали в числе книг нашего Сильвестра Е. Л. Немировский и Н. Н. Розов²⁶. К последним отнес Н. Н. Розов и Служебную mineю (ОР РНБ. Кир.-Бел. № 381/638), хотя из библиотечной пометы на книге следует, что она являлась «даньем благовещенского попа Селивестра из Кеми»²⁷.

Остаются, таким образом, 11 книг, все из которых имеют одинаковую помету, сделанную одним почерком, «Селиверстовская» или «Селиверстовской» – это сборник с посланиями Сильвестра, сборник проложного типа, три Четых-миней (за март, июль и октябрь), «Масленик соборной», Шестодиев, греческие Апостол, Псалтырь XVI в. и Евангелие апракос и, наконец, знаменитый пергаменный сборник

²³ Розов Н. Н. Библиотека Сильвестра. С. 199, 202.

²⁴ ОР РНБ. Кир.-Бел. № 545/802. Л. 331. Этот Сильвестр был игуменом в 1604–1606 гг.

²⁵ ОР РНБ. Кир.-Бел. № 92/249, Филиграни: Лихачев. № 3303–3306 (1605–1606 гг.).

²⁶ ОР РНБ. Кир.-Бел. № 381/638. Л. 1.

²⁷ ОР РНБ. Соф. № 1281; Кир.-Бел. № 44/1121, 13/1252, 36/1275, 14/1263, 519/776, 1/126, 120/125; Соф. № 78; Кир.-Бел. № 36/41; РГАДА. Ф. 381. № 53. Помета воспроизведена на цветной вкладке в работе Д. П. Голохвастова и Леонида.

XIV в. со Сказанием о Борисе и Глебе²⁸. Нам удалось обнаружить еще 2 книги (датируемые началом XVI в.) из Кирилловской библиотеки с точно такими же пометами – сборник поучений Кирилла Иерусалимского и Тактикон Никона Черногорца²⁹. Поскольку эти пометы имеются и на определенно принадлежащих Сильвестру книгах, наряду со вкладной записью³⁰, то можно полагать, что владельцем перечисленных 13 книг следует считать нашего Сильвестра.

Однако, это, видимо, далеко не все «Сильвестровские» рукописи. Опись 1635 г. указывает в их числе Просветитель Иосифа Волоцкого и Поучения Феодора Студита, а в описи 1664 г., помимо них, упоминаются как «сильвестровские» еще 5 томов Четых-миней, Скитский патерик и сочинения Василия Нового. Возможно, конечно, не все они имели отношение к благовещенскому священнику, но проверить это невозможно. Судя по пометам в монастырских описях, книги ветшали, раздавались по монастырским селам, продавались в Каргополе, наконец, отвозились в Москву, поэтому находки других «сильвестровских» рукописей не исключены.

Таким образом, Сильвестра можно с достаточным основанием считать владельцем 21 кирилловской рукописи, а всего в составе московских и ленинградских хранилищ до нас дошла 31 книга, некогда принадлежавшая благовещенскому священнику³¹.

Две книги Сильвестра (Толкования на Псалтырь Феодорита Кирского в списках середины XVI в.) оказались далеко от России – в библиотеке афонского сербского Хиландарского монастыря³². Как попали эти книги на Афон? В декабре 1554 г. в Москву прибыли из Хиландаря священноинок Сильвестр и 4 старца с просьбой к Ивану IV о милостыне и принятии «в царское свое имя» их монастыря. Посланцы с Афона пробыли в России чуть больше двух лет и были

²⁸ ОР РНБ. Кир.-Бел. № 108/233; Соф. № 1433. Описание: *Абрамович Д. И.* Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека. СПб., 1910. Вып. 3. С. 154–155.

²⁹ ОР РНБ. Соф. № 1195; Кир.-Бел. № 518/775.

³⁰ В это число не включены книги, известные лишь по описям, не обнаруженное Толкование Феофилакта Болгарского и пергаменное Евангелие XIV в., которое А. А. Зимин считал принадлежавшим Сильвестру на основании записи XVI в.: «Евангелие Волинцовское взял свещеник Селивстр» (ГИМ. Син. № 30/401. Л. 132).

³¹ *Богданович Д.* Каталог кирилских рукописи монастыря Хиландара. Београд, 1978. № 117. С. 87. Филиграния: Briquet. № 12666 (1547 г.), № 12894 (1550 г.), № 13994 (1550 г.). На обороте переплета запись: «Благовещенского попа Селивестра и сына его». За указание приношу глубокую благодарность Я. Н. Шапову. Другая Псалтырь (№ 116) написана на той же бумаге сходным почерком.

³² ПСРЛ. Т. 13. С. 253, 278.

отпущены с богатыми дарами в январе 1557 г.³³ В августе 1558 г. во время нового визита в Москву хиландарские монахи вручили царю благодарственную грамоту, где была подробно перечислена царская милостыня монастырю: среди прочего там упоминается «Псалтырь толковая велики и чѣтыри книги Златоустовы беседы»³⁴. По-видимому, принадлежавшая Сильвестру книга и была той самой «Псалтырью толковой», полученной монахами в 1556 г. в Москве.

Редкий случай сохранности библиотеки одного из известнейших политических деятелей XVI в. дает некоторую возможность узнать больше о его биографии. Леонид, а затем Н. Н. Розов обратили внимание на то, что большая часть книг Сильвестра сохранилась в составе Кирилловской библиотеки, но вкладные записи на них отсутствуют. Исследователи пришли к весьма вероятному выводу, что после опалы Сильвестр жил и умер в Кириллове, а его рукописи, как это полагалось по уставу, перешли в монастырскую библиотеку.

Из записей на книгах Сильвестра можно получить представление и о круге знакомств благовещенского священника: т.н. «Масленик соборной» был написан монахом Пименом – будущим архиепископом Новгородским³⁵, а две «сильвестровские» греческие книги – Псалтырь и Апостол – оказались автографами Максима Грека³⁶. Вклад Сильвестра 1556 г. в Чудов монастырь представлял собой половину собрания бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна (беседы 1–43), вторую же половину в следующем году пожертвовал сам чудовский архимандрит Левкий, причем запись в обеих книгах сделана одним почерком³⁷.

Сообщают книги кое-что об интересах и занятиях их владельца: Сильвестр (как отметил Н. Н. Розов³⁸) знал греческий язык и, возможно, латинский, хотя сочинений Эразма Роттердамского, Леонардо Бруни и других гуманистов в его библиотеке (на что указывает немецкий исследователь Й. Матль³⁹) не было. На основании данных Домостроя не раз говорили о большой книгописной мастерской Силь-

³³ РГАДА. Ф. 52. Оп. 4. № 2. Эти же книги перечислены и в другой грамоте властей Хиландарского монастыря (*Палаузов С. Н.* Грамота старцев Хиландарского монастыря царю Ивану Васильевичу Грозному. СПб., 1861. С. 8).

³⁴ ОР РНБ. Кир.-Бел. № 519/776. Л. 114.

³⁵ *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв. М., 1977. С. 47, 49.

³⁶ ГИМ. Чуд. № 188. Л. 1–7; № 189. Л. 1–7.

³⁷ *Розов Н. Н.* Библиотека Сильвестра. С. 199.

³⁸ *Matl J.* Kuropa und die Slaven. Wiesbaden, 1964. S. 176.

³⁹ ОР ГПБ, Сол. № 48/130; *Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания в Москве. М., 1964. С. 33.

вестра; изучение сохранившихся книг проливают дополнительный свет не только на «издательскую», но и на собирательскую деятельность благовещенского священника. Из 33 книг Сильвестра только 19 (57,6%) датируются первой половиной XVI в., т.е. могут рассматриваться как возможно вышедшие из его мастерской; 11 – были созданы в XIV–XV вв., а оставшиеся 3 – написаны Пименом и Максимом Греком. В собрании Сильвестра присутствовали редкие и ценные книги – знаменитый лицевой список Сказания о Борисе и Глебе XIV в. и вышедшее, по мнению Е. Л. Немировского, из мастерской Дионисия Евангелие⁴⁰.

Что же касается рукописей первой половины XVI с., то Н. Н. Розов отметил значительное разнообразие почерков, манер и стилей художественного оформления и пришел к выводу об отсутствии в мастерской Сильвестра сложившихся традиций книгописного дела (что, впрочем, было характерно и для монастырских скрипториев⁴¹). Пожалуй, можно выделить лишь несколько рукописей (ГИМ. Чуд. № 187 и 188; ОР РНБ. Сол. № 259 и Кир.-Бел. № 35/160, а также обе книги из Хиландара), которые написаны на одной и той же бумаге.

Свидетельствуют, как нам кажется, рукописи Сильвестра и об известном участии их владельца в грандиозных культурных мероприятиях митрополита Макария. Сильвестру принадлежал один из двух известных списков XVI в. Толкования на Псалтырь Брунона Вюрцбургского, которое было переведено по поручению Макария Дмитрием Герасимовым в 1535 г. и включено в Великие Миней-Четьи под 20 августа⁴². Также принадлежавший Сильвестру прекрасный лицевой Индикоплов относится к той же редакции, что и список, помещенный в августовском томе Софийского списка Великих Миней-Четьих, и А. Ф. Бычков даже считал, что оба списка выполнены одним и тем же лицом⁴³. В Четьи-Миней вошло и анонимное Сказание о Борисе и

⁴⁰ *Розов Н. Н.* Библиотека Сильвестра. С. 203; *Кукушкина М. В.* Монастырские библиотеки Русского Севера. С. 69.

⁴¹ ОР РНБ. Сол. № 1039/1148. Второй, незавершенный список Толкования (ОР РНБ. Соф. № 1255) середины XVI в. также принадлежал Кирилло-Белозерской библиотеке.

⁴² *Редин Е. К.* Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческих и русским спискам. М., 1916. Ч. I. С. XIII–XIV; *Бычков А. Ф.* Описание церковнославянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. С. 177; *Розов Н. Н.* Библиотека Сильвестра. С. 204.

⁴³ *Бугославський С. А.* Україно-Руські пам'ятки XI–XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. К., 1928. С. X, 72; *Жуковская Л. П.* Лингвистические данные в текстологических исследованиях // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 18.

Глебе в той же «Сильвестровской» (по определению С. А. Бугославского) редакции, к которой принадлежал и список из Сильвестровского сборника XIV в., хотя редакторы Четых-Миней использовали не только этот, но и другие списки той же редакции⁴⁴.

Пергаменный Сильвестровский сборник XIV в. со Сказанием о Борисе и Глебе, как установили И. И. Срезневский и А. С. Орлов, приобрел настоящий вид в XVI в., когда был составлен из 4 отдельных частей, ранее принадлежавших другим рукописям, и хранился в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря⁴⁵. Тогда же в XVI в. с последней части этого сборника, включавшей лицевые Сказания о Борисе и Глебе, Откровение Авраама и Покаяние Киприана, была сделана копия, находящаяся ныне в сборнике с Толковой Палеей⁴⁶. Все эти совпадения, по нашему мнению, не случайны. Сильвестр – образованный книжник и специалист книгописного дела – несомненно способствовал усилиям Макария по сбору и изданию «чтомой» на Руси литературы. Как конкретно протекало их сотрудничество, сейчас сказать трудно, но книги библиотеки Сильвестра ясно свидетельствуют о тесных отношениях их владельца и его книгописной мастерской с деятельностью митрополита.

С именем Сильвестра связывается и еще одно выдающееся культурное событие XVI в. – возникновение в Москве книгопечатания. Исследователи давно уже обращали внимание на указание послесловия и первопечатному Апостолу 1564 г., что при Иване IV «...начаша изыскивати мастерства печатных книг в лето 61, осмыя тысящи, в 30-е лето государства его благоверный же царь повеле устроити дом от своєю царския казны, идеже печатному делу строитися...» Ныне, после выявления и описания в работах А. А. Гераклитова, А. С. Зерновой, Т. Н. Протасевой, Е. Л. Немировского т.н. безвыходных изданий московской печати, стало вполне очевидным, что в 50-х гг. XVI в. в Москве работала типография, и сообщение послесловия не является опечаткой. В подтверждение этой точки зрения М. Н. Тихомиров привел свидетельство

⁴⁴ *Срезневский И. И.* Сказание о св. Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV в. СПб., 1860. С. III–V; *Орлов А. С.* Библиотека Московской синодальной типографии. М., 1896. Ч. I. Вып. I. С. 2, 12.

⁴⁵ ГИМ. Муз. № 1197. Л. 389–498. А. В. Поппэ датирует сборник первой четвертью XVI в. (*Поппэ А. В.* О роли иконографических изображений в изучении литературных произведений о Борисе и Глебе // ТОДРЛ. 1966. Т. 22. С. 28).

⁴⁶ *Тихомиров М. Н.* Начало книгопечатания в России // *Тихомиров М. Н.* Русская культура X–XVIII вв. М., 1968. С. 297. Этот летописец был опубликован в XIX в. (Ярославские губернские ведомости. 1850. № 25. Часть неофициальная. С. 250).

краткого летописца XVII г., известного ему по списку XIX в., где прямо указан 1553 г., как дата начала книгопечатания в России: «Начатся печатание книг в Москве при митрополите московском Макарии»⁴⁷.

Существуют различные представления о том, кому принадлежала инициатива устройства первой русской типографии. А. С. Орлов склонялся к признанию ведущей роли в этом начинании «Избранной Рады», но не исключено, что инициатива была поддержана и митрополитом⁴⁸. Е. Л. Немировский убежден, что основателем типографии мог быть только Сильвестр – даровитый государственный деятель, публицист и опытный в книгописном деле человек. Помимо общих соображений о политической и культурной деятельности Сильвестра, Немировский обратил внимание на то, что в отношении расположения текста (удлиненный формат полосы набор) одно из первых безвыходных изданий – Среднешрифтовое Четвероевангелие – заимствует этот прием из рукописи, данной вкладом Сильвестром в Соловецкий монастырь⁴⁹. К наблюдениям Е. Л. Немировского можно добавить следующее: в первой из московских безвыходных книг (узкошрифтовом Евангелии) встречается бумага с филигранями кувшинчик – Briquet. № 12817 (1545–1564 гг.) и «Сердце с тремя лепестками», на которой написан и известный сборник с тремя посланиями Сильвестра (ОР РНБ. Соф. № 1281), причем вторая филигрань из названных не зафиксирована ни в одном справочнике и известна нам только в этих двух книгах⁵⁰. И некоторые другие филигранные рукописи Сильвестра встречаются на бумаге первопечатных Триоди Постной и Среднешрифтной псалтыри⁵¹. Конечно, окончательно вопрос об обстоятельствах издания первопечатных книг и роли

⁴⁷ Орлов А. С. К вопросу о начале книгопечатания в России // Иван Федоров первопечатник. М.; Л., 1935. С. 16; Тихомиров М. Н. Начало книгопечатания в России. С. 313.

⁴⁸ Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. С. 218, 265–266.

⁴⁹ Протасьева Т. Н. Первые издания московской печати в собрании ГИМ // Труды ГИМ. Памятники культуры, 1955. Вып. 15. С. 12. Табл. IV; Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. С. 162. Филигрань «Сердце» воспроизведена в работе Голохвастова и Леонида и на табл. IV в книге Т. Н. Протасьевой.

⁵⁰ Например, «Рука со сферой» – Briquet. № 13994 (1550 г.) – в Минее (ОР РНБ. Кир.-Бел. № 13/1252); перчатка – Лихачев. № 1746–1748 (1551 г.) – в Толковом Евангелии (ОР РНБ. Сол. № 159).

⁵¹ Погудин М. П. Исследования, замечания и лекции. М., 1850. Т. 4. С. 40. Описание этого списка жития конца XVI в. (ОР РНБ. Пор. № 744. 4^л. 102 л.) содержится в очерке Н. М. Коншина (*Голохвастов Д. П., Леонид*. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. С. 108–110), там же опубликована и запись об авторстве Сильвестра.

Сильвестра в этом предприятии на основании столь скудных данных решен быть не может. Но нам кажется, что участие влиятельного царского советника, близкого и к «Избранной Раде» и к Макарию, и квалифицированного специалиста в организации типографии вполне вероятно. Во всяком случае, такой источник, как книги библиотеки Сильвестра, вопреки утверждениям о «фанатизме» и ограниченности их хозяина, представляют нам весьма образованного человека, находившегося в самом центре культурной жизни своего времени. Обширная библиотека Сильвестра, на наш взгляд, позволяет говорить не только о существовании мастерской, но и о связях Сильвестра с кругом образованных людей, той средой, где воплощались замысли выдающихся культурных начинаний середины XVI в.

§ 2. Создание Жития кн. Ольги Степенной книги

С именем Сильвестра связано и создание т.н. Жития княгини Ольги – значительного по объему произведения, составляющего как бы особое вступление к Степенной книге. В прошлом веке М. П. Погодин указал на самостоятельный список Жития XVI в. из собственного собрания, на первом листе которого находилась запись: «Списано любо-мудрецом Селивестром, презвитером царствующего града Москвы». На основании этой записи М. П. Погодин признал Сильвестра автором Жития; того же мнения придерживались сотрудник Д. П. Голохвастова Н. М. Коншин и опубликовавший очерк последнего Леонид⁵². Впоследствии эта атрибуция Жития получила признание, поскольку термин «списано» означает работу автора, а не переписчика⁵³.

Находка данного списка позволила исследователям поставить вопрос об участии Сильвестра в составлении Степенной книги, и эта точка зрения была высказана уже в рецензиях на известную работу П. Г. Васенко, который единственным автором Степенной книги считал протопопа Благовещенского собора (а позднее митрополита) Андрея-Афанасия⁵⁴. Действительно, однообразие литературных при-

⁵² *Соболевский А. И.* Рец. на кн.: Васенко П. Г. Книга Степенная царского родословия. СПб., 1904 // Отчет о присуждении премий имени графа Д. А. Толстого в 1906 г. СПб., 1907. С. 13.

⁵³ *Васенко П. Г.* Книга Степенная царского родословия. СПб., 1904. С. 192–194; *Шлякин И. А.* Рец. на кн.: Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия». СПб., 1904 // ЖМНП. 1905. № 9. С. 153. *Соболевский А. И.* Рец. на кн.: Васенко П. Г. Книга Степенная царского родословия. С. 10–11; *Орлов А. С.* Древяная русская литература. М., 1945. С. 290.

⁵⁴ *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 98; *Он же.* Развитие русской литературы X–XVII вв. Л., 1973. С. 136.

емов, применявшихся при создании Жития Ольги и других частей Степенной книги, вряд ли может быть убедительным аргументом в пользу гипотезы о ее единственном авторе. Д. С. Лихачев, говоря о «портретной галерее» исторических лиц в Степенной книге, отметил общие для всех них условность, официальность и подчинение нормам литературного или просто придворного этикета. Как раз Житие Ольги и тесно связанное с ним Житие Владимира являются, по мнению Д. С. Лихачева, наиболее типичными для Степенной⁵⁵.

В пользу предположения о коллективной работе над Степенной книгой говорит и одновременность создания ее отдельных частей: при описании деятельности митрополита Алексея в 11-й степени говорится об одном ребенке Ивана IV – царевиче Иване, а в степенях 8-й, 14-й и в Житии Ольги упоминаются уже «чада» царя. Похоже, что отдельные «степени» могли создаваться различными людьми в разное время⁵⁶. В литературе уже давно утвердилось мнение, что подготовка монументальных литературных произведений времени Ивана IV (Четьих-Миней, Степенной книги, Лицевого свода) требовало усилий большой группы авторов, включавшей в себя не только макарьевскую «школу» писателей, но и более широкий круг квалифицированных специалистов. И с этой точки зрения участие известного публициста и организатора книгописного дела Сильвестра в составлении столь важного для официальной идеологии памятника, как Степенная книга, было бы вполне естественным – тем более, что Сильвестр, как священник Благовещенского собора, был ближайшим сотрудником протопопа Андрея.

А. И. Соболевский установил, что Погодинский список Жития Ольги представляет собой старшую редакцию по сравнению с текстом в Степенной книге и привел дополнительные данные (сходство лексики жития с Домостроем и посланиями Сильвестра) о принадлежности этого произведения Сильвестру⁵⁷. Недавно Б. М. Клосс указал другой список Жития старшей редакции середины XVI в., который, по его мнению, служил источником при составлении текста

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 21. СПб., 1908–1910. Ч. I. С. 36, 294; Ч. II. С. 369, 526.

⁵⁶ Соболевский А. И. Поп Сильвестр и Домострой // ИРЯС. 1929. Т. 2. Кн. 1. С. 196–202.

⁵⁷ ОР РГБ. Егор. № 124. Л. 308–354об. У Б. М. Клосса ошибочно указаны Л. 311–366об. (Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 262). Данный сборник житий переплетен в XVIII в., и при этом в рукопись были вставлены чистые листы, на одном из которых (Л. 95об.) имеется запись 1778 г. крестьянина Новгородского уезда Сергея Корнилова о том, что книга «собрана от четних-миней старописьменных».

Степенной⁵⁸. В свое время нами был обнаружен новый список Жития той же редакции конца XVI в.⁵⁹, а теперь найдены еще два списка Жития, входящие в состав житийных сборников середины XVI в.⁶⁰ Таким образом, мы имеем возможность проследить этапы работы над важным «программным» введением к Степенной книге, что позволяет судить о складывании официальной идеологии самодержавия и о конкретных путях ее формирования, связанных с личностью самого царя и его ближайшим окружением.

Житие Ольги, по-видимому, готовилось специально для Степенной таким же образом, как и Жития Александра Невского и митрополита Ионы: в макарьевских Четых-Минях помещены лишь похвальные слова названному святому, а для Степенной книги были подготовлены пространные жития со множеством отступлений и подробностей. Для составления Жития Ольги были использованы все имеющиеся в церковной и светской литературе биографические материалы о святой – летописные известия, проложные жития, похвальное слово и т.н. Псковское житие XIV в.⁶¹ Само же житие состоит как бы из трех частей – собственно Жития, статьи «О пренесении честных мощей блаженная и равноапостольна велика княгини Ольги и похвала ея» и особого Похвального слова⁶². Однако первоначальная редакция Жития

⁵⁸ Курукин И. В. Сильвестр и составление жития Ольги Степенной книги // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978. С. 51–60; ОР РГБ. МДА I. № 198. Л. 86–188. Филиграния: Лихачев. № 1956 (1594 г.), № 4006 (1581 г.); Briquet. № 12725 (1581 г.). Описание сборника см.: Леонид. Сведение о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троицкой Сергиевой Лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. М., 1887. Вып. 1. С. 79–84.

⁵⁹ ОР РНБ. Соф. № 1424. Л. 148–204; Филиграния: Briquet. № 11972 (1549 г.); Лихачев. № 1747 (1551 г.), № 2852 (1539 г.), № 3442–3443 (1564 г.). Описание: Абрамович Д. И. Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека. СПб., 1910. Вып. 3. С. 138–141; ГИМ. Барс. № 758. Л. 1–65об. Сборник в 4°. 174 л. Филиграния: Briquet. № 14004 (1553 г.); Лихачев. № 2849 (первая треть XVI в.), № 4069 (1554 г.); Тромонин. № 1571 (1530 г.). Судя по переплету и нумерации глав, он сплетен в XIX в. из частей какого-то большого сборника житий: Житие Ольги помечено 43 главой, следующее за ним Житие Александра Свирского (Л. 66–135) – 49-й, а 48-й главой помечена Повесть о Сретении иконы Богородицы (Л. 148–174).

⁶⁰ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 239–242; Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты // ЧОИДР. 1915. Кн. 3. Отд. II. С. 40.

⁶¹ Васенко П. Г. Составные части книги Степенной царского родословия. СПб., 1908. С. 12–13.

⁶² ОР РГБ. Егор. № 124. Л. 327об.; ОР РНБ. Соф. № 1424. Л. 171.

не сразу заняла свое место в Степенной, а подверглась обработке (может быть, Андреем). Редактор в ряде случаев менял местами заголовки в тексте, заменял отдельные слова (например, «полони» вместо «попле-ни», «владети» вместо «владычествовати» и т.д.) и исправлял ошибки: в Софийском и Егоровском списках в рассказе о поучении Ольги сыну Святославу и его возражениях был помещен явно неверный заголовок «Ответ Игорев», который был опущен при редактировании. Но была правка и более серьезная – из Похвального слова были выпущены места, повествующие о греховных «забавах» (охоте) византийских императоров и о соответственных божьих карах за таковые. Эти примеры были, по-видимому, заимствованы из Никоновской летописи:

Никоновская летопись	Житие Ольги старшей редакции
<p>...Изшедшу убо Василию царю на лов, обретесе елень велик зело, и вздвиже царь мечь свой, еже ударить еленя оного; елень же восхити царя рогом своим за пояс и обесися на рогу его. И притек некто разреза ножом пояс его и спасесе царь. И вместо еже благодаровати человека оного, повеле ему главу отсеши, рек: «Како на царя обнажил еси меч». Царю же от язвы рога еленя озлобишася внутреняя и, мало время пребыв, умре.</p>	<p>... и некогда шедшу ему на лов, и обрете елень, велик зело, и воздвиже мечь свой царь, хотя ударить еленя оного, елень же всхити рогом царя за пояс и обесися на рогу его. И притек некто разреза пояс и спасесе царь. И вместо еже бы даровати человека оного повеле ему главу отсеши, рек: «Како на царя обнажил еси меч». И мало пребыв, царь от язвы рога еленева умре.</p>
<p>...по Константине Багренородном царствова сын его Роман в Цариграде три лета и месяца 3. Сей всю силу и всю крепость худоумным евнухам предав, сам о ловлениях печашася и бесовски внимаа на песии течения...</p>	<p>... по Константине же царствова сын его Роман и всю свою крепость худоумным евнухом предав, сам бесовски печашесе и внимаша на песия течения. И в сих упражняяся живот премени... и т.д.³</p>

Этот текст был убран, видимо, для того, чтобы оттенить главную мысль: Ольга – наследница благочестия византийских императоров (недаром Сильвестр сравнивает ее со святой супругой Льва VI Феофано). Но редактор не только убрал не понравившиеся ему отрывки, как полагал А. И. Соболевский, – он счел нужным поместить их в следующую «степень» в Житие Владимира (главы 14–17). Там данный текст используется для объяснения причин появления «братоубийственной крамолы» на Руси – княжеских усобиц: «Начало же быше таковые братоненавистныя вражды от ловитвы животных...»⁶³

⁶³ ПСРЛ. Т. 21. Ч. I. С. 67–68.

Любопытна следующая цитата из опущенного редактором текста с осуждением «ловитв»: «...грехом приобшение и тшеты имению и многим неповинным кровем пролиание, и наченшу животных и оканчивающее многообразных человекогубительством в различных играниях и в ловитвах животных, идеже неволею собираемо бе людское множество не бога ради и ту многи дни держими пребываху, от злых же приставников лихоимственных ради посулов неповинно истязаемы и неправедно оклеветаемы. И сих ради многиа беды мнозим случаяхуся опальством и всякими проторы, и лишением имения, и узами, и темницами, и зельным на стражах истомлением»⁶⁴. Как отметил в свое время А. И. Соболевский, подобные осуждения вполне могли быть адресованы молодому царю и его окружению. Описанные Курбским жестокие «потехи» Ивана IV, видимо, немало смущали население, недаром редактор Жития придал осуждению царских забав еще большую силу, выставив их как причину княжеских распрей на Руси. В связи с этим обращает на себя внимание и нарочитое заявление публицистического «Приговора царского о кормлении и службах» (помещенного в летописи под 1556 г.), что царь «потехи же царские, ловы и иные учреждения, еще подобает обычаем царским, все оставиша»⁶⁵.

Как говорилось выше, Житие Ольги в переработанном виде заняло свое место в Степенной книге. Однако, вероятно, из-за небрежности переписчиков текст Степенной (даже в старейшем Чудовском списке) содержит пропуски отдельных слов и сочетаний по сравнению со старшей редакцией Жития:

Степенная книга	Житие Ольги старшей редакции
...и никим же не владеши и многи страны примиришати...	...и никим же владеши, многими странами владел еси и многы страны примиришати...
...и самодержствуя бяше, яко древний Авраам...	...и самодержствуя бяше и тогда много о вере размышляше, яко древний Авраам...
...иже преж просвещения безбожных и уклоняшеся их...	...иже пред просвещения безбожных дел поганских ненавидяше и укланяшеся их...

⁶⁴ ОР РГБ. Егор. № 124. Л. 346; МДА I. № 198. Л. 168; ОР РНБ. Пог. № 744. Л. 82об.–83; Соф. № 1424. Л. 193об.–194; ГИМ. Барс. № 758. Л. 53.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 267; Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. С. 197–198.

Что же касается того, какой из списков старшей редакции Жития использовался при составлении Степенной, то на этот вопрос трудно ответить однозначно. Сравнение с текстом Степенной показало, что списки старшей редакции наиболее близки Чудовскому и Думинскому спискам Степенной, в частности, в Чудовском списке выделены заголовки «О кресте» и «Молитва», которые есть только в старшей редакции Жития⁶⁶. Все три сохранившихся списка Жития старшей редакции середины XVI в. очень близки между собой, но в редких случаях расхождения текста Егоровский и Барсовский списки дают одинаковые чтения с Чудовским списком Степенной:

Егоровский и Барсовский списки. Чудовский список Степенной	Софийский список
...образы благих дел ея явно свидетельствовоуху...	...образы благих дел ея ясно свидетельствовоуху...
...гражане и пришельцы имеша ю тако же прибежище и упокоение...	...гражане ж имеша ю тако ж прибежище и упокоение...
...чюдную повесть принести яже о пренесении святых мощей...	...чюдную повесть принести яже о пренесении честных мощей...
...кто не славит иже к нам Божиа благоволения...	...кто не славит иже к нам Божиа благодарение...

Однако, в Софийском списке и в Чудовском списке Степенной присутствуют два киноварных заголовка «О великом князе Игоре, како сочεται со блаженною Ольгою» и «Молитва», которых нет в Егоровском списке⁶⁷. Утрачено в Егоровском списке и самое окончание Жития со слов: «...нашим и ждущим нас вечных мук...» В этом списке, видимо, первоначально вообще не было киноварных заголовков (они вписаны на полях позднее другим почерком, а в тексте размечены для них места), отсутствует большая их часть и в Барсовском списке⁶⁸, и лишь в Софийском и в двух списках конца XVI в. они расставлены в тексте. Но во всех списках старшей редакции заголовки расставлены иначе, чем в Степенной книге, что заметил еще А. И. Соболевский. Нам кажется, что сохранившиеся старейшие списки Жития Ольги отражают скорее различные этапы работы над текстом Жития, и какой именно из списков служил

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 21. Ч. I. С. 18, 21.

⁶⁷ Там же. С. 7, 17. ОР РНБ. Соф. № 1424. Л. 150, 166.

⁶⁸ Вообще Барсовский список составлен довольно небрежно: в тексте имеются пропуски, в главу «О начале церкви Псковския» попал отрывок из ответа Ольги Цимисхию, а Л. 48–48об. и 50–50об. перепутаны местами.

источником для составителя Степенной книги, сказать трудно (возможно – ни один из известных нам).

В целом труд Сильвестра не подвергался сильной переделке, поскольку вполне отвечал поставленной перед автором задаче – создать официальное вступление к Степенной книге, которое недаром было помещено перед оглавлением вне всех «степеней». По замыслу автора Житие должно было объяснить и утвердить происхождение «корени российских самодержцев» от Рюрика до Ивана IV, а также показать изначальную мудрость, «благородие» и благочестие его представителей. Наиболее подходящей формой для этого было сочтено «историческое торжественное княжеское жизнеописание», вобравшее в себя различные по жанру литературные произведения⁶⁹. Основная схема жизнеописания Ольги заимствована из Никоновской летописи, оттуда же взяты и многие детали, однако рассказ стал гораздо более многословным, появились авторские отступления, вымышленные подробности и речи действующих лиц. Сильвестром было привлечено и «Сказание о великих князях Владимирских», точнее, его основная идея о происхождении рода русских государей от императора Августа. Характерно, что в житии мифический Прус – предок русской княжеской фамилии – назван не «сродником», как в «Сказании», а братом римского императора. Житие стало настоящим панегириком самодержавной власти, олицетворением которой являлась «блаженная» Ольга и ее внук Владимир. Сильвестр прославляет государственную мудрость Ольги и ее заботу об «устроении земском» (о том же беспокоится и Иван IV в официальных декларациях конца 40-х – начала 50-х гг. XVI в.); приверженность Ольги православной вере (она «без всякого сомнения желаше креститися» и задолго до этого события отказалась от поклонения языческим богам) и ее непревзойденные нравственные качества, до которых далеко даже византийскому императору⁷⁰. С деятельностью Ольги связывается и начало крещения Руси (что совершенно отсутствует в предшествующих летописных известиях) и распространение письменности, которой Ольга обучилась «первая из русского роду»⁷¹.

⁶⁹ Гриценко З. А. Литературные памятники о княгине Ольге XII–XVII вв. (История текста, становления жанров, стиль): Автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 1979. С. 9.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 21. Ч. I. С. 11–12.

⁷¹ «Тако сия блаженная Ольга, новая Елена, обходяща грады и веси во всей Русей земле всем людям благочестие пропроведа...» (ПСРЛ. Т. 21. Ч. I. С. 22, 55).

В Житии Владимира Степенной книги идеи, заложенные в «Сказании о великих князьях Владимирских», получили дальнейшее развитие. Передача Владимиру Мономаху царских регалий рассматривается уже не как наследие самой царской власти: принятие царского титула оказывается древнее Мономахова венца и происходит от Владимира Святославича, крестившего Русь⁷². Дом Рюрика объявляется избранным родом: «Возлюби Бог и благослави и умножи новаго Израиля семя праведного Василия, рекомаго Владимира, иже и до ныне тшашеся угодное Богу сотворити»⁷³. Согласно этой теории, Москва уже не преемница Византии, где лишь Константин Великий был образцом православного государя, и уже его сыновья впали в ереси, и «такового ради их от православныя веры злого законопреступления... род их искоренися и память их с шумом погиге». В отличие от них, «и донине во всех русских самодержцах не бысть никто же в них, иже бе не благочестив был»⁷⁴. Поэтому такое большое внимание уделяется в Степенной книге деятельности Ольги, «предтечи русской к Богу», принявшей христианство без колебаний и испытания различных вер.

Вообще Жития Ольги и Владимира Степенной книги взаимно связаны между собой: в обоих произведениях подчеркивается тесная духовная связь и преемственность политики Ольги и Владимира – именно Владимир, а не язычник Святослав, является законным наследником «царского благородия русских самодержец» и осуществляет пророчества апостола Андрея и Ольги о крещении Руси⁷⁵. Повторяются и конкретные известия об основании Владимира на Клязьме, о постройке Десятинной церкви в Киеве, об обретении мощей Ольги, а также известная легенда о проповеди на Руси апостола Андрея в ее «новгородском» варианте⁷⁶. Как им показали выше, даже некоторые места из жития Ольги перешли позднее в рассказ о деятельности Владимира.

В Житиях Ольги и Владимира подчеркивается качественное отличие, большая нравственная высота Владимира по сравнению с Константином Великим. Утверждалась идея богоизбранности Руси, мысль о превосходстве национального русского «самодержавства» над Византией. Но для того, чтобы доказать это превосходство, необ-

⁷² Сизов Е. С. Русские исторические деятели в росписях Архангельского собора и памятниках письменности XVI в. // ТОДРЛ. 1966. Т. 22. С. 269.

⁷³ ПСРЛ. Т. 21. Ч. I. С. 168; Ефимов Н. И. «Русь – новый Израиль». Из этюдов по истории русского церковно-политического сознания. Казань, 1912. Вып. I. С. 44.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 21. Ч. I. С. 132–133.

⁷⁵ Там же. С. 26, 73.

⁷⁶ Шпаков А. Я. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Одесса, 1912. С. 212.

ходима была деятельность святой княгини Ольги, «мати царского благородия российских самодержец». Ее подвиг позволил Владимиру не сомневаться в выборе веры и принять ее вполне самостоятельно: «Великий Константин, первый христианом царь, явлением верховных апостол Петра и Павла крестися от святого Селивестра и тогда во святой купели от неисцельного недуга здравие получи. Великий же Владимир ни от которого явления, но вероя несумненною и благим самоизволением абие повеле креститися»⁷⁷. Именно такое принятие христианства обуславливало самостоятельность и исконность царской власти русских государей, а не приобретенный (пусть даже со славой – как это было в случае передачи царского венца Владимиру Мономаху) ее характер.

Такое внимание к Ольге и Владимиру было для Сильвестра не случайным. Еще в первом послании к царю Сильвестр указывал Ивану IV: «Будеши благословен, наследник своего прародителя, благородного и равного апостолам великого князя Владимира... преждо всех Бога позна и не изнемог верою и не усумнился неверованием...»⁷⁸ Крещение Владимира было изображено и на созданных под руководством Сильвестра фресках Золотой палаты в Кремле.

Переосмысление роли Владимира I позволило царю Ивану IV гордо заявить своему оппоненту Курбскому: «Сего православия истинного российского царствия самодержавство Божиим изволением почен от великого царя Владимира, просветившего всю русскую землю святым крещением»⁷⁹. Кстати, в этом же послании Иван IV в полном соответствии с Житием Владимира считал смерть императора Константина началом упадка Византии.

Заслуживает внимания и тот факт, что в переговорах с литовскими дипломатами о признании царского титула Ивана IV в 1549–1553 гг. главным аргументом русской стороны служила ссылка на получение Владимиром Мономахом царского венца от византийского императора. Но уже в январе 1554 г. в наказе послам В. М. Юрьеву и Ф. И. Сукину впервые появляется в числе доказательств прав Ивана IV на царский титул утверждение об изначально и «непохищенной» царской власти русских государей, которая берет начало от Владимира I Святославича⁸⁰.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. С. 27.

⁷⁸ Голохвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. С. 72.

⁷⁹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 12. И Курбский напоминал царю об убитых им князях («от роду великого Владимира») (РИБ. Т. 31. С. 115).

⁸⁰ Сборник РИО. СПб., 1888. Т. 59. С. 287, 292, 308–309, 312, 345, 373, 437.

Примерно в это же время создавалась и роспись Золотой палаты, где наряду с изображением похода Мономаха во Фракию и присылки ему царского ценца, помещена история крещения Владимира I, чего в «Сказании о великих князьях Владимирских» нет. Более того, некоторые сцены крещения в росписи и подписи под ними весьма близки к Житию Владимира в Степенной книге, о чем будет сказано ниже⁸¹. Однако если в росписи Владимиру I и Мономаху уделено место примерно поровну, то в Степенной книге время княжения Ольги и Владимира I приобрело решающее значение для истории русского государства, а рассказ о деятельности Мономаха (4-я «степень») сильно сокращен и занимает в публикации всего 6 печатных страниц (одно Житие Владимира занимает 80!).

По нашему мнению, житие Ольги отражает определенный этап в формировании идеологических представлений об истоках и значении царской власти на Руси, разрабатывавшихся ближайшими советниками Ивана IV, прекрасно им усвоенных для своей концепции «вольного самодержавства» и оправдания расправ с действительными и мнимыми противниками.

И. И. Смирнов не без основания указал на отражение в Житии Ольги «иосифлянского учения» о власти русских государей и их отношений с церковью: помимо указанных выше идей о происхождении царской власти, в Житиях Ольги и Владимира подчеркивается строительство ими церквей и внимание к нуждам духовенства. Ольга дает золото на создание церкви во Пскове, а Владимир, отстроив в Киеве каменный собор, «десятину даде от всего своего имения»⁸². В Житии Владимира прямо говорится о движимых и недвижимых «великих дарах и стяжаниях», которые были переданы церкви Владимиром и его наследниками⁸³. Но основной идеей жития выступает аргументированное утверждение исконности и самостоятельности светской царской власти и высоких нравственных качеств ее носителей. Выработка этих представлений в 50-е гг. XVI в. проводилась в виде целого комплекса литературно-публицистических и живописных мероприятий, самое активное участие в которых принимал Сильвестр.

⁸¹ Впервые связь росписи со Степенной книгой заметил еще И. А. Шляпкин (*Шляпкин И. А.* Реч. на кн.: Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия». С. 157).

⁸² ПСРЛ. Т. 21. Ч. I. С. 22, 27; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30-х–50-х гг. XVI в. С. 255.

⁸³ Там же. С. 108, 119; *Милютин В. А.* О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1862. С. 20.

Житие Ольги, как и ряд других произведений, послуживших источниками для Степенной книги⁸⁴, вошло в нее не сразу и подверглось редакторской правке. Кто редактировал житие – сам Сильвестр, Макарий или Андрей-Афанасий⁸⁵ – сказать трудно, тем более что, по мнению А. И. Соболевского, работа над Степенной не была завершена⁸⁶. Однако в XVI–XVII вв. это произведение было достаточно популярным и распространялось не только в составе Степенной книги, но и отдельно⁸⁷. Позднее сцены из Жития были изображены в росписи т.н. Царицыной Золотой палаты Московского Кремля⁸⁸.

§ 3. Росписи Золотой палаты как памятник публицистики середины XVI в.

Сведения об общественно-политических взглядах Сильвестра можно выявить не только в литературе той поры, но и при обращении к такому тесно с ней связанному источнику, как росписи кремлевской Золотой палаты на темы библейской и русской истории, выполненные под руководством Сильвестра в конце 40-х – начале 50-х гг. XVI в. Однако сами фрески не сохранились до нашего времени: Золотая палата была разобрана в середине XVIII в., и о росписи мы можем судить лишь на основании подробного ее описания, сделанного известным

⁸⁴ Зимин А. А. К изучению источников Степенной книги // ТОДРЛ. 1957. Т. 13. С. 225–230.

⁸⁵ Ему принадлежит Похвальное слово на перенесение мощей Николая чудотворца (ГИМ. Востряков. № 907. Л. 116; ОР РНБ. Q. XVII. № 12. Л. 317).

⁸⁶ Доклад Н. Н. Покровского в ИИ СССР 27.03.1979 г. о найденном им Томском списке Степенной книги 60-х гг. XVI в. показал, что процесс создания этого произведения требует серьезного изучения.

⁸⁷ Нам известны 14 самостоятельных списков Жития Ольги конца XVI – начала XVIII в. в редакции Степенной книги: ОР РГБ. Унд. № 348; Большаков. № 38. Л. 41–77; Тр.-Серг. № 679. Л. 226–292; Строев. № 32. Л. 216об.–260об.; БАН. Арх. Д-235. Л. 551–624; ОР ГПБ. Пог. № 1599. Л. 25–104; Сол. № 864/974, Л. 103–140об.; Архив ЛОИИ. Колл. № 115. № 87. Л. 1–44; РГАДА. Ф. 187. № 41; Мазур. Оп. 1. № 357. Л. 277–311об.; ГИМ. Барс. № 764. Л. 15об.–52об.; Увар. № 542/1813. Л. 565–635об. Находившийся в собрании А. С. Уварова под № 533/1821 сборник XVII в. с Житием Ольги хранится ныне в ОР РГБ. (Муз. № 8433. Л. 4–84об.). Список Жития Ольги XVII в. находился и в собрании Киевского Златоверхо-Михайловского монастыря (Петров Н. И. Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве. М., 1896. Вып. 2. С. 162). Отдельно переписывались в XVII в. статья о перенесении мощей Ольги (ОР РНБ. ОЛДП. О. 258. Л. 678–693) и Похвальное слово из Жития (ОР РГБ. Муз. № 3154. Л. 153об.–164об.; ОР РГБ. Титов. № 984. Л. 51–61).

⁸⁸ Овчинникова Е. С. Повесть о царице Динаре в русском изобразительном искусстве // ТОДРЛ. 1966. Т. 22. С. 230.

«изографом» Симоном Ушаковым и его помощниками. Описание это было трижды опубликовано – Г. Д. Филимоновым, И. Е. Забелиным и С. П. Бартевым и широко используется в научной литературе⁸⁹.

История создания этого описания такова: 11 марта 1672 г. в особой памяти главе Оружейной палаты боярину Б. М. Хитрово было предписано «...в государеве Золотой палате стенного письма осмотреть и над бытиями подписи, которые зарудились, прочистить и описать в тетрадь, а для прочистки подписей взять 20 человек иконников из Оружейного приказа, а над теми иконниками надсматривать и у справки подписей быть Оружейного приказа иконнику Никите Павлову»⁹⁰. Однако по неизвестным причинам этой работой в Золотой палате руководил не Никита Павлов, а С. Ушаков⁹¹, и в результате в мае 1673 г. подлинник описи был отослан в приказ Большого дворца⁹². Сама опись представляет собой объемистую тетрадь, где внизу по листам находятся скрепы самого Ушакова («У дела был иконописец Симон Феодоров сын Ушаков и руку приложил») и подъячего приказа Большого дворца Никиты Клементьева. Составлялась опись несомненно разными людьми – можно выделить по крайней мере 4 почерка, а между частями описи, написанными разными почерками, обычно пропущено несколько чистых листов⁹³. Из содержания описи следует, что росписи и сопровождающие их подписи значительно пострадали и в ряде случаев переписывавшие их иконники не могли разобрать отдельные слова: например вместо «блужение» писали «влужении», вместо «300 тысяч» – «тристаты», вместо «на мучение» – «на учение». Некоторые подписи и объяснения изображений вписаны в текст описания позже другим почерком или по стертому тексту⁹⁴.

⁸⁹ Описные книги царских палат Золотой и Грановитой, составленные С. Ушаковым в 1672 г. М., 1882 (Это издание нами нигде не обнаружено); *Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей*. М., 1884. Вып. 1. С. 1238–1255; *Бартев С. П.* Московский Кремль в старину и теперь. М., 1916. Т. 2. С. 183–193.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 10. № 13722. Л. 1.

⁹¹ Об этом поручении Н. Павлову и работе С. Ушакова А. И. Успенский ничего не сообщает (*Успенский А. И.* Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь. М., 1910. Т. 2).

⁹² ОР РНБ. Q. XIII. № 8. В записи на Л. 1 описи дата написана крайне неразборчиво, можно прочитать лишь, что «...мая в 1 подал подъячей Микита Клементьев». Поскольку содержащаяся в этой же тетради опись росписи Грановитой палаты была подана в приказ 27 июня 1673 г. (Там же. Л. 76), то, возможно, опись Золотой палаты была выполнена С. Ушаковым тоже к 1673 г.

⁹³ ОР РНБ. Q. XIII. № 8. Л. 1–11, 13–23, 28–44, 51–56.

⁹⁴ Там же. Л. 1об., 64об.–70.

При анализе текста описания необходимо учитывать, что оно могло отражать поновления росписи в XVI–XVII вв. Так, уже И. Е. Забелин предположил, что отдельные ее фрагменты переписывались при Федоре Иоанновиче, в результате чего среди изображений князей – потомков Ивана Калиты был помещен «св. мученик» Феодор Стратилат⁹⁵. Но изображение Феодора Стратилата имеется и среди «портретов» русских князей в росписи Смоленского собора Новодевичьего монастыря (1525 г.) и отсутствует в сделанной при Федоре росписи Грановитой палаты⁹⁶. Что же касается упоминания Арсения Елассонского о том, что Борис Годунов «в большом дворце внутренние палаты золотые росписал живописью», то, как выяснила Е. С. Овчинникова, здесь речь шла о так называемой Золотой Царицыной палате, построенной в конце XVI в.⁹⁷ Тем не менее, отдельные поновления росписи не исключены. В той же «портретной галерее» русских князей Золотой палаты опись указывает изображения «благочестивого великого князя Дмитрия Ивановича Углицкого», которого И. Е. Забелин считал венчаным внуком Ивана III, умершим в заточении в 1509 г.⁹⁸ Но Дмитрий-внук, хотя и имел титул «великого князя», никогда не владел Угличем, традиционным удельным городом⁹⁹. Здесь следует отметить, что обычно С. Ушаков и его помощники старались точно передавать пояснительный текст к тому или иному изображению (например, «...над первым окном подписана подпись: “Придоша к великому князю Владимиру срацыни и немцы и жида...”»). В данном же случае, называя по именам князей, изображенных «в окнех» Золотой палаты, мастера не сообщают, насколько точно приведенный ими титул соответствует подписи: «...в окнех написаны в кругу поясные: в 1-м – благочестивый великий князь Всеволод, во 2-м – благочестивый царь и великий князь Владимир Манамах...» и т.д. Если подпись под «портретом» передана верно, то вероятно поновление живописи в конце XVI в., когда могло появиться изображение князя с соответствующим титулом – царевича Дмитрия,

⁹⁵ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1895, Т. 1. Ч. 1. С. 169.

⁹⁶ Ретковская Л. С. Смоленский собор Новодевичьего монастыря // Труды ГИМ. Памятники культуры. 1954. Вып. 14. С. 18–19.

⁹⁷ Дмитриевский А. А. Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории. Киев, 1899. С. 96; Овчинникова Е. С. Повесть о царице Динаре в русском изобразительном искусстве. С. 230.

⁹⁸ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. С. 170.

⁹⁹ Каптанов С. М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967. С. 39, 91, 119.

погибшего в 1591 г.¹⁰⁰ Но и мастера могли воспринять непонятого им «великого князя Дмитрия Ивановича» как хорошо знакомого убиенного царевича (тем более, что в росписи присутствовал один знаменитый «великий князь Дмитрий Иванович Донской») и дать ему титул «Углецкой». В таком случае трудно сказать, чье именно изображение находилось в Золотой палате – Дмитрия-внука или первенца Ивана IV Дмитрия, трагически погибшего в 1553 г.¹⁰¹

Но, даже имея в виду возможные поновления и ошибки Иконников С. Ушакова, живопись Золотой палаты вполне может рассматриваться как памятник середины XVI в. И. И. Смирнов считал ее идейной основой прославление и утверждение самодержавной власти русских государей. В этом с ним был согласен и А. А. Зимин, который, тем не менее, видел в росписи и отражение «нестяжательской» идеологии. «Нестяжательские» идеи (например, в притче о богатом и Лазаре) отмечала в росписи и О. И. Подобедова¹⁰².

Основное место в Золотой палате, опоясывая все 4 стены, занимало изображение сцен крещения Владимира Святославича и передачи царских регалий византийскими послами Владимиру Мономаху. Картины избрания веры и крещения Владимира и соответствующие им подписи, как уже говорилось выше, весьма близки к передаче этих событий в житии Владимира Степенной книги:

Опись С. Ушакова	Степенная книга
...а в свитках написано: «Жида же реша: «Ведый бо веруют христиане во Исуса Христа, того распяша отцы наши».	...ведый буди, яко в него же веруют Исуса Христа, того распяша отцы наши...
...над 3-м окном подписана подпись: «Крещение великого князя Владимира. Внегда возложил на нь руку епископ, и виде Владимир руку с небеси и прикоснувшуся ему, и абие прозре очима и телом и исцеле и изыде от купели весь чист и здрав, яко николи же болев»	...всегда возложи на нь руку епископ и виде Владимир своима очима с небеси руку прикоснувшуся ему и абие прозре очима и телом исцеле и изыде от купели весь чист и здрав, яко николи же болев».

¹⁰⁰ В XVII в. «царевича» Дмитрия нередко именовали и «великим князем»: записи в Житии (ЦГАДА. Ф. 181. № 398/850) и в Гербовнике (ГИМ. Увар. № 567. Л. 502).

¹⁰¹ Брат Василия III, удельный углецкий князь Дмитрий Иванович Жилка «великим князем» не был, и вообще в росписи из московских князей представлены, за исключением Даниила, лишь занимавшие великокняжеский стол.

¹⁰² Смирнов И. И. Очерки политической истории русского государства 30–50-х гг. XVI в. С. 256; Зимин А. А. И. Пересветов и его современники. С. 62; Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV. С. 34, 61.

Да над тем же окном подписана подпись: Видев же бояре чюдеса божия, возопиша единогласно: «Воистинне велик Бог христианский».	...и вси единогласно возопиша, глаголюща: «Воистинну велик бог христианский, един свят и страшен и несть никто же подобен ему...»
Над 2-м окном подписана подпись: «Благодарный великий князь Владимир по сотворении благоверные царевны Анны взят мощи святого Климента и Фива ученика его...»	... отнюду же и сия священные мощи святого Климента и Фива, ученика его, с собою принесе...

Изучение сцены крещения Владимира позволило Е. С. Сизову сделать предположение о том, что житие Владимира Степенной книги создавалось уже в начале 50-х гг. XVI в. и отразилось в росписях Золотой палаты¹⁰³.

Другим важным моментом русской истории, изображенным в росписи, была иллюстрация известной легенды о дарах Мономаха, получившей в XVI в. широкое распространение в качестве официально признанной теории происхождения русской державы и царского титула ее государей. О. И. Подобедова и Н. Е. Мнева справедливо указывали на связь этой росписи со «Сказанием о князьях Владимирских», однако поясняющий изображение текст имеет наибольшее сходство не со «Сказанием» (и появившимися в результате его переработки произведениями – т.н. «Поставлением» и текстом, помещенным на царском месте Успенского собора), а с особым рассказом о венчании Владимира Мономаха из Воскресенской летописи:

Опись С. Ушакова	Воскресенская летопись
Князь Владимир нача советовати з бояры своими, хотя ийти на Царьград. Отвещав же боярин: «Сердце цареве в руце Божией, а мы в твоей руце». Князь Владимир совокупляет войско и устрояет тысяшники и сотники и пятидесятники, а над разрядчики войско. И плениша довольно и возвратишася здрав восвосяи.	Того же лета нача Владимир советовати с бояры своими, хотя ийти на Царьград, отвещаша ему боляре его: «Сердце цареве в божией руце, а мы есмя во твоей руце». И князь великий, совокупив войско отпуска воевод своих на Фракию Царяграда и плениша ю довольно и возвратишася здравии восвосяи.

¹⁰³ Сизов Е. С. Русские исторические деятели в росписях Архангельского собора и памятниках письменности XVI в. С. 268.

<p>Тогда же во Царьграде царь Костянтин Манамах и в то время имея брань с персы и с латыни. И посла царь Костянтин к великому князю Владимиру Неофита митрополита и два епископа, Митулинского и Митийского, и стратига Антиохийского, Августа Александрийского и Симана Еросалимского и Евфимия.</p>	<p>Тогда же во Цариграде царь Костянтин Манамах и в то время имея брань с персы и с латынею. И посла царь Костянтин к великому князю Владимиру Неофита митрополита Ефесского и с ним два епископа, Митилиньска и Мититийска и стратига Антиохийска, и Агустолия Александрийска, игемона Иерусалимска Еустафия.</p>
<p>И посылает с ним к великому князю крест от животворящего древа и снем от своая главы венец царский, имянуется Манамахова шапка, и дробницу сердоликову⁴, из нея же царь римский веселяшеся Август, и чепи златые и многие царские дары...</p>	<p>И посылает с ними к великому князю крест от животворящего древа и снем от своая главы венец царский, иже имянуется Маномахова шапка, и крабицу сердоликову, из нея же Август царь римский веселяшеся, и чепи златые и иныя многие царские дары...⁵</p>

В работах советских исследователей о развитии в XVI в. теории происхождения русской государственности отмечается светский характер концепции, отраженной в цикле произведений о получении Владимиром Мономахом царского венца, по сравнению с известной теорией о «Москве – Третьем Риме»¹⁰⁴. В этих произведениях, выражавших попытку рационалистического осмысления своей истории (в том числе и в рассматриваемых текстах), ничего не говорится о роли Божественного промысла в действиях византийского императора и Владимира Мономаха. Но идеи «Сказания о князьях Владимирских» не менее успешно интерпретировались и церковью. Уже в Макарьевских Четых-Минях (Успенском и Царском списках) известие о получении даров Мономахом было внесено в текст Похвального слова Михаилу Черниговскому: «...диадиму и венец и крест животворящего древа прим и порамницу царскую и крабицу сердоличную...» В данном тексте подчеркивается, что знаки царского достоинства достались русским государям «не от человек, но Божиим неизреченным судьбам предворяюще и преводяще славу греческого царства на российский царя». Этот же рассказ затем бу-

¹⁰⁴ Гольдберг А. Л. Отражение историко-политических идей русской письменности в западно-европейской печати // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 130; Хорошкевич А. Л. История государственности в публицистике времен централизации // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 114–124.

дет дословно воспроизведен в Степенной книге в разделе, посвященном Владимиру Мономаху¹⁰⁵. Затем в Чине венчания Ивана IV «крабица», благочестивое происхождение которой сомнительно, исчезает, но зато появляется скипетр, данный царю непосредственно от Бога¹⁰⁶. В дальнейшем в идеологической практике Российского государства (в летописях и на дипломатических переговорах) среди даров Мономаху неизменно упоминаются крест, венец (или шапка Мономаха) и «диадима» (или бармы)¹⁰⁷. Возможно, и мастера-икононики XVII в., описывая фрески, приняли неизвестную им «крабицу» (которую они прочитали как «дробницу») за «диадиму» из привычной официальной формулировки состава мономаховых даров, и далее в описании сцены вручения даров в описи фигурирует «венец царский, крест и диадима».

Исследование данного раздела росписи показывает, что Сильвестр обладал известной самостоятельностью при выборе сюжетов росписи и предпочел в качестве образца рассказ Воскресенской летописи, отличный от «макарьевских» интерпретаций легенды о Мономахе в Четьих-Минеях и Чине венчания.

Другой немаловажной темой росписи Золотой палаты и ее сеней было прославление побед над «неверными», которые с помощью божественного вмешательства были одержаны библейскими героями – Моисеем, Иисусом Навином, Гедеоном. Исследователи, начиная с И. Е. Забелина, справедливо связывали данные сюжеты росписи с казанскими походами Ивана IV¹⁰⁸. Подобные «батальные» сцены росписи вполне соответствуют высказываниям Сильвестра о покорении «поганских стран» из его послания к Ивану IV. Следует только отметить, что работы в Золотой палате начались не после взятия Казани, как думал П. П. Муратов¹⁰⁹, а до 1552 г., т.к. дьяк Висковатый выступал против новых икон и фресок за 3 года до рассмотрения собором в 1554 г. его претензий.

¹⁰⁵ Великие Минеи-Четии. Сентябрь. Вып. 2. СПб., 1869. С. 1318. ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. С. 188.

¹⁰⁶ Барсов Е. В. Древнерусские памятники венчания царей на царство // ЧО-ИДР. 1883. Кн. 3. Отд. 1. С. 30.

¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 150–151, 226–227, 450–451; Т. 29, С. 49; Сборник РИО. 1888. Т. 59. С. 345, 373, 437; Соборная грамота духовенства православной церкви, утвердившая сан царя за великим князем Иоанном IV Васильевичем. М., 1850. С. 41.

¹⁰⁸ Забелин И. Е. Материалы для истории, статистики и археологии московских церквей. М., 1884. Вып. 1. С. 1242–1243, 1252–1255.

¹⁰⁹ История русского искусства / Под ред. И. Э. Грабаря. М., 1909. Т. 6. С. 320.

И, наконец, группа нравоучительных композиций росписи посвящена восхвалению идеального правителя, в котором можно угадать черты самого Ивана IV. Тот же И. Е. Забелин высказал мнение, что под изображением царевича Иоасафа и пустытника Варлаама следует понимать молодого царя Ивана и его наставника Сильвестра. Напоминанием об особой избранности и высокой ответственности царского сана («много званных, но мало избранных»!) служат композиции на темы евангельских притч о сеятеле, заблудшей овце и брачном пире¹¹⁰. Несомненно обращены к царю и сцены с изображением Спаса, благословляющего юного самодержца, и ангела, возлагающего на государя царский венец. Композиции, где «царь обымает сына, а у сына царева в руках книга, за царем царица», вероятно, имели прямое отношение к семье Ивана IV. Как бы замыкает эту группу картин изображение закономерных итогов праведной и неправедной жизни: история богатого и Лазаря и продление жизни благочестивому царю Езекии¹¹¹.

На сводах Золотой палаты нашли отражение представления о мироздании и жизни человека, где богословские концепции переплетались с олицетворением времен года¹¹², сил природы и изложением притчи Василия Великого о добродетели и пороке¹¹³.

В целом фрески Золотой палаты последовательно отражали идею богоустановленности и избранности самодержавной власти, наследовавшей традициям Рима и Византии. Эти теории с элементами светского, гуманистического мировоззрения пришли на смену старым «вотчинным» представлениям о происхождении и пределах власти государя. Их можно обнаружить и в летописании, и в дипломатической практике, и в таких памятниках, как Степенная книга и росписи Золотой палаты, к созданию которых несомненно причастен Сильвестр. В произведениях идеологов сильной монархической власти (Максима Грека, Андрея-Афанасия, И. Пересветова, Сильвестра) они сочетались с традиционными представлениями об обязанностях государя и его моральном долге по отношению к подданным. Вряд ли можно рассматривать эти представления (отраженные в данном случае во фресках Золотой палаты) как сознательное стремление

¹¹⁰ Матф., XIII, 3–8; XVIII, 12; XXII, 2–14; Лука, XV, 4–10.

¹¹¹ Исая, XXXVIII, 1–5.

¹¹² Подобные толкования были распространены и в рукописной традиции (например, ОР РГБ. Рогожск. № 661. Л. 3–4).

¹¹³ Очерки истории русской культуры XVI в. М., 1977. Ч. II. С. 320. Притча Василия Великого его учителю язычнику Евнулу находилась в житии святого, вошедшем в Четьи-Минеи (Великие Минеи-Четии. Январь. Дни 1–6. М., 1910. С. 12–14).

ограничить царскую власть в пользу корыстолюбивого боярства – недаром А. А. Зимин признал, что здесь программа Сильвестра не отличалась от «иосифлянской доктрины». «Вольное самодержавство», сменившее период реформ, использовало многое из идейного наследия 50-х гг. и, отбрасывая всякие ограничения своему произволу (и самих идеологов в том числе), гордо заявляло устами Ивана IV: «От человек учения не требуем; ниже бо подобно есть, еже владети множества народа от инех разума требовати»¹¹⁴.

Как воспринимал Иван IV письменные и наглядные поучения Сильвестра, сказать трудно, однако есть основания предполагать, что некоторые его поступки имели литературные образцы. По мнению В. И. Корецкого, примером для политического маскарада во время «второго издания» опричнины в 1575–1576 гг. Грозному послужило «Житие Варлаама и Иоасафа» из круга чтения, определенного Сильвестром. А по сообщению Горсея, царь приказал перебить нищих, собравшихся в Александровой слободе за милостыней – так же, как легендарный Дракула¹¹⁵.

¹¹⁴ Послания Ивана Грозного. 1951. С. 61.

¹¹⁵ *Корецкий В. И.* Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины // ВИ. 1967. № 5. С. 39; *Севастьянова А. А.* Записки Джерома Горсея о России в конце XVI – начале XVII в. // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974. С. 117.

Глава IV

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИЛЬВЕСТРА В КОНЦЕ 40-х – 50-х гг. XVI в.

Многие исследователи пытались восстановить биографию Сильвестра на основании скудных данных, сохранившихся, в основном, в сочинениях Грозного, Курбского и т.н. приписке о царской болезни. Но и эти источники ничего не сообщают о начале карьеры благовещенского священника, кроме факта его новгородского происхождения.

По существу, единственным источником о происхождении и социальном положении Сильвестра в «домосковский» период жизни является его «послание и наказание» сыну Анфиму, помещенное в Домострое Коншинской редакции (составителем которой, по мнению большинства исследователей, и был Сильвестр). Это послание, представляющее как бы сжатое изложение основных моральных правил и житейских предписаний Домостроя, рисует облик весьма зажиточного представителя белого городского духовенства, близкого скорее, к посадским верхам, чем к феодальной церковной иерархии. В Новгороде Сильвестр и его сын Анфим занимались изготовлением икон и рукописных книг для продажи, но в их мастерской находилось место и для иных «рукоделий»¹. Исследователи давно обратили внимание на то, что Сильвестр, понимая невыгодность холопского труда, освободил свою челядь и использовал в своей мастерской труд наемных работников². Сильвестр с сыном вели большую торговлю, а сам он с гордостью пишет, что в торговых делах ему верили «и zde и иноземцы», что, как мы увидим, вполне подтверждается другими источниками.

¹ Орлов А. С. Домострой по Коншинскому списку и подобным. М., 1908. Ч. 1. С. 66.

² Зимин А. А. И. Пересветов и его современники. С. 43.

Разногласия исследователей начинаются с выяснения времени и обстоятельств появления Сильвестр при дворе. А. А. Зимин поддержал распространенную в историографии точку зрения о том, что Сильвестр стал играть важную роль в государственных делах с возвышением Шуйских. Исследователь вполне доверял сообщению приписки, где Сильвестр изображен инициатором освобождения из заточения В. А. Старицкого, и таким образом, уже с самого начала своей деятельности был связан с оппозиционными силами – Шуйскими и Старицкими³. На наш взгляд, более убедительным является высказанное еще М. П. Погодиным, а затем Д. П. Голохвастовым предположение, что занявший митрополичью кафедру в 1542 г. новгородский архиепископ Макарий перевел в Москву и новгородца Сильвестра⁴. Известно, что Макарий старался привлекать в столицу новгородцев: многие из писцов, участвовавших в составлении Софийского списка Четых-Миней, продолжили работу в Москве; ряд реликвий из новгородских храмов еще до пожара 1547 г. оказался в кремлевских соборах; коллега Сильвестра по службе в Благовещенском соборе, Симеон, был псковичем. Позднее даже дьякона в Благовещенский собор выбирали из новгородцев⁵.

Мы не располагаем никакими сведениями о беспрецедентной роли простого священника в освобождении В. А. Старицкого в 1541 г. К тому же двоюродный брат царя был освобожден как раз не Шуйскими, а их соперниками Бельскими, что признает и А. А. Зимин. Что же касается взаимоотношений Сильвестра с Макарием, то очевидно, что традиционная точка зрения дореволюционной буржуазной историографии, отвергавшей сотрудничество митрополита-«иосифлянина» Макария с предводителем «боярской партии», нуждается в пересмотре. Если согласиться с изложенной концепцией, то остается непонятным и защита Макарием Сильвестра на соборах 1553/1554 г. и 1560 г., и сотрудничество обоих деятелей в осуществлении выдающихся культурных предприятий 50-х гг. – восстановительных работ в Кремле и составлении Степенной книги. Да и назначение Сильвестра

³ Там же. С. 43–44.

⁴ *Погодин М. П.* Царь Иван Васильевич Грозный // Историко-критические отрывки. М., 1867. Т. 2. С. 195; *Голохвастов Д. П., Леонид.* Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. С. 10; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI в. С. 257.

⁵ *Кучкин В. А.* О формировании великих Миней-Четий митрополита Макария // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 100; *Макарий.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. II. С. 101, 175; ДАИ. 1846. Т. I. С. 136.

в домовую великокняжескую церковь – Благовещенский собор – не могло состояться без прямого согласия митрополита (А. А. Зимин установил, что Сильвестр уже был священником Благовещенского собора в 1545/1546 г.)⁶ О сотрудничестве Сильвестра с Макарием говорит и Курбский, а сам Сильвестр в уже цитированном «Послании» из Домостроя, пишет, что его сын «святительское благословение на себе имеет», видимо, имея в виду того же Макария⁷.

Необычайное возвышение Сильвестра все исследователи обычно связывают с событиями бурного 1547 г., но что именно заставило юного царя безоговорочно признать его авторитет – остается не вполне ясным. Тем более, что Сильвестр так и не стал главой клира Благовещенского собора, т.е. «по должности» не был царским духовником, вопреки распространенному мнению о его «протопопстве»⁸. В январе 1548 г. ушел в монастырь протопоп Федор Бармин – активный участник событий лета 1547 г.; в 1548–1549 гг. протопопом был Яков Дмитриевич, а где-то с 1550 г. этот пост занял Андрей (будущий митрополит Афанасий), оставшийся в должности до 1562 г.⁹ Однако Курбский прямо называет Сильвестра (так же как и царского духовника Андрея) «исповедником» царя, а сам Иван IV в Первом послании Курбскому подчеркивает, что Сильвестр входил во все подробности его жизни, как это был уполномочен делать лишь духовник – вплоть «до пища и до спания»¹⁰. В XV–XVI вв. церковь допускала наличие у верующего нескольких духовных отцов, и в летописном отрывке под 1552 г. как раз и упоминаются «духовники» Ивана IV¹¹. Духовным отцом царя («Beichfater») называли Сильвестра и сыновья бургомистра

⁶ *Зимин А. А. И. Пересветов и его современники. С. 44. В XVII в. царский духовник должен был давать патриарху «особое писание» с обещанием беспорочной службы и послушания высшей церковной власти (ОР РНБ. Ф. XVII. 38. Л. 227–230).*

⁷ *Орлов А. С. Домострой по Коншинскому списку и подобным. С. 62; РИБ. СПб., 1914. Т. 31. С. 171.*

⁸ *Зимин А. А. И. Пересветов и его современники. С. 43–44; Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. С. 96.*

⁹ *Смирнов С. И. Житие преподобного Даниила, переяславского чудотворца. М., 1908. С. XIII; Курукин И. В. Новые сведения монастырских архивов о Сильвестре // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М., 1979. С. 65.*

¹⁰ РИБ. Т. 31. С. 210, 264; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 31.

¹¹ *Смирнов С. И. Древнерусский духовник // ЧОИДР. 1914. Кн. 2. Отд. III. С. 53–61; ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 304. Второго духовника имел и митрополит Макарий (Кунцевич Г. З. Сказание о последних днях жизни митрополита Макария. СПб., 1910. С. 7).*

Нарвы Исахима Крумхаузена, говоря о торговых делах своего отца в России¹². Таким образом, есть все основания думать, что Сильвестр был духовником царя, не занимая официальной должности протопопа, как это и предполагали в свое время С. И. Смирнов и С. Б. Веселовский. Но выдающегося положения при дворе Сильвестр достиг не сразу, и решающую роль в этом сыграли известные события лета 1547 г., когда народное восстание заставило Ивана IV почувствовать, как «вниде страх в душу и трепет в кости моя». Начиная с С. М. Соловьева, историки критически подходили к ярко нарисованной Курбским картине перерождения царя под влиянием обличительной речи внезапно явившегося Сильвестра. Действительно, Курбский намеренно акцентирует внимание на проповеди Сильвестра, которая в «Истории» является зачином тенденциозного изображения деятельности «Избранной Рады». Известно, что Сильвестр отнюдь не внезапно появился в Москве и был хорошо известен царю Ивану. Но, очевидно, в критические дни июня 1547 г. испуганному царю пришлось выслушать обличение Сильвестра; по предположению С. О. Шмидта, это происходило во время посещения царем Макария в Новинском монастыре после большого пожара 21 июня¹³. Иван IV, так же как и Курбский, упоминая о «детских страшилках» (при помощи которых Сильвестр пытался воздействовать на царя), сообщает и о своем покаянии и о примирении с боярами как раз в связи с приближением Сильвестра и Адашева: «По сем же (выше описывается пожар 1547 г. и убийство Ю. В. Глинского. — *И. К.*) совета ради духовного и спасения ради души своея, приях попа Селивестра»¹⁴. Далее царь как раз и рассказывает о своем покаянии на соборе. Независимо от того, был ли один такой «собор примирения» или несколько, сам факт покаяния царя в присутствии духовных лиц предусматривал отпущение грехов кающемуся, а покаянная исповедь означала уже и выбор духовника¹⁵. Но и возрастание авторитета Сильвестра, и формирование нового правительственного курса происходили постепенно в течение 1547–1549 гг. В сохранившейся расходной книге Софийского дома помещена запись о пасхальных подарках, отправленных новгородским архиепископом Феодосием в Москву в марте 1548 г. Но

¹² *Angermann N. Studies zur Livlandpolitik Ivan Groznyjs. (Marburger Ostforschungen. Bd. 32). Marburg; Lahn, 1972. S. 34.*

¹³ *Шмидт С. О. К изучению «Истории» князя Курбского (о поучении попа Сильвестра) // Славяне и Русь. М., 1968. С. 369–370.*

¹⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 30.

¹⁵ *Смирнов С. И. Древнерусский духовник. С. 56; Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. С. 143–150.*

в списке получивших подарки (включавшем наиболее влиятельных лиц из окружения царя) фигурируют отец и сын Адашевы и отсутствует Сильвестр, что позволило уже Е. Е. Голубинскому высказать мысль, что в то время Сильвестр еще не был приближен к царю¹⁶.

Прямое отношение к вопросу о политической деятельности Сильвестра имеет и не решенный еще вопрос о том, что следует понимать под термином Курбского «Избранная Рада». В современной литературе под «Избранной Радой» понимается и царская Ближняя дума¹⁷, и публицистический миф, вышедший из-под пера Курбского¹⁸, и неофициальный кружок друзей царя Ивана¹⁹. Специальному анализу этого вопроса посвящена диссертация американского историка А. Гробовского, в которой автор на основании тщательного исследования историографии вопроса и терминологии Курбского пришел к следующему выводу: «Избранная Рада» вообще не существовала как официальное или неофициальное учреждение, а однажды упоминаемое Курбским это словосочетание означало всего лишь, что царь в конце 40–50-х гг. «был окружен и пользовался советами мудрых, храбрых, отличных, благородных, добрых, совершенных, благочестивых, славных, верных, избранных людей – «Избранной Радой»²⁰. Гробовский доказывает недостаточную аргументированность отождествления С. В. Бахрушиным Ближней думы состава 1553–1554 гг. с «Избранной Радой» Курбского. По мнению автора, опалы начала 60-х гг. отнюдь не обязательно были связаны с устранением Сильвестра и Адашева, а семеро членов Ближней думы 50-х гг. (Д. Р. и В. М. Захарьины, И. В. Шереметев, И. М. Висковатый, Н. А. Фуников-Курцев, И. И. Пронский и И. Д. Бельский) оставались таковыми и в 60-х гг. XVI в.²¹ Далее исследователь признал «Избранную Раду» во главе с Сильвестром и Адашевым «историографической конструкцией», когда в трудах С. М. Соловьева и его последователей произо-

¹⁶ Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1900. Т. 2. Ч. 1. С. 770; Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI в. С. 179.

¹⁷ Бахрушин С. В. «Избранная Рада» Ивана Грозного. С. 39; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI века. М., 1960. С. 318; Скрынников П. Г. Начало опричнины. С. 75.

¹⁸ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI в. С. 156–157.

¹⁹ Vernadsky G. A History of Russia. The Tsardom of Moscow. Part I. New Haven: L., 1969. P. 36–37.

²⁰ Grobovsky A. The «Chosen Council» of Ivan IV: a Heinterpretation. Brooklyn. 1969. P. 137.

²¹ Grobovsky A. The «Chosen Council» of Ivan IV: a Heinterpretation. P. 93.

шло совмещение понятий, употреблявшихся Иваном IV и Курбским, в результате чего «партия Сильвестра и Адашева» была отождествлена с «Избранной Радой» (термин Курбского), а Адашев стал ее «начальником» (так называет его Иван IV, не употреблявший понятие «Избранная Рада»)²². К сожалению, А. Гробовский, ограничив свою работу изучением терминологии Грозного и Курбского, по существу уклонился от конкретного анализа государственной деятельности Адашева и других лиц, что было аргументированно показано в работах С. В. Бахрушина, С. О. Шмидта, А. А. Зимина, И. И. Смирнова и других исследователей. А ведь сам царь называл «начальником» якобы враждебных ему сил не только Адашева, но и Сильвестра («Яко же начальницы ваши поп Селивестр и Алексей Адашов неподобно глаголали»), и в его посланиях их имена, как правило, употребляются вместе. О выдающейся роли Адашева и Сильвестра свидетельствует и такой источник (не отмеченный в данном случае А. Гробовским, хотя и известный ему!) как Пискаревский летописец: «Да в ту же пору был поп Селивестр и правил Рускую землю с ним (А. Адашевым. – И. К.) задин и сидели вместе в избе у Благовещения»²³. Сейчас трудно установить происхождение этого уникального известия. Но независимо от того, лежали ли в его основе воспоминания некоего москвича, как предполагал М. Н. Тихомиров²⁴, или какие-то иные слухи, перед нами явно неофициальный источник, едва ли знакомый с построениями Курбского. Известие летописца свидетельствует о необычном и весьма высоком положении простого священника в качестве государственного деятеля. По мнению С. О. Шмидта, сообщение Пискаревского летописца свидетельствует о совместной деятельности Сильвестра и Адашева в Челобитенном приказе²⁵.

Доказывая, что «Избранной Рады» как особого круга лиц не существовало вовсе, Гробовский оставляет открытым и вопрос о роли Ближней думы. Подчеркивая, что многие несомненные члены Ближней думы 50-х гг. продолжили свою деятельность в 60-е гг., и, следо-

²² Grobovsky A. The «Chosen Council» of Ivan IV: a Heinterpretation. P. 120, 143.

²³ ПСРЛ. 1978. Т. 34. С. 181–182.

²⁴ Тихомиров М. Н. Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XVI – начала XVII в. С. 235–236.

²⁵ Шмидт С. О. Челобитенный приказ в середине XVI столетия // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1950. Т. 7. Вып. V. С. 445–458. С. 447. Б. А. Романов видел участие Сильвестра в формулировке статьи Судебника 1550 г., облегчавшей положение сельского священника (Романов Б. А. О полном холопе и сельском попе в Судебнике Ивана Грозного // Б. Д. Грекову ко дню 70-летия. М., 1952. С. 141.

вательно, не могли быть единомышленниками Сильвестра и Адашева, американский историк не учитывает выводов советской исторической науки о компромиссном характере правительства 50-х гг. XVI в. и того факта, что внутри этого правительства шла весьма острая борьба между различными группировками²⁶.

С. В. Бахрушин (вслед за Курбским и дореволюционными историками) смотрел на «Избранную Раду» 1553–1554 гг. как на учреждение неизменное на протяжении десяти с лишним лет и затем сразу исчезнувшее, чем и сделал свою позицию уязвимой для критики со стороны Гробовского. Историк даже как бы старался «исключить» конфликты внутри «Избранной Рады», отрицая членство в ней Захарьиных, Висковатого и Фуникова, чьи отношения с Адашевым и Сильвестром были отнюдь не близкими и чья карьера не пострадала после их опалы. Гробовский же (сам пришедший к выводу о том, что Ближняя дума не имела постоянного состава или, по крайней мере, не ограничивалась лицами, участвовавшими в заседаниях 1553–1554 гг.²⁷), наоборот, вообще отрицает существование какой-либо оформленной правительственной группировки. Конечно, Курбский в своей «Истории» старался представить 50-е гг. XVI в. периодом, когда у власти стояли только его единомышленники, но в этом мы ему доверять не обязаны. И ведь не Курбский навязал Ивану IV свои представления о характере правления в это время, а сам царь в Первом послании неоднократно подчеркивал беспрецедентное влияние группировки Адашева и Сильвестра на государственные дела²⁸. Эта группировка (или «Избранная Рада») могла и совпадать в какой-то период с составом Ближней думы, могла и отличаться от него в зависимости от изменений в ближайшем окружении Ивана IV, куда могли входить не только единомышленники Сильвестра и Адашева. Что же касается принятого А. Гробовским тезиса о невозможности для членов «Избранной Рады» продолжать карьеру после 1560 г., то не надо забывать, что в этом случае могли сыграть роль и упомянутые политических расхождения, и «проклятые грамоты», которые царь брал со сторонников опальных.

Какое же место занимал Сильвестр в окружении царя? С. В. Бахрушин предположил, что Сильвестр из-за своего духовного сана не мог входить в Ближнюю думу и стал организатором особого духовного

²⁶ *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 316; *Назаров В. Д.* Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI в. С. 87–96.

²⁷ *Grobovsky A.* The «Chosen Council» of Ivan IV: a Heinterpretation. P. 93.

²⁸ *Кобрин В. Б.* Рец. на кн.: Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI в. М., 1958 // ВИ. 1960. № 1. С. 154.

кружка («может быть освященного собора»), занимавшегося только моральным исправлением царя. Впрочем, далее С. В. Бахрушин, на основании все той же приписки и Царственной книге, указывал на борьбу между Сильвестром и Макарием на Стоглавом соборе, где Сильвестр, по его мнению, представлял правительственную программу секуляризации церковных земель. В существовании особого «кружка Сильвестра» под покровительством Старицких уверен и Р. Г. Скрынников. Эти исследователи видят в Сильвестре «нестяжателя» (или даже «лидера нестяжателей»), связанного с княжеско-боярскими кругами²⁹.

Мнение это, на наш взгляд, кажется недостаточно аргументированным. Одним из главных источников для характеристики Сильвестра традиционно выступает приписка к Царственной книге, где содержится утверждение о тесной связи Сильвестра со Старицкими и желчная, преувеличенная оценка его положения при дворе: «Бысть же сей священник Селиверст у государя в великом жаловании и в совете духовном и в думном, и бысть яко всемогий, вся его послушаху и никто не смеяше ни в чем же противитися ему ради царского жалования: указываше бо и митрополиту, и владыкам, и архимандритом, и игуменом, и чернцом, и попом, и бояром, и диаком, и приказным людем, и воеводам, и детем боярским, и всяким людем; и спроста реши, всякие дела и власти святительския и царския правяше и никто же смеяши ничтоже сотворити не по его велению, и всеми владаше обема властьюми, и святительскими и царскими, яко же царь и святитель»³⁰. Отметим пока, что в этой характеристике уживается и явное преувеличение влияния временщика, и более вероятное участие Сильвестра «в совете духовном и в думном».

Н. Е. Андреев пришел к выводу, что автором текста этой приписки был не кто иной как И. М. Висковатый, но С. А. Морозов убедительно доказал, что висковатого можно считать автором лишь первоначальной редакции рассказа о болезни Ивана IV, тогда как помещенная выше характеристика Сильвестра и его поведения во время мартовских событий 1553 г. является грубо тенденциозной вставкой редактора летописи с целью очернить Сильвестра и его советников³¹. Добавим, что в руках редактора текста, вошедшего в Царственную

²⁹ Бахрушин С. В. «Избранная Рада» Ивана Грозного. С. 34–35, 41, 52; Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 67.

³⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 524.

³¹ Андреев Н. Е. Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного // ТОДРЛ. 1962. Т. 18. С. 129–143; Морозов С. А. Летописные повести по истории России 30–70-х гг. XVI в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1978. С. 18.

книгу, явно не было конкретных фактов серьезно компрометирующих Сильвестра: в приписке при описании крестоцелования бояр и присяги В. А. Старицкого благовещенский священник появляется лишь однажды и произносит всего одну фразу («Брат вас, бояр, государю доброхотнее»), которую можно рассматривать только как косвенное «доброхотство» Старицкому князю, поскольку о каких-либо возражениях Сильвестра против присяги Дмитрию нет и речи.

Нет у редактора и сведений о практических действиях (или замыслах) Сильвестра в пользу Старицкого, хотя о намерениях других тайных сторонников удельного князя (например, Д. Ф. Палецкого) он осведомлен или, по крайней мере, приводит об этом слухи (о Д. И. Курлятеве и Н. А. Фуникове). Для усиления негативного акцента поведения Сильвестра редактор при перебелении приписки даже переименовал вложенную в его уста фразу – в новой редакции она звучит: «Он (т.е. Старицкий. – *И. К.*) государю добра хочет»³².

По предположению С. О. Шмидта, такую характеристику Сильвестра можно расценивать как сделанный много лет спустя полемический ответ царя на «Историю» Курбского, где последний особенно много места уделил Сильвестру³³.

Другим аргументом в пользу «нестяжательства» Сильвестра (принимаемого как защиту интересов реакционных княжеско-боярских кругов) служит анонимное «Послание к царю Ивану Васильевичу». В свое время И. Н. Жданов, а затем Д. Ф. Стефанович высказали мнение о том, что именно это послание (чью принадлежность перу Сильвестра еще требовалось доказать!) послужило источником некоторых царских вопросов на Стоглавом соборе. Впоследствии эта точка зрения получила широкое распространение: опираясь на выводы Жданова и Стефановича, А. А. Зимин писал, что не только 25–27-й и 29-й царские вопросы заимствованы из этого послания, но и анализ идейного содержания всех остальных вопросов «показывает несомненную близость их составителя к «нестяжателям», фактическим главой которых в середине XVI в. был Сильвестр»³⁴. Однако И. Н. Жданов и последующие исследователи принимают авторство Сильвестра как «наиболее вероятное» без должного источниковед-

³² ПСРЛ. Т. 13. С. 531.

³³ Шмидт С. О. Когда и почему редактировались Лицевые летописи Ивана Грозного // СА. 1966. № 2. С. 48.

³⁴ Жданов И. Н. Материалы для истории Стоглавого собора. С. 199–203; Стефанович Д. Ф. О Стоглаве. Его происхождение, редакции и состав. СПб., 1909. С. 50–51; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 379; Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 87.

ческого доказательства. Впрочем, обоснования принадлежности этого послания Сильвестру в данном случае несущественны, поскольку сходство между посланием и царскими вопросами касается лишь перечисления обычных церковных не порядков и несоблюдения обрядов: ложного крестоцелования, бритья бород, небрежного совершения крестного знамения и т.д. К тому же известны и другие предшествующие Стоглаву сочинения, где осуждаются буквально те же самые «неисправления»³⁵. Но важнейшие царские вопросы, которые касались неподсудности духовенства светским властям и монастырского землевладения (вопросы 15 и 16), не имеют совпадений ни с «Посланием к царю», ни с любым другим сочинением Сильвестра. Помещенное в материалах Стоглавого собора сообщение о том, что Сильвестр вместе с «иосифлянином» Германом Ленковым и троицким игуменом Серапионом Курцевым отвозил соборные постановления к бывшему митрополиту Иоасафу указывает, как отметил И. И. Смирнов, лишь на участие Сильвестра в качестве доверенного лица царя в заседаниях собора, но не на его политические взгляды.

Заслуживает внимания и более широкая постановка вопроса о «нестяжательстве» и «иосифлянстве» середины XVI в. Источники не дают оснований считать активными сторонниками секуляризации монастырских вотчин таких лиц, как старец Артемий, рязанский епископ Кассиан, новгородский архиепископ Пимен, митрополиты Варлаам, Иоасаф и Филипп Колычев, печерский игумен Корнилий, которые нередко упоминаются в исторической литературе, наряду с Сильвестром, в качестве представителей единой группировки «нестяжателей»³⁶. Исследования политики правительства начала 50-х гг. XVI в. показали, что предложенная в т.н. «дополнительных царских вопросах» 1550 г. программа реформ, несмотря на антицерковную направленность, была выгодна не только боярству (которому отнюдь не всегда была необходима ликвидация монастырских владений, т.е. уничтожение крупнейших монастырей, где вотчинники могли не только устроить свои «небесные дела», но и укрыть землю от конфискации при сохранении права выкупа³⁷), но и более широким кру-

³⁵ Заметка для истории Стоглава // *Летописи русской литературы и древности*. 1863. Т. 5. С. 137–138.

³⁶ *Курукин И. В.* Заметки о «нестяжательстве» и «иосифлянстве» // *Вопросы источниковедения и историографии истории СССР*. Дооктябрьский период. М., 1981. С. 65–69.

³⁷ Этот основной вывод статьи Г. Н. Моисеевой никем не был оспорен и опровергнут, несмотря на критику: *Моисеева Г. Н.* Об идеологии нестяжателей // *ИСССР*. 1961. № 2. С. 96; *Иванов А. И.* Максим Грек и итальянское Возрождение // *ВВ*. 1973. Т. 35. С. 124.

гам класса феодалов и, в значительной степени, благоприятна для торговых и посадских людей³⁸. Но связывать начало реформ 50-х гг. с деятельностью какой-либо «нестяжательской» группировки довольно трудно. Предстоит еще исследовать вопрос, насколько «нестяжательские» проблемы интересовали духовенство, т.к. далеко не все из русских монастырей того времени обладали значительными земельными фондами, пригодными для секуляризации. А такие обители, как Кирилло-Белозерский, Соловецкий, Александро-Свирский монастыри вряд ли можно называть «цитаделями нестяжательства», поскольку они в отношении хозяйственной практики не отличались от прочих «стяжательных» монастырей³⁹. Работа Стоглавого собора показала, что весьма острой проблемой для церкви было даже простое соблюдение элементарных монастырских правил: «безчиние» и неравенство среди братии было вопиющим.

Перечисленные выше деятели, как правило, считаются «нестяжателями» на основании их известных столкновений с Василием III и Иваном IV, т.к. традиционная точка зрения на «нестяжателей» как сторонников княжеско-боярской знати предполагает их борьбу против вмешательства государства в дела церкви⁴⁰. Деятельность этих лиц (и Сильвестра в том числе) действительно сталкивалась в ряде случаев с интересами правительственной политики (и лично монарха), но делать отсюда вывод о принадлежности их к *единой группировке* «нестяжателей» было бы рискованно. Н. А. Казакова и Н. В. Сеницына в своих работах показали, что «нестяжатели» и «нестяжательство» – понятия историографические и в XVI в. не употреблялись (за исключением сочинений Зиновия Отенского), а многочисленные упоминания «нестяжания» и «нестяжательного жития» в житийной литературе и публицистике требуют расшифровки в каждом конкретном случае и без этого не могут дать представления о взглядах интересующих нас

³⁸ *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 340; *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. С. 29.

³⁹ *Ивановский Я.* Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь. СПб., 1882. С. 15–17; *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. М., 1966. С. 167–168; *Борисов А. М.* Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1966. С. 61–71.

⁴⁰ *Сахаров А. М., Муравьев А. В.* Очерки русской культуры IX–XVII вв. С. 208; *Зимин А. А. И.* Пересветов и его современники. С. 62–64; *История СССР с древнейших времен.* М., 1966. Т. 2. С. 190; *Церковь в истории России.* М., 1967. С. 98.

лиц и группировок⁴¹. Что же касается «иосифлян», то в XVI в. термин этот применялся лишь к постриженникам Иосифо-Волоколамского монастыря, независимо от оценки их политической деятельности⁴².

Освоенный Иосифом Волоцким монастырь в XVI в. занял привилегированное положение среди других обитателей, став основным поставщиком кандидатов на должности высших церковных иерархов и настоятелей монастырей. Подобное «наступление» не могло не вызвать оппозиции, тем более, что Иосифов монастырь был сравнительно «молодым» и в «Лестнице соборных властей», регулировавшей местнические отношения епископов и игуменов крупнейших монастырей, занимал отнюдь не первое место. Нам немного известно о соперничестве крупных духовных корпораций в XVI в., но, думается, что сводить различные по характеру споры в среде правящего класса лишь к разногласиям между сторонниками «иосифлян» и «нестяжателей» было бы упрощенным решением. Тем более, что под именем «нестяжателей» нередко объединяются весьма далекие друг от друга фигуры, причем основанием для этого служит и «боярское происхождение», и осуждение несправедливого «стяжания» (в любой форме), и всякое проявление политической оппозиции самодержавию⁴³. Характерно, что и сами исследователи не видят в середине XVI в. принципиальных различий в политических установках и действиях «нестяжателей» и «иосифлян»⁴⁴. А. А. Зимин и А. М. Сахаров отмечали в сочинениях Сильвестра и «нестяжательские» и «иосифлянские» тенденции, а Р. Г. Скрынников допускал даже переход Сильвестра из «нестяжателей» в «иосифляне». Во всяком случае, нам кажется необоснованным объяснять политическое влияние Сильвестра его связями с какой-либо «нестяжательской» партией (содержание и эволюция этого течения еще требует особого исследования)⁴⁵. Тем более нет оснований представлять Сильвестра (в духе негативной характеристики его деятельности, помещенной в Царственной

⁴¹ Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли. Л., 1970. С. 13; Синецкина Н. В. Максим Грек в России. С. 108–109.

⁴² Курукин И. В. Заметки о «нестяжательстве» и «иосифлянстве». С. 70.

⁴³ Там же. С. 72–73.

⁴⁴ Шмидт С. О. О послании Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь. (Постановка вопроса) // ТОДРЛ. 1969. Т. 24. С. 163–180. С. 165.

⁴⁵ Аргументами Р. Г. Скрынникова о принадлежности Сильвестра к «нестяжателям» – союзникам В. А. Старицкого – служит ссылка на упоминавшуюся выше приписку и указание на то, что Вассиан Патрикеев был двоюродным племянником кн. В. Ф. Хованского, от которого вела свой род мать Старицкого, Ефросинья: Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 87.

книге) негласным руководителем Освященного собора, оттеснившим на задний план митрополита Макария. Курбский же, на наш взгляд, говорит не о двух кружках (Освященном соборе и «Избранной Раде»), а о различии в деятельности Адашева и Сильвестра, который, как духовник, гораздо больше должен был заниматься моральным исправлением царя. По представлениям людей того времени, духовник не только принимал исповедь и отпускал грехи кающемуся, но и являлся высшим авторитетом в вопросах морали и важнейшим советчиком в мирских делах⁴⁶. Поэтому неудивительно, что достаточно искусственный наставник мог вполне заставить считаться с собой юного царя, у которого на долгие годы остались живые воспоминания о поучениях Сильвестра, касавшихся не только царской совести, но и гораздо более широкого круга вопросов. О влиянии Сильвестра на государственные дела свидетельствует и его послание к наместнику в только что завоеванной Казани князю А. Б. Горбатову. Сильвестр написал его в ответ на «писание» Горбатого, который не только извещал царского духовника о своем «телесном здравии», но и просил у него совета. В том же послании Сильвестр сообщает Горбатову о своем знакомстве с его отписками из Казани о положении дел в крае⁴⁷. За помощью к Сильвестру обращался и знаменитый Максим Грек: афонский монах называл Сильвестра своим «благодетелем» и просил его оказать помощь детям «покойника Никиты Борисовича»⁴⁸. Вскоре после сближения с царем Сильвестр становится во главе работ по восстановлению убранства кремлевских соборов, пострадавших после пожара 1547 г. – о чем он сам рассказал в «жалобнице» Освященному собору, отвечая на обвинения дьяка И. М. Висковатого. Из этого же документа видно, что Сильвестр в тот период часто общался с царем и пользовался его полным доверием. Именно Сильвестр по поручению Ивана IV «экзаменовал» Артемия, когда решался вопрос о назначении того игуменом Троице-Сергиева монастыря⁴⁹. И сам царь в Первом послании Курбскому упрекал Сильвестра вместе с

⁴⁶ Смирнов С. И. Древнерусский духовник. С. 82, 97, 133.

⁴⁷ Голохвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. С. 88.

⁴⁸ Там же. С. 31–32. Сочинения преподобного Максима Грека. Т. II. С. 379–381. В. С. Иконников и А. И. Иванов видели в этой фигуре кн. Н. Б. Ростовско-Приимкова (Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969. С. 168), но он упоминается в разрядах и много позже смерти М. Грека. Видимо, последний имел в виду детей Н. Б. Хлызнева-Колычева, погибшего в 1552 г. под Казанью (Зимин А. А. Колычевы и русское боярство // АЕ за 1963 г. 1964. С. 60).

⁴⁹ Московские соборы на еретиков XVI в. // ЧОИДР. 1847. Кн. 3. Отд. II. С. 18–19.

Адашевым в том, что они «вместо духовных, мирская нача советовать», хотя его обвинения в раздаче вотчин и «отнятии прародительской власти» не вполне понятны до сих пор. Судя по «жалобнице», положение Сильвестра не претерпело никаких изменений и после кризиса, вызванного болезнью царя и спорами о присяге «пеленочнику» Дмитрию. Как уже было сказано, даже автор интерполяции в Царственной книге не мог найти никаких конкретных фактов его измены и желания возвести на престол В. А. Старицкого. Характерно, что в той же приписке умалчивается о действиях митрополита – он вообще не упоминается среди лиц, решавших вопрос о престолонаследии. Видимо, занятая Макарием в то время позиция никак не давала возможности поставить его в ряд сторонников Дмитрия⁵⁰. Мы не располагаем надежными источниками о деятельности Сильвестра после 1553–1554 г., но есть все основания полагать, что он до конца 50-х гг. сохранил свое влияние, о котором писал Иван IV, повествуя о борьбе с советниками по поводу Ливонской войны.

Об имущественном положении Сильвестра дают представление вкладные книги Кирилло-Белозерского монастыря. В 1874 г. Леонид опубликовал запись из одной монастырской книги⁵¹. Сейчас нам известны 5 вкладных книг. Две из них, датируемые второй половиной XVI в., содержат почти одинаковую запись о нескольких вкладах Сильвестра, сделанных на протяжении ряда лет: «Благовещенский священник Селивестр вкладу дал пуд ладану, пол два пуда сандалу, пуд брынцу, 15 гривенок перцу, колокол 8 пуд, да старые колоколы зазвонные перелил, прибавил своей меди 4 пуда; и доколе Селивестр жив, ино за него Бога молить и за его дети, а Бог пошлет по Селивестрову душу, ино его написати в сенаники. Да Селивестр же прислал со Никодимом в монастырь 2 стопы бумаги, 10 гривенок ладану, 10 гривенок перцу, пуд брынцу. Да Селивестр же дал пуд ладану, да преж того прислал с Ысаею да с Ыгнатием полпуда ладану, да полпуда брынцу, да 3 стопы бумаги, да ларь стекло»⁵². В двух других книгах первой половины XVII в., помимо приведенной записи, содержится известие о посмертном вкладе по Сильвестре и его сыне Анфиме их «прикащиков» с условием поминать обоих в Афанасьевском монастыре – московском подворье Кирилло-Белозерского монастыря. Те же сведения записаны и в самой поздней вкладной книге конца XVII в.⁵³

⁵⁰ Смирнов И. И. Очерки политической истории русского государства 30–50-х гг. XVI в. С. 277.

⁵¹ Ныне: ОР РНБ. Кир.-Бел. № 78/1317. Л. 105–106об.

⁵² ОР РНБ. Соф. № 1152. Л. 95–95об.; ОР РНБ. Кир.-Бел. № 95/1332. Л. 76–76об.

⁵³ ОР РНБ. Кир.-Бел. № 78/1317. Л. 105–106об.; Архив ЛОИИ. Колл. 115. № 1074. Л. 103–104, 121; ОР РНБ. Кир.-Бел. № 87/1325. Л. 557–55об.

Еще в 1545/1546 г. Сильвестр дал вкладом Октоих в Александро-Свирский монастырь, который, судя по записям в монастырском синодике, весьма почитался новгородцами – ремесленниками и торговыми людьми. Но это был не единственный его вклад, поскольку имя бывшего благовещенского священника «священноинока Спиридона» внесено в тот же синодик⁵⁴.

Записи монастырских вкладных книг представляют Сильвестра достаточно состоятельным человеком, способным дать значительный вклад даже для такого аристократического монастыря, как Кирилло-Белозерский. Его вклады по стоимости равны пожертвованиям многих бояр и кремлевского духовенства (почти во всех книгах рядом со вкладами Сильвестра перечисляются даяния других священников кремлевских соборов). Сильвестр имел возможность изготовить на свои деньги и пожертвовать в монастырь колокол, слитый по его заказу знаменитым псковским мастером Михаилом Андреевым⁵⁵. Характерно, что Сильвестр присылал в монастырь не деньги и «рухлядь», обычные для многих вкладчиков, а ценные и довольно редкие товары (перец, стекло, ладан, рис). Товары эти, видимо, входили в круг торговых операций Сильвестра и его сына. Сын Сильвестра, Анфим, унаследовал от отца его обширные торговые связи – в духовной грамоте кн. Ю. А. Меньшого-Оболенского он упоминается как крупный поставщик тканей⁵⁶. Вместе с Хозяином Юрьевичем Тютиным Анфим поддерживал деловые отношения с торговыми людьми Вильно, которым в 1554 г. компаньоны предъявили иск на 1210 руб.⁵⁷ Подобно другим представителям городской верхушки, традиционно связанным с ведомством казначея, Анфим Селивестров выдвинулся на государственной службе и стал к началу 1550 г. «большим дяком» в этом ведомстве, а его компаньон Х. Ю. Тютин и 1555 г. занял

⁵⁴ БАН. Собр. Александро-Свирского монастыря. № 55. Л. 179. Возможно, монастырь почитали и родственники Сильвестра: в тот же синодик вписан род дякона Сильвестра, где упоминаются «инок Спиридон и Анфим» (Там же. Л. 158об.).

⁵⁵ *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до II четверти XVII в. СПб., 1897. Т. I. Вып. I. С. 174; *Богусевич В. А.* Литейный мастер Михаил Андреев // Новгородский исторический сборник. Л., 1937. Вып. 2. С. 83–104. С. 90. Подобный же вклад дал в монастырь и такой вельможа, как кн. П. И. Шуйский (*Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до II четверти XVII в. С. 181).

⁵⁶ *Зимин А. А.* И. Пересветов и его современники. С. 44.

⁵⁷ В 1550/1551 г. Анфим выступает послухом в меновой грамоте Х. Ю. Тютина. По обоснованному мнению А. А. Зимина, совместные операции Анфима и Тютина начались не позднее 1549 г. (*Зимин А. А.* И. Пересветов и его современники. С. 43. *Он же.* Реформы Ивана Грозного. С. 157).

пост второго казначея⁵⁸. Какие-то дела были у Сильвестра и Анфима с бургомистром ливонского города Нарвы Иоахимом Крумхаузенем. В 1558 г., после взятия Нарвы русскими войсками сыновья этого купца, отвечая на обвинения их отца в предательстве в пользу русских, составили пространный документ, в котором указали, что задолго до начала войны их отец исхлопотал при помощи царского духовника какие-то привилегии для своих торговых операций в России⁵⁹. В мае 1558 г. сам И. Крумхаузен через купца Ханса Барндса сообщил городскому совету Ревеля, что по сведениям, полученным в Москве от Анфима, мира с Ливонией сохранить не удастся⁶⁰.

События, связанные с началом Ливонской войны, имеют для нас особый интерес: согласно историографической традиции, во многом опиравшейся на сочинения Курбского и Грозного, Сильвестр и Адашев, как вожди «боярской партии», выступали за войну с Крымским ханством и Турцией, т.е. отстаивали неосуществимый в тех условиях план; царь же, опираясь на поддержку дворянства и купечества, предлагал более реалистичный вариант внешней политики – войну с Ливонией. Эта концепция возобладала в дореволюционной историографии и оказала значительное влияние на работы историков последующего времени⁶¹. В частности, в работах С. В. Бахрушина и А. А. Зимина расхождения по вопросам внешней политики между царем и его советниками представлены как основная причина распада правительства компромисса и опалы Сильвестра и Адашева. Но концепция эта встретила и весьма обоснованные возражения. Исследования С. О. Шмидта и И. П. Шаскольского показали, что деятельность русского правительства была направлена на разрешение

⁵⁸ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М.; Л., 1950. С. 116; *Сыроечковский В. Е.* Гости-сuroжане // Известия ГАИМК. 1935. Вып. 127. С. 87–89; *Шмидт С. О.* О дьячестве в России середины XVI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 187. К 1556 г. Анфим сумел получить из владений Троице-Сергиева монастыря двор в Китай-город (АИ. Т. 1. С. 314). Х. Ю. Тютин упоминается как казначей с 1555 г. (*Буганов В. И.* Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 152; Сборник РИО. 1887. Т. 59. С. 468).

⁵⁹ *Angermann N.* Studies zur Livlandpolitik Ivan Groznyjs. S. 85–86. Эти же сведения содержатся и в отрывке, опубликованном под названием «Переговоры с царем Иваном Васильевичем IV» в книге историка г. Нарвы Г. Хансена (*Hansen H.* Ergangende Nachrichten sur Geschichte der Stadt Narva vom Jahre 1558. Narva, 1864. S. 11).

⁶⁰ Эти сведения находятся в инструкции городского совета Ревеля посланцам к магистру Ливонского ордена (*Angermann N.* Studies zur Livlandpolitik Ivan Groznyjs. S. 86).

⁶¹ *Vinnep P. Ю.* Иван Грозный. М.; Л., 1944. С. 43–45; *Королюк В. Д.* Ливонская война. М., 1954. С. 28; *Сахаров А. М.* Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. М., 1969. С. 102–103.

конфликта с Ливонией мирным путем, как это предпринималось и в отношении Казани до 1552 г.; выявили роль такой крупной политической фигуры, как А. Ф. Адашев, в подготовке дипломатического наступления на Ливонский орден и поставили вопрос о неправомерности противопоставления боярства дворянству при изучении выработки внешнеполитического курса правительства в 50–60-х гг. XVI в. Несостоятельность теории о борьбе двух направлений во внешней политике, базирующихся на различных социальных силах, показали и работы Е. Н. Кушевой и Б. Н. Флори о внешнеполитических планах русского правительства в отношении Крымского ханства⁶².

С другой стороны, в зарубежной историографии нередко встречается утверждение о том, что война в Ливонии была вызвана не столько экономическими интересами России, сколько стремлением Ивана IV к захвату новых территорий. Противник же царя в этом споре – Сильвестр и Адашев – выступали против войны скорее из религиозных побуждений, не желая воевать с «христианами»⁶³.

В работах А. А. Зимина и Р. Г. Скрынникова одним из главных аргументов в пользу точки зрения о сопротивлении руководителей «Избранной Рады» войне в Ливонии выступает утверждение о разногласиях Адашева со сторонником «военной партии» Висковатым и о срыве последним мирных переговоров с ливонскими послами в декабре 1557 г. Оба исследователя опирались в своих построениях на т.н. «Дневник» участника посольства Томаса Хорнера, опубликованный А. А. Чумиковым в 1886 г., и на выводы шведского историка С. Свенссона, изучавшего тот же «дневник»⁶⁴. Но на русский язык была переведена из второго тома публикации известного прибалтий-

⁶² Шмидт С. О. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева // УЗ МГУ. 1954. Вып. 167. С. 53; *Он же*. Вопросы истории России XVI в. в новой исторической литературе // Советская историческая наука от XX к XXII съезду. М., 1962. Ч. 1. С. 131–132; Шаскольский И. П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 376–398; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963. С. 186–219; Флоря Б. Н. Проект антитурецкой коалиции середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XVI–XVIII вв. М., 1979. С. 71–86; Лигу Х. М. Рец. на кн.: Rasmussen K. Die Idvlandische Krise 1554–1561. Kobenhavn, 1973 // Скандинавский сборник. 1975. Т. 20. С. 217.

⁶³ Круус Х. Х. «Балтийский вопрос» в XVI в. в зарубежной исторической литературе // ВИ. 1959. № 6. С. 108–119; *Norrenstrandens B.* The Shaping of Czardom under Ivan Groznyj. Copenhagen, 1964. P. 168–169; *Angermann N.* Studies zur Livlandpolitik Ivan Groznyjs. S. 21.

⁶⁴ Круус Х. Х. Рец. на кн.: Svensson S. Den merkentila backgrunden till Russlands onfall pa den Livlandska ordensstaten 1558. Lund, 1951 // ВИ. 1958. № 1. С. 181; *Зимин А. А.* И. Пересветов и его современники. С. 472; *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 131.

ского археографа К. Ширрена только первая часть документа, вторая обрывается тем, что послы, не получив ответа на свое последнее предложение, получили от русских властей указание уезжать⁶⁵. Вторая половина «Дневника» (из первого тома той же публикации) осталась неизвестной А. А. Зимину и Р. Г. Скрынникову. Из этой части документа следует, что послы добились урегулирования конфликта и соглашения о сумме т.н. «ливонской дани», которую по договору Ордену надлежало выплатить России. Только отсутствие у ливонцев денег для ее уплаты и вызвало их отъезд. На обратном пути по инициативе русской стороны переговоры были продолжены через пристава посольства: ливонцам было предложено отдать в залог свои драгоценности и оставаться в Москве до присылки дани. Но колебания послов привели к тому, что в Москве отказались идти на дальнейшие уступки, и послы уехали ни с чем⁶⁶.

Хотя С. Свенссону были известны обе части «дневника», но он, видимо, принял выступления Адашева и Висковатого перед послами (согласно «Дневнику», в то время, как Висковатый отказался от предложенной послами суммы дани и рекомендовал им отправляться обратно, Адашев посоветовал увеличить сумму) за принципиальное различие их позиций. Подобные приемы, так же как и организация «самостоятельных» выступлений со стороны посольских приставов, часто использовались в русской дипломатической практике того времени и не могут свидетельствовать о разногласиях между различными группировками в подходе и переговорам. В дальнейшем Адашев и Висковатый летом 1558 г. вели переговоры с новым ливонским посольством и, как свидетельствуют материалы этого посольства (сохранившийся только в переводе на немецкий язык «ответ» Адашева и Висковатого послам и их донесение о переговорах), совместно сформулировали новые условия мирного договора, ставившие Орден в положение вассального государства⁶⁷. Позднее Иван IV упрекал своих бывших советников – Сильвестра и Адашева – в заключении перемирия с Ливонией в 1559 г. «лукавого ради напоминания датцкого короля», и факт этот нередко рассматривался в литературе как свидетельство

⁶⁵ *Чумиков А. А.* Дневник ливонских послов к царю Ивану Васильевичу // ЧОИДР. 1886. Кн. 4. Смес. С. 5–18; *Schirren C.* Quellen sur Geschichte des untergange Livlandischer Selbständigkeit // Reval. 1862. Bd. II. S. 4–26.

⁶⁶ *Ibid.* Bd. I. S. 20–33.

⁶⁷ *Курукин И. В.* К изучению источников о начале Ливонской войны и деятельности правительства Сильвестра и Адашева // Исследования по источниковедению и специальным историческим дисциплинам. Период феодализма. М., 1981. С. 38–39.

стремления правительства Сильвестра и Адашева прекратить войну в Прибалтике, чтобы начать активные действия на юге. Но из содержания русско-датских переговоров в апреле 1559 г. следует, что основной целью датской короны было не перемирие, а стремление не упустить благоприятный момент для осуществления своих планов в Ливонии: послы просили перемирия прежде всего для тех областей, на которые претендовала Дания («княжество Эстониен и земля Гериен и Вирлант з бискупством, державою и градом Колыванем»), а потом уже для всей остальной Ливонии, ссылаясь на соответствующие полномочия со стороны ливонских властей⁶⁸. Адашев и Висковатый отвергли притязания датчан, а условием перемирия поставили прибытие магистра Ордена и епископов для заключения нового договора. В конце концов, после уверений датских послов в скором прибытии ливонцев, русская сторона согласилась на перемирие при условии приезда магистра или его послов для заключения мира «как нашему жалованью во всех делех над ними пригоже бытии»⁶⁹. Надо сказать, что сами датские послы в письме к своему королю указывали, что перемирие выгодно царю из-за ожидаемых крымских набегов (действительно, весной и летом 1559 г. в Москве готовились к возможному нападению хана на «украины»)⁷⁰. Но ливонские власти и на этот раз не пошли на соглашение с Россией. В том же 1559 г. Сигизмунд II Август принял Орден в свою «клиентелу и протекцию», назревала опасность конфликта с Великим княжеством Литовским и Коронай Польской.

Некоторые исследователи уже указывали, что Адашева и Сильвестра нельзя считать принципиальными противниками борьбы за выход России к Балтийскому морю. Вряд ли мог Сильвестр и выступать против войны из благочестивых соображений. Церковью велась активная идеологическая подготовка войны: в конце 50-х – начале 60-х гг. XVI в. из окружения Макария вышла «Повесть об Исидоре Юрьевском», содержащая резкие обвинения в адрес ливонских немцев-лютеран, а царь Иван IV, так же как и Курбский, считал ливонцев «отступившими от христианской веры» и вполне заслужившими наказание⁷¹.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 53. Кн. 1. Л. 38–40; *Щербачев Ю. Н.* Русские акты Копенгагенского государственного архива // РИБ. 1897. Т. 16. С. 44–47.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 53. Кн. 1. Л. 64об. *Щербачев Ю. Н.* Русские акты Копенгагенского государственного архива. С. 107, 108.

⁷⁰ Там же. С. 137; *Буганов В. И.* Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 178–179.

⁷¹ *Рогов А. И.* «Повесть об Исидоре Юрьевском» как исторический источник и памятник русской публицистики периода Ливонской войны // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969. С. 318–321; РИБ. Т. 31. С. 228; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 13–14.

Приведенные выше документы, как кажется, также не дают оснований говорить о борьбе различных группировок при дворе в 1557–1559 гг. Лишь позднее, в условиях осложнений на театре военных действий из-за вмешательства Дании и Швеции (и пока дипломатических демаршей короля Сигизмунда II), в конце 1559 – начале 1560 г. нарастают и разногласия между Иваном IV и его ближайшими советниками по вопросу о продолжении войны. Внимательный наблюдатель – гонец императора Фердинанда Иероним Гофман – свидетельствовал о серьезных разногласиях в это время между «боярами» и царем, который велел сообщить Гофману, что «не перестанет воевать, пока не завоюет всю Ливонию»⁷². В 1560 г. следует новое наступление русских войск. В это же время происходит и существенное изменение в титуле царя: если в 1558–1559 гг. к титулу добавлялось «государь Ливонские земли града Юрьева», то отныне Иван IV именуется «государь Ливонские земли», а с 1562 г. – «государь вотчинной земли Вифляндские»⁷³.

Нам кажется, что разрыв царя со своими советниками вряд ли можно объяснить лишь принципиальными расхождениями в определении задач внешней политики (сам Иван IV в I послании Курбскому говорит об удалении Адашева и Сильвестра, как бы подводя итоги их деятельности в целом). Именно Адашев в 1557–1559 гг. разрабатывал и проводил в жизнь планы русского правительства в отношении Ливонии; неверной оказывается и утвердившаяся в литературе характеристика Сильвестра как фанатичного священника, отговаривавшего царя от войны с христианами. Скорее можно поставить вопрос о том, что деятельность Сильвестра в значительной степени отражала интересы торгово-посадских кругов.

Вообще постановка вопроса об отношении к войне различных социальных слоев и группировок внутри правящего класса заслуживает серьезного внимания. Дискриминационная политика ливонских властей по отношению к русским купцам вызывала с их стороны многочисленные жалобы и заставляла правительство учитывать их интересы. Свидетельством настроений русских торговых людей может служить наказ русскому посланнику в Швецию И. Е. Замыцкому в 1557 г.: «Гости и купцы отчин великого государя изо многих городов говорят, чтобы им в торговых делах была воля...», купцы требовали разрешения и охраны свободного проезда не только в Швецию, но и

⁷² Мадиссон Ю. К. Посольство И. Гофмана в Ливонию и Русское государство в 1559–1560 гг. // ИА. 1957. № 6. С. 139.

⁷³ Курукин И. В. К изучению источников о начале Ливонской войны и деятельности правительства Сильвестра и Адашева. С. 40–42.

в Голландию, немецкие города, Англию и даже Испанию⁷⁴. Однако добываясь выгодных условий торговли, вряд ли они были заинтересованы в продолжительных военных действиях, прерывавших налаженные торговые отношения⁷⁵. Прекращение торговых отношений было невыгодно и немецким купцам. Еще до войны определенная часть купечества Риги, Дерпта и Нарвы выступала против обострения отношений с Россией. Дерпт и Нарва имели традиционные связи с Россией, эти города и стали главной целью русских войск в кампанию 1558 г., а довольно сильная «русская партия» в Дерпте выступала за капитуляцию города на определенных условиях; позднее и власти Риги желали выяснить вопрос о возможности подчинения города Ивану IV⁷⁶. Условия этого подчинения, закрепленные в жалованных грамотах Нарве (1 мая 1558 г.) и Дерпту (6 сентября 1558 г.), были весьма благоприятными для горожан. Быстрая капитуляция этих городов и сравнительно мягкие ее условия вызвали в Ливонии даже обвинения в измене по отношению к нарвскому бургомистру И. Крумхаузену и дерптскому епископу Герману Везелю, которые пользовались расположением русских властей.

С прибалтийской торговлей было связано не только купечество: среди новгородских торговых людей, совершавших поездки в Ливонию, встречаются и представители других сословий, в том числе и священники. Даже сам новгородский архиепископ Макарий был крупным поставщиком воска в Ревель⁷⁷. Можно предположить, что Сильвестр и его сын, как и ряд русских торговых людей, были связаны с той частью немецкого купечества, которая была заинтересована в сохранении мира и устойчивых торговых отношений с Россией и даже согласна на известных условиях признать власть царя. Упомянутый Иоахим Крумхаузен («Яким Кромьш» русских летописей) возглавлял делегацию горожан на переговорах в Москве о сдаче Нарвы в апреле 1558 г.; о нем же («старейшина того града Иван») говорится в «Повести об обретении мощей новгородского епископа Никиты», где нарвский бургомистр выступает очевидцем чудесного явления Ни-

⁷⁴ Сборник РИО. 1910. Т. 129. С. 52.

⁷⁵ *Хорошкевич А. Л.* Значение экономических связей с Прибалтикой для развития северо-западных русских городов в конце XV – начале XVI в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968. С. 13–31. С. 28.

⁷⁶ *Donnert E.* Der Idfländischer Ordensritterstaat und Russland. В., 1963. С. 35–36; *Новицкий Г. А.* Новые известия из истории дипломатической борьбы во время Ливонской войны // Вестник МГУ. История. 1963. № 3. С. 37.

⁷⁷ *Дорошенко В. В.* Торговля крупного таллиннского купца в XVI в. // Известия АН ЭССР. общественные науки. 1969. Т. 18. № 4. С. 334–338.

киты на берегу реки Наровы перед самым взятием города. Позднее, в 60-х гг. XVI в., Крумхаузен жил и обучал своих детей в Москве⁷⁸.

Есть все основания полагать, что в начале 1560 г., оказавшись перед перспективой войны с Литвой и Швецией, Адашев и Сильвестр предпочли дипломатическое урегулирование конфликта дальнейшему военному наступлению на Ливонию. Царь же даже в 1564 г. был уверен, что в то время (т.е. в 1560 г.) «уже бы вся Германия была за православием» и объяснял отсутствие ожидавшихся успехов нежеланием воевод действовать активно. Несколько лет спустя в обстановке военных неудач Иван IV в полемике с Курбским объявит Адашева и Сильвестра убежденными противниками наступления на Ливонию и одновременно назовет в лице Курбского всех недовольных его политикой виновниками затянувшейся войны: «Литовская брань учинилася вашею изменою и недоброхотством и нерадением безсовестным»⁷⁹. А пока, в январе–мае 1560 г. царь трижды отправляет войска в Ливонию, и в последнем походе в качестве третьего воеводы большого полка принял участие А. Ф. Адашев: после взятия Феллина (около 30 августа 1560 г.) он по распоряжению царя остался в завоеванном городе. Сильвестр же (который в конце 1559 г. еще находился при дворе) примерно в это время постригается в Кирилло-Белозерском монастыре⁸⁰. Вообще удаление недавних советников носило вполне корректный характер: Адашев, находившийся на ответственном посту, успешно стремился путем переговоров овладеть несколькими ливонскими крепостями, а Сильвестр, как свидетельствовал сам Грозный, удалился добровольно, «по благословению» царя⁸¹.

При изучении дальнейших событий единственным источником остается «История» Курбского. В ней сообщается о созыве царем собора из «сената мирского» и «духовных всех, сиречь митрополита в градских епископов», где против Сильвестра и Адашева было выдвинуто обвинение в «очаровании» скончавшейся 7 августа 1560 г. царицы Анастасии. Согласно Курбскому, на этом «соборище», не-

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 293–294; *Никольский А. И.* Сказание об обретении честных мощей святителя Никиты новгородского чудотворца // ИОРЯС. 1905. Т. 10. Кн. 2. С. 10 (Ср.: ОР РГБ. Тр.-Серг. № 673. Л. 374); *История Эстонской ССР.* Таллин, 1961. Т. 1. С. 366.

⁷⁹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 14.

⁸⁰ *Зимин А. А. И.* Пересветов и его современники. С. 49.

⁸¹ РИБ. Т. 31. С. 264. А. Ф. Адашев рассылал грамоты в замки Каркус и Гельмет (*Biennemann F.* Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558–1562. Riga, 1873. Bd. IV. S. 199); Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 33.

смотря на протесты митрополита и самих обвиняемых, они были заочно осуждены: Адашев был сослан «под стражу» в Юрьев (Тарту), а Сильвестр отправлен в далекий Соловецкий монастырь⁸².

Рассказ этот обычно не подвергался сомнению в исторической литературе, но уже С. М. Соловьев отмечал запутанность и некоторую неясность сообщения Курбского. Действительно, сначала Курбский определенно говорит о несправедливом «отогнании» обоих советников царя. Затем, сразу после рассказа о соборе, он сообщает о ссылке Сильвестра на Соловки и Адашева в Феллин, а оттуда в Юрьев: получается, что Адашев попал в Феллин уже после осуждения и в результате его, хотя о каком-либо решении собора Курбский молчит. Лишь после всего этого говорится о *добровольном* уходе Сильвестра в монастырь еще до собора («отшол был в монастырь сто миль от Москвы лежаш»). А. А. Зимин на основании противоречий в свидетельствах источников (Курбского и Пискаревского летописца) уже отмечал, что обстоятельства ссылки Адашева неясны⁸³. Сомнение вызывает и приведенное выше сообщение Курбского о ссылке Сильвестра в Соловки. Уже Леонид отметил, что вклады Сильвестра и Анфима (в том числе и посмертный вклад их душеприказчиков) даны именно в Кириллов монастырь, там же сохранилась и их «рухлядь», а Н. Н. Розов обнаружил, что и большинство книг библиотеки Сильвестра также сохранилось среди кирилловских рукописей⁸⁴. В 1847 г. С. П. Шевырев встретил имена Сильвестра и Анфима в старом синодике Успенского собора Кириллова монастыря⁸⁵.

Пострижение Сильвестра в Кирилло-Белозерском монастыре сомнения не вызовет. Уже постригшись, Сильвестр-Спиридон оставался весьма состоятельным человеком и из Кириллова прислал в Соловки огромный вклад – 219 руб. и 66 книг⁸⁶. Но в самом Соловецком монастыре никаких следов пребывания Сильвестра не сохранилось,

⁸² РИБ. Т. 31. С. 259–265; *Зимин А. А. И. Пересветов и его современники*. С. 49; *Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины*. М., 1963. С. 104–107.

⁸³ *Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного*. С. 475.

⁸⁴ *Голохвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания*. С. 49; *Розов Н. Н. Библиотека Сильвестра*. С. 201–202.

⁸⁵ *Шевырев С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь*. М., 1850. Ч. II. С. 8. Упоминаются «священнонок Спиридон и сын ево Анфим» и в синодике монастырского села Кукобоя (ОР РНБ. Кир.-Бел. № 757/1014. Л. 31).

⁸⁶ Одинаковые записи об этом вкладе содержатся в трех вкладных книгах (Архив ЛОИИ. Колл. 2. № 125. Л. 28об.; № 152. Л. 178; ГММК. Отдел рукописных, печатных и графических материалов, № 40500. Л. 132). За столь богатый вклад монастырские власти учредили ежегодный корм 10 октября «по старце Спиридоне, да по сыне ево Анфиме» (Архив ЛОИИ. Колл. 2. № 147. Л. 6об.).

нет его имени и в известных нам Соловецких синодиках⁸⁷. Встречающиеся иногда в литературе указания на дружеские отношения Сильвестра со знаменитым соловецким игуменом Филиппом Колычевым также ни на чем не основаны⁸⁸.

Нам кажется, что известия Курбского об опале Сильвестра и Адашева требуют весьма осторожного подхода. Обвинения Сильвестра и Адашева в «очаровании» царицы были, согласно Курбскому, подготовлены враждебной им группировкой во главе с «шурьями» царя Захарьиными, и момент для них был выбран удачно: смерти царицы предшествовал страшный пожар в Москве и татарский набег⁸⁹.

Созыв собора можно отнести по времени не позднее сентября–октября 1560 г., поскольку обмен всех вотчин Адашева на земли в Бежецкой пятине состоялся как раз в это время⁹⁰. Организаторы собора позаботились и о самом обвинении (ведь отравление Василия III было официальной причиной расправы над М. Л. Глинским в 1534 г.) и о лжесвидетелях – в качестве «извещающих и клеветующих ложное на святых» были приглашены два монаха, Вассиан и Мисаил Сукин, которых Курбский выделяет особо⁹¹. Далее Курбский говорит о сопротивлении заочному осуждению со стороны Макария и «всем ему добрым согласующим», но ничего не сообщает о конкретном приговоре собора. Но, если бывшие советники были официально признаны виновниками гибели царицы, то как мог Адашев получить, хотя и незначительное, назначение на должность «нарядчика» в Юрьеве (согласно версии Пискаревского летописца), а Сильвестр – отделаться ссылкой? И версия Курбского о содержании Адашева под стражей в Юрьеве, и версия Пискаревского летописца о готовящемся убий-

⁸⁷ Старые синодики Соловецкого монастыря // Архангельские епархиальные ведомости. 1901. № 6. С. 167–183; ГИМ. Епарх. № 944, 950, 951; Музей истории религии и атеизма. Колл. 3. Оп. 1. № 387, 409; Приклонский А. Соловецкий монастырь. Исторический очерк // Материалы Соловецкого отделения Архангельского общества краеведения, 1926. Вып. 1. С. 22.

⁸⁸ Леонид. Жизнь Филиппа, митрополита московского и всяя России. М., 1861. С. 61; Фруменков Г. Г. Узники Соловецкого монастыря. Архангельск, 1979. С. 44. Мнение Н. М. Карамзина, на которого ссылаются эти авторы, является простым предположением (Карамзин Н. М. История государства Российскаго. СПб., 1821. Т. 9. С. 94).

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 327–328; Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. С. 209.

⁹⁰ Корецкий В. И. О земельных владениях Адашевых // ИА. 1962. № 6. С. 120.

⁹¹ Мисаил Сукин – родной брат известного дьяка Б. И. Сукина и казначая Ф. И. Сукина, умер в 1562/1563 г. (Леонид. Махрицкий монастырь. Синодик и вкладная книга. М., 1878. С. 9).

стве бывшего правителя скорее говорят о том, что царь не знал как поступить с ним, чем об исполнении соборного постановления. Кроме того, осуждение, тем более заочное, собственного духовника не могло состояться без обязательной санкции высшей духовной власти (хотя даже она не могла вторгаться в отношения духовника со своими духовными детьми) и соответствующего определения собора. А столь тяжкая вина подсудимого (колдовство!) должна была караться по меньшей мере лишением сана, о чем нам ничего не известно.

Еще С. Б. Веселовский предполагал, что до обвинения в колдовстве на соборе дело не дошло. Нам же представляется, что собор, несмотря на активность враждебной Сильвестру и Адашеву группировки, так и не выработал единого решения (недаром об этом соборе не сохранилось никаких известий; не упоминает его и сам Иван IV), и репрессии по отношению к подсудимым не опирались на его авторитет. Курбский же, противопоставляя безупречное поведение «святых» Сильвестра и Адашева поступкам царя с «опровергнутой христианской душой» и явно имея в виду аналогию с собором заочно осудившем Иоанна Златоуста (его послание по поводу этого осуждения Курбский цитирует⁹²), изобразил бывших советников царя жертвами гонений такого же незаконного «соборища». В этом случае понятно стремление автора «Истории о великом князе Московском» не выставлять на первый план *добровольный* уход Сильвестра, а *назначение* Адашева в Феллин представить как результат собора – эти известия не совсем подходили бы к жизнеописаниям «мучеников» и «святых мужей».

Что же касается описанной Курбским ссылки Сильвестра на Белое море, то сам Иван IV подчеркивал в Первом послании к Курбскому, что не причинил зла ни Сильвестру, собираясь судиться с ним «в будущем веце», ни его сыну, который был только лишен возможности быть при дворе⁹³. В данном случае мы можем проверить это известие: Анфим Селивестров уже 21 января 1561 г. упоминается на службе в Смоленске вместе с новым наместником Д. И. Курлятевым (еще в сентябре 1560 г. наместником был И. П. Федоров). В качестве смоленского дьяка Анфим последний раз упоминается 7 мая 1566 г., а в июле того же года присутствует на Земском соборе⁹⁴. С тех пор имя

⁹² Зимин А. А. И. Пересветов и его современники. С. 50; Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. С. 210. Златоуст был дважды заочно осужден, отлучен от церкви и сослан (Тьерри А. Св. Иоанн Златоуст и императрица Евдокия. М., 1884. С. 166–168, 231).

⁹³ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 33.

⁹⁴ Зимин А. А. И. Пересветов и его современники. С. 50; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 467.

его не упоминается в официальных документах, а в ноябре–декабре 1568 г. В расходной книге Кирилло-Белозерского монастыря появляется запись: «Царь государь, князь великий велел дати по Анфиме по Селивестрове 30 рублей»⁹⁵. Вероятно, к этому времени уже не было в живых и самого Сильвестра: посмертный вклад по Сильвестру и Анфиму в Кирилло-Белозерский монастырь сделан одновременно, а в одной из вкладных книг (Архив ЛОИИ. Колл. 115. № 1074. Л. 112) предыдущая запись перед этим вкладом датирована 7077 г. (1568/1569 г.). На основании приведенных выше сведений можно предположить, что Сильвестр все-таки остался в Кириллове или, по мнению Леонида, вернулся и умер там после непродолжительного пребывания на Соловках⁹⁶. Во всяком случае, утверждения об аресте и пытках Сильвестра ни на какие источники не опираются⁹⁷.

«Дух Сильвестров» и много лет спустя не давал покоя Грозному – его имя постоянно встречается в переписке с Курбским; вспоминал царь своего наставника и в послании монахам Кирилло-Белозерского монастыря. Злобная характеристика Сильвестра вносится в качестве приписки к Царственной книге, но, незадолго до смерти, посылая в 1583/1584 г. в Кириллов очередной вклад «по опальным», царь все же счел нужным дать по Сильвестре скромную сумму в 25 рублей и 25 алтын⁹⁸.

Анализ сохранившихся материалов о Сильвестре показывает, что распространенные в литературе и нередко противоречивые оценки политической роли царского советника опирались в основном на весьма тенденциозные источники и не учитывали других немаловажных свидетельств о его деятельности. Оказалось возможным не только уточнить некоторые моменты его биографии, но и по-иному

⁹⁵ *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до II четверти XVII в. СПб., 1897. Т. I. Вып. 2. Прил. 4. С. XXVII. Имена коллеги Анфима по службе в Смоленске Истома Кузьмина и казначая Х. Ю. Тютина внесены в Синодик опальных Ивана IV, но самого Анфима там нет (*Скрынников Р. Г.* Опричный террор. С. 267–268).

⁹⁶ *Иаков.* Извлечения из архивных дел и книг Кириллова Белозерского монастыря // Древности. Труды МАО. М., 1880. Т. 8. С. 142. Правда, М. А. Колчин упоминает о предании, согласно которому Сильвестр похоронен в Соловках рядом с Преображенским собором, но на чем оно основано – неизвестно (*Колчин М. А.* Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX столетиях. М., 1908. С. 53). В литературе о Соловецком монастыре никаких сведений об этом предании нет.

⁹⁷ *Рождественская Л. А.* Новгородский кремль. Путеводитель. Л., 1980. С. 87.

⁹⁸ *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до II четверти XVII в. Т. I. Вып. 2. С. 166.

оценить эту интересную фигуру – ортодоксального проповедника, строгого духовника царя и одновременно – предприимчиваого купца, поддерживавшего деловые связи с иноземцами, и влиятельного государственного деятеля, сторонника курса правительства компромисса 50-х гг. XVI в. В связи с этим требует пересмотра традиционная точка зрения о близости Сильвестра к оппозиционным политике централизации кругам во главе со Старицкими и «нестяжателями».

Наконец, привлечение не только отечественных, но и ливонских источников не подтверждает распространенные в литературе представления о сопротивлении правительства Сильвестра и Адашева планам укрепления России в Прибалтике во имя недальновидных стремлений княжеско-боярской знати к войне с Крымским ханством. Поставленные вопросы требуют особого внимания ввиду неразработанности их в современной советской историографии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем разделе мы попытаемся подвести некоторые итоги деятельности Сильвестра – одного из руководителей «Избранной Рады» и весьма заметной фигуры в общественно-политической жизни Российского государства середины XVI в. Нам хотелось показать, что распространенные в историографии противоречивые оценки роли и политических взглядов Сильвестра во многом опирались лишь на такие тенденциозные источники, как сочинения Ивана Грозного, Курбского и приписки к Лицевой летописи, и в значительной степени зависели от принятой исследователем точки зрения на характер и значение царствования Ивана IV. Поэтому в дореволюционной дворянской и клерикальной историографии Сильвестр, как правило, изображался в качестве благотворного для страны образца сотрудничества светской власти с церковью, а буржуазные историки видели в нем прежде всего представителя «нестяжателей», выражавших стремления враждебных государственной централизации княжеско-боярских кругов. Нет единства в оценке политических взглядов Сильвестра и в советской историографии, что в немалой степени объясняется как существующей историографической традицией, так и отсутствием комплексного анализа всех относящихся к его деятельности источников.

Изучение вкладных книг и синодиков Кирилло-Белозерского, Александро-Свирского и Соловецкого монастырей позволило получить интересные сведения об имущественном положении Сильвестра и уточнить некоторые моменты его биографии. Но особое внимание в работе было уделено сочинениям Сильвестра – трем его посланиям и Житию княгини Ольги – важному историко-публицистическому памятнику, не привлекавшему ранее внимания историков. Изучение этих произведений помогло не только добавить дополнительные аргументы в пользу принадлежности их перу Силь-

вестра, но и охарактеризовать общественно-политические взгляды их автора, вызывавшие противоположные оценки со стороны историков. Послания Сильвестра (так же как и известие Пискаревского летописца и материалы т.н. «Дела Висковатого») не дают оснований для утверждений о его связях с «нестяжателями» и оппозиционными Ивану IV кругами во главе со Старицкими. Единственный источник, который прямо указывал на близость Сильвестра к удельному князю В. А. Старицкому – его характеристику в приписке к т.н. Царственной книге – можно рассматривать как весьма тенденциозную вставку в текст рассказа о «мятеже» 1553 г. с целью очернить Сильвестра и его «советников».

Следует отметить, что источники не подтверждают и традиционную точку зрения о значительной роли борьбы «нестяжателей» (которые в большинстве работ характеризуются как выразители интересов противников централизации) и «иносифлян» в политических событиях XVI в. На самом деле, к середине XVI в. соперничество между различными духовными корпорациями невозможно свести лишь к конфликту между этими течениями, само содержание которых на протяжении всего этого периода требует серьезного исследования.

Проведенное выявление и анализ русских и ливонских дипломатических источников (в основном материалов о русско-ливонских и русско-датских переговорах 1557–1559 гг.) позволило поставить под сомнение утвердившуюся еще в дореволюционной историографии концепцию о принципиальном расхождении внешнеполитических планов царя и правительства Сильвестра и Адашева, которое якобы стремилось к войне с Крымским ханством в интересах реакционных княжеско-боярских кругов, в то время как Иван IV добивался получения Россией выхода к Балтийскому морю. Есть основания полагать, что в действительности правительство Сильвестра и Адашева в течение 1557–1559 гг. последовательно проводило (как дипломатическими, так и военными методами) политику, направленную на подчинение Ливонского ордена, запиравшего северо-западные границы России и препятствовавшего развитию отношений со странами Западной Европы. Во всяком случае, позицию Сильвестра и Адашева в ливонском вопросе невозможно оценивать, опираясь лишь на выдержки из весьма тенденциозных сочинений Курбского и Грозного.

Заслуживает тщательного внимания и культурная деятельность Сильвестра: им собрана значительная для своего времени библиотека, книги которой говорят о широком круге знакомств царского

советника и даже попадают за границу. Не исключено, что книгописная мастерская Сильвестра имела отношение к созданию первой в России типографии. Сильвестр проявил себя талантливым организатором и знатоком живописи – под его руководством проводилось восстановление убранства кремлевских соборов и палат, пострадавших от пожара 1547 г. С его именем связывается составление (или по крайней мере, редактирование) такого знаменитого памятника XVI в., как Домострой. Сильвестр, вероятно, был знаком с греческим языком, а недавно в научной литературе была отмечена связь Домостроя с произведением известного польского мыслителя Миколая Рея¹. На основании некоторых поучений того же Домостроя М. П. Алексеев считал возможным говорить о проявлении отдельных черт гуманистического мировоззрения в этом произведении, вышедшем из «бюргерских кругов»².

Как нам кажется, есть все основания считать Сильвестра активным сторонником курса правительства компромисса конца 40–50-х гг. XVI в., где сотрудничали представители различных слоев господствующего класса, сплотившихся перед угрозой народных движений, но, тем не менее, сохранивших значительные противоречия между собой и самодержавной властью – аристократии, церкви, дворянства, нарождавшейся бюрократии и даже, возможно, верхушки посада. Сочинения Сильвестра, на наш взгляд, как раз и отражают «дух времени» периода правительства компромисса – компромисса отнюдь не добровольного, а создавшегося в результате мощных народных выступлений середины века. Неудивительно, что идея подобного соглашения как единственно разумной основы государственной власти была высказана в публицистике того времени и Максимом Греком и Сильвестром. Однако их позицию невозможно ставить в один ряд с притязаниями той части феодальной аристократии (представленной А. М. Курбским), которая выступала за ограничение царской власти боярским советом. Но сам Курбский позднее объявил Максима Грека и Сильвестра своими учителями и единомышленниками, и это в немалой степени определило восприятие обоих публицистов как сторонников княжеско-боярской оппозиции. Нам кажется, что Сильвестра с большим основанием можно считать выразителем интересов верхов торгово-посадского населения. Он начинал свою деятельность в Новгороде, который

¹ Поука Х. О возможном польском источнике Домостроя. С. 119–122.

² Алексеев М. П. Явления гуманизма в литературе и публицистике Древней Руси (XVI–XVII вв.). М., 1958. С. 28.

переживал в XVI в. новый подъем, и где среди торговых людей нередко встречались представители духовенства³. Растущее значение торгово-промышленно населения заставляло правительство в ряде случаев идти ему навстречу, что особенно характерно было для 50-х гг. XVI в. Однако действительное влияние торгово-посадских кругов на выработку правительственной политики едва ли стоит преувеличивать, и тем более считать Сильвестра представителем нарождавшейся буржуазии. Относительная слабость развития русских городов, зависимость их от великокняжеской власти, вдаление от мировых торговых путей приводили к тому, что буржуазные связи в городах развивались весьма медленно; правительство умело и заигрывать с посадом, когда требовалось найти дополнительную опору для укрепления своего положения, и одновременно, жестоко подавляло недовольство городского населения.

Выступая на советско-итальянской конференции историков, Л. В. Черепнин поднял вопрос о том, отразил ли Домострой «процесс первоначального накопления в зародышевых формах или замкнутое натуральное хозяйство феодального общества? Может быть и то и другое»⁴. Такая постановка вопроса, как нам кажется, намечает верный подход к оценке не только торгово-промышленных занятий Сильвестра, но и всей его деятельности. Немногие известные нам данные о мастерской и деловых связях Сильвестра и его сына говорят скорее о феодальной природе их торговых предприятий, успех которых во многом зависел от привилегий и высокого положения компаньонов – что, впрочем, было характерно и для купечества более развитых стран⁵. Как известно, и сын Сильвестра Анфим сделал типичную для связанного с казной купечества карьеру и стал «большим» дьяком на государственной службе. Политическим идеалом Сильвестра было полное повиновение властям и служба царю как залог такой же покорности Богу. Вся его писательская деятельность принадлежала к т.н. «охранительному» направлению культурной политики Русского государства, когда в борьбе с нарастающим свободомыслием создавались обобщающие энциклопедические сочинения (Великие Минеи-Чети, Домострой, Степенная

³ *Пронштейн А. П.* Великий Новгород в XVI в. Харьков, 1957. С. 79, 126.

⁴ Россия и Италия. Материалы IV конференции советских и итальянских историков. М., 1972. С. 285. О сходстве Домостроя не только с современными ему европейскими сочинениями, но и с византийским образцом говорил еще С. П. Шестаков (*Шестаков С. П.* Византийский тип Домостроя и черты сходства с Домостроем Сильвестра // ВВ. 1901. Т. 8. Вып. 1–2. С. 63).

⁵ *Плешкова С. Л.* К истории купеческого капитала во Франции. М., 1977. С. 109.

книга, росписи Золотой палаты) с целью замкнуть самый круг тем, мыслей и образов, допускаемых для чтения и рассмотрения⁶.

Но вместе с тем широкая государственная и культурная деятельность Сильвестра не укладывается в образ фанатичного и косного приверженца старины, утвердившийся в дореволюционной историографии. В сочинениях Сильвестра и росписях Золотой палаты нашел отражение характерный переворот в идеологии – формирование теоретических основ абсолютной власти монарха. Сильвестр последовательно утверждал величие и могущество царской власти, рисовал образ идеального государя – грозного, но справедливого и мудрого правителя, нелицемерного судьи, доблестного воителя, защитника слабых, недоступного никаким порокам. Развивались Сильвестром и новые чисто светские концепции о происхождении царской власти на Руси, римских и византийских корнях русской государственности. Конечно, в писаниях Сильвестра нередко проступают мотивы его личных отношений с Иваном IV. Сильвестру и другим советникам из ближайшего окружения Грозного стоило большого труда внушать ему те нормы нравственности и поведения, которые соответствовали бы их представлениям о величии власти царя и его обязанностях правителя. Но в то же время подобные идеи не были новостью в тогдашней литературе – Д. С. Лихачев говорит о «вере в разум, в силу убеждения, в силу слова, стремлении к преобразованию общества на разумных началах... идее служения государства интересам народа» и других элементах идеологии Возрождения в русской публицистике первой половины XVI в.⁷

Но на смену правлению «Избранной Рады» пришел опричный террор. Правительство компромисса, пытавшееся объединить противоречивые интересы участников этого компромисса, не только не способствовало ограничению самодержавия, которые позволили В. И. Ленину назвать его «пропитанным азиатским варварством»⁸, во многом свойственны методам правления и личным наклонностям Ивана IV, особенно резко проявившимся в 60–70-е гг. XVI в. Царь, усвоивший выработанные его советниками теории о божественном происхождении и неограниченности собственной власти, не захотел терпеть возле себя людей, понимавших права и обязан-

⁶ Лихачев Д. С. Сравнительное изучение литературы и искусства Древней Руси // ТОДРЛ. 1966. Т. 22. С. 6; Лурье Я. С. Элементы Возрождения на Руси в конце XV – первой половине XVI в. // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967. С. 203–204.

⁷ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв. Л., 1973. С. 128.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 387.

ности этой власти иначе, чем он сам. Сильвестр и Адашев были удалены, а спустя несколько лет, в условиях опричного террора бывшие правители и вся их деятельность стала для царя и его оппонента Курбского своего рода символом: ограничения боярами царской власти – в одном случае, образцом мудрого правления – в другом. Эти оценки благодаря переписке Курбского с Грозным и были закреплены позднее в исторической литературе. Обращение же к источникам дает возможность не только более точно нарисовать портреты выдающихся государственных деятелей своего времени, но и существенно уточнить наши представления о противоречивом ходе исторического развития России середины XVI в.

ПРИЛОЖЕНИЯ



К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОЧНИКОВ О НАЧАЛЕ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА АДАШЕВА И СИЛЬВЕСТРА¹

Ряд источников XVI в. (летописи, разрядные, посольские книги, описания современников и др.) содержат сведения о начавшейся в 1550 г. 25-летней борьбе между крупнейшими государствами Прибалтики и Россией за овладение наследством распавшегося Ливонского ордена, от нападений которого многие столетия страдали русские земли. Затянувшаяся война оказала значительное влияние на внутривосточную обстановку в России в предопричные годы; как писал Иван IV в первом послании к Курбскому, сопротивление царским планам подчинения Ливонии было одной из причин опалы руководителей правительства 50-х гг.: «Како же убо воспомяну о германских градах супротивословия попа Селивестра и Алексия Адашова и всех вас»².

Позднее переписка Ивана Грозного и Курбского с их взаимными обвинениями в немалой степени послужила основой для представлений о различии внешнеполитических программ царя и его советников, хотя Курбский не осуждал войну в Ливонии и с гордостью подчеркивал свое личное участие в ней. С. М. Соловьев полагал, что Адашев и Сильвестр, как вожди «боярской партии», выступали за войну с Крымским ханством и Турцией, т.е. отстаивали неосуществимый в тех условиях план. Царь же предлагал более реалистичный «западный вариант» внешней политики – войну с Ливонией³.

¹ Впервые опубликовано: Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М.: ИИ СССР, 1981. С. 29–48.

² Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 38.

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. III. Т. 6. С. 524, 539.

Концепция С. М. Соловьева возобладала в дореволюционной историографии: в той или иной степени ее придерживались К. Н. Бестужев-Рюмин, Д. И. Иловайский, М. В. Довнар-Запольский, С. Ф. Платонов. Но изучавшие историю русской «украины» Н. И. Костомаров и Д. И. Багалей, наоборот, считали «южный вариант» внешней политики не менее реальным, чем войну на Балтике. Так родился спор о борьбе двух внешнеполитических концепций в правительстве 50-х гг. XVI в. Положение осложнялось тем, что специальных работ о «противниках» царя в этом споре – Адашеве и Сильвестре – не было.

За прошедшее время в исторической литературе период 50–60-х гг. XVI в. получил широкое освещение, но история внешней политики разработана все же слабее. Закрепленную в работе В. Д. Королюка и распространенную в литературе до последнего времени концепцию начала Ливонской войны можно изложить следующим образом: в русском правительстве в середине 50-х гг. существовали две программы активизации внешней политики – война с Крымским ханством и борьба за Прибалтику. Группировка во главе с А. Ф. Адашевым и Сильвестром выступала за войну с Крымом в интересах крупного боярско-княжеского землевладения, чтобы удовлетворить земельный голод дворянства и избежать за счет завоеваний на юге конфискации боярских вотчин. Но победила точка зрения царя, который вел войну в Ливонии, опираясь на поддержку широких слоев дворянства и торговых людей⁴.

Эта концепция встретила весьма обоснованные возражения. Исследования С. О. Шмидта и И. П. Шаскольского показали, что деятельность русского правительства была попыткой разрешить конфликт с Ливонией мирным путем, как это предпринималось и в отношении Казани до 1552 г. С. О. Шмидт выявил роль такой крупной политической фигуры, как А. Ф. Адашев, в подготовке дипломатического наступления на Ливонию и поставил вопрос о неправомерности противопоставления боярства дворянству при изучении сложной внешнеполитической обстановки 50–60 гг. XVI в. Конкретному исследованию методов и целей русской внешней политики посвя-

⁴ *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 13; *Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1954. Т. II. С. 295; *Королюк В. Д.* Ливонская война. М., 1954, С. 28; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 472; *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966. С. 129–130; *Сахаров А. М.* Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. М., 1969. С. 102–103; *История России с древнейших времен до конца XVIII в.* М., 1975. С. 221; *Donnert E.* Der Livländischer Ordensritterstaat und Russland. Berlin, 1963. S. 47; *Norrenstrand B.* The Shaping of Czarism under Ivan Groznyj. Copenhagen, 1964. P. 168.

щена статья И. П. Шаскольского о русско-ливонских переговорах 1554 г.⁵ Недостаточную обоснованность взглядов на борьбу двух внешнеполитических концепций, базирующихся на различных социальных силах, показывают и работы Е. Н. Кушевой и Б. Н. Флори о внешнеполитических планах русского правительства в отношении Крыма⁶.

В зарубежной литературе «балтийскому вопросу» по-прежнему уделяется значительное внимание⁷, в том числе обсуждается и интересующий нас вопрос об отношении к войне в правящих кругах России. Г. В. Вернадский в многотомной «Истории России», говоря о возможности и своевременности успешной борьбы против Крымского ханства в конце 50-х гг. XVI в., утверждал, что действовавшая в Ливонии русская армия готовилась А. Ф. Адашевым для крымского похода. Датский исследователь К. Расмуссен пришел к выводам о невозможности провести резкое разграничение политических устремлений боярства, с одной стороны, и дворянства и купечества, с другой; об отсутствии разногласий в русском правительстве по вопросу о войне в Ливонии. Н. Ангерманн и Э. Тибберг убеждены, что война в Ливонии была вызвана не столько экономическими интересами России, сколько стремлением царя Ивана IV к захвату новых территорий⁸.

Нужно сказать, что в советской историографии Ливонской войны использовались большей частью отечественные источники – летописи, разряды, посольские книги, делопроизводственные материалы приказов, ведавших снабжением крепостей и испомещением русских

⁵ Шмидт С. О. Рецензия на книгу В. Д. Королюка // ВИ. 1954. № 10. С. 151; Он же. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева // УЗ МГУ. М., 1954. Вып. 167. С. 53; Он же. Вопросы истории России XVI в. в новой исторической литературе // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. М., 1962. С. 131–132; Шаскольский И. П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 397–398.

⁶ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963. С. 186–219; Флоря Б. Н. Проект антитурецкой коалиции середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1980. С. 71–86.

⁷ Круус Х. Х. «Балтийский вопрос» в XVI в. в зарубежной исторической литературе // ВИ. 1959. № 6. С. 108–119.

⁸ Vernadsky G. A History of Russia. The Tsardom of Moscow. Part I. New Haven; L., 1969. P. 94; Луги Х. М. Рец. на кн.: Rasmussen K. Die livländische Krise 1554–1561. Kobenhavn, 1973 // Скандинавский сборник. Таллин, 1975. Т. 20. С. 217; Angermann N. Studien zur Livlandpolitik Ivan Groznyjs (Marburger Ostforschungen. Bd. 32). Marburg; Lahn, 1972. S. 21; Tibberg E. Om villkoren för Moskoviens Baltiska handel 1487–1547 och handelns roll i utrikespolitiken. Uppsala, 1975. Vol. 1.

дворян в Ливонии. Нередко в трудах историков характеристика деятельности руководителей «Избранной Рады» – Адашева и Сильвестра как противников активных действий против Ливонии – подтверждалась фактами и оценками, взятыми из тенденциозных публицистических произведений XVI в. – сочинений Ивана Грозного и Курбского.

Из ливонских источников больше всего привлекались переведенные на русский язык хроники Ф. Ниенштедта и Б. Рюссова. К сожалению, почти не изучались активно используемые зарубежными историками публикации документов по истории средневековой Ливонии, осуществленные прибалтийскими археографами XIX – начала XX в. – К. Ширреном, Ф. Бинеманом, Г. Гансенем. Нам хотелось бы обратить внимание на ряд документов из этих публикаций, относящихся к русско-ливонским отношениям 1557–1559 гг. Эти материалы (инструкции, отчеты и переписка ливонских посольств в Россию 1557/1558 г., 1558 г.; документы, относящиеся к деятельности бургомистра города Нарвы Иоахима Крумхаузена) существенно дополняют наши представления о политике русского правительства накануне и в начальный период Ливонской войны. Документы ливонских посольств в России восполняют немногие, сохранившиеся в составе летописей известия об этих переговорах и являются весьма ценными источниками, поскольку русские посольские книги по связям с Ливонией за этот период в наших архивах не сохранились. Ни в коей мере не претендуя на полноту охвата источников, хотелось бы показать, что привлечение материалов такого рода может дать ценные сведения для изучения интересующего нас вопроса о внешнеполитических планах русского правительства в 1557–1559 гг.⁹

Как показал И. П. Шаскольский, русско-ливонские переговоры 1554 г. завершились полным успехом русской дипломатии: новый договор был заключен сроком на 15 лет, и русское правительство рассчитывало на мирное урегулирование всех спорных вопросов¹⁰. Упоминание Ливонии в титуле Ивана IV в 1554 г. (на что ссылаются многие историки как на доказательство якобы агрессивных намерений царя¹¹) является ошибкой английского издания Гаклюйта, где при публикации грамот 50-х гг. XVI в. подставлялся титул, употребляв-

⁹ За помощь при переводе приношу глубокую благодарность К. Майске и С. А. Морозову.

¹⁰ Шаскольский И. П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. С. 395–397.

¹¹ Юрьенс И. И. Вопрос о ливонской дани // Варшавские университетские известия. 1913. № 9. С. 49; Зутис Я. К вопросу о ливонской политике Ивана IV // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1952. Т. 9. № 2. С. 136.

шийся царем в 70–80-х гг.¹² Но, хотя договор и был ратифицирован властями Ордена в 1555 г., выполнение всех его основных положений было сорвано: ливонские города не признавали свободу торговли русских купцов, им не были возвращены церкви в «русских концах» Ревеля (Таллина), Риги и Дерпта (Тарту), а дерптский епископ выплачивать обещанную по договору дань не стал. Дипломатия Ордена подтолкнула Швецию к войне с Россией¹³. В сентябре 1557 г. Ливония нарушила еще одно условие договора и заключила с Сигизмундом II Августом союз против России. В ответ русское правительство объявило войну Ливонии, но военных действий не начинало¹⁴.

В такой обстановке в ноябре 1557 г. в Москву срочно отправились послы магистра Ордена и дерптского епископа. На основании материалов этого посольства (т.н. «Дневника») шведский историк С. Свенссон сделал вывод о различии позиций А. Ф. Адашева и И. М. Висковатого на переговорах. Позднее А. А. Зимин, а затем Р. Г. Скрынников высказали мнение, что Висковатый, как сторонник «военной партии» при дворе, способствовал срыву переговоров¹⁵. Но эти исследователи пользовались переводом «Дневника», опубликованным историком А. А. Чумиковым в 1886 г. Чумиков перевел текст «Дневника» из второго тома публикации К. Ширрена, где помещена лишь первая часть документа (за 8–10 декабря 1557 г.), которая обрывается тем, что послы, не дождавшись ответа на свое последнее предложение, получили указание уезжать¹⁶.

¹² *Гамель И.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1865. С. 28.

¹³ *Новицкий Г. А.* Русско-шведские отношения в середине XVI в. и война 1554–1557 гг. // Вестник МГУ. Историко-философская серия. 1956. № 2. С. 53–60.

¹⁴ Подлинник грамоты об объявлении войны хранится в Санкт-Петербурге в собрании профессора Гельсингфорского университета С. В. Соловьева (Научно-исследовательский архив СПбИИ РАН. Колл. 124. Оп. 1. № 128). Опубликованный А. А. Чумиковым в 1886 г., а затем в 15-м томе Русской исторической библиотеки документ является не самой грамотой, а, скорее, выписью из подлинной грамоты, сделанной специально для отсылки в Ревель (РИБ. СПб., 1894. Т. 15. № 68; *Чумиков А. А.* Объявление войны царем Иваном Васильевичем городу Ревелю // ЧОИДР. 1886. Кн. 4. Смес. С. 1–4). Эта же выпись в переводе на немецкий язык помещена в публикации Ю. Н. Щербачева (Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории // Там же. 1915. Кн. 4. Отдел II. С. 134).

¹⁵ *Круус Х. Х.* Рец. на кн.: Svensson S. Den merkantila backgrunden till Rysslands anfall pa den Livlandska ordenstaat 1558. Lund, 1951 // ВИ. 1958. № 1. С. 181; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 472; *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 131.

¹⁶ *Чумиков А. А.* Дневник ливонских послов к царю Ивану Васильевичу // ЧОИДР. 1886. Кн. 4. Смес. С. 5–18. Немецкий текст: *Schirren C.* Quellen zur Geschichte des untergange Livlandischer Selbständigkeit. Reval, 1862. Band II. S. 4–26.

Вторая же половина посольского «Дневника» (за 11 декабря – 26 января 1558 г.) помещена в первом томе той же публикации и осталась неизвестной А. А. Зимину и Р. Г. Скрынникову¹⁷. Из этой части документа следует, что переговоры не были прерваны, послы добились соглашения об урегулировании конфликта и уплате дани. Только отсутствие у ливонцев денег и вызвало их отъезд. На обратном пути по инициативе русской стороны переговоры были продолжены через пристава: послам было предложено отдать в залог свои драгоценности и самим остаться в Москве до присылки дани. Но колебания послов привели к тому, что в Москве отказались идти на уступки, и послы уехали ни с чем¹⁸. Несмотря на существовавшую возможность предотвратить войну, успешного исхода переговоров вряд ли можно было ожидать: согласно данной послам инструкции, им предписывалось лишь вновь просить о сокращении дани¹⁹. Правящие круги Ливонии не собирались улаживать конфликт.

Хотя С. Свенссону были известны обе части «Дневника», но он, видимо, принял выступления Адашева и Висковатого перед ливонскими послами (согласно «Дневнику», в то время как Висковатый отказался от предложенной суммы дани и предложил им уезжать обратно, Адашев посоветовал послам увеличить сумму²⁰) за принципиальное различие их позиций. Подобные приемы (согласно «Дневнику», чуть раньше Адашев и Висковатый в такой же ситуации меняются ролями²¹), так же, как и организация «самостоятельных» выступлений со стороны приставов, часто использовались в русской дипломатической практике того времени и не могут свидетельствовать о разногласиях между различными группировками в подходе к переговорам. Но С. Свенссон, а вслед за ним и Н. Ангерманн, рассматривают выступление пристава ливонского посольства как инициативу «мирной партии» при дворе²². Доверяет С. Свенссон и весьма тенденциозной характеристике Висковатого

¹⁷ *Schirren C.* Quellen zur Geschichte des untergange Livlandischer Selbständigkeit. Reval, 1861. Band I. S. 20–33.

¹⁸ *Schirren C.* Quellen... Band I. S. 29–33.

¹⁹ *Schirren C.* Neue Quellen zur Geschichte des untergange Livlandischer Selbständigkeit. Reval, 1883. Bd. I. S. 3.

²⁰ *Schirren C.* Quellen... Bd. II. S. 25.

²¹ *Ibid.* S. 24.

²² *Angermann N.* Studien zur Livlandpolitik Ivan Groznyjs. S. 74–75; *Флоря Б. Н.* Рец. на кн. Н. Ангерманн // ВИ. 1974. № 9. С. 198–201.

как враждебно настроенного к «христианам» и расположенного к татарам деятеля, данной Г. Штаденом.

Под победой «военной партии» в Москве подразумеваются и известия хроник Ф. Ниенштедта и Т. Хиэрне о запрещении царя русским купцам одолжить ливонским послам требуемую сумму для уплаты дани²³. Ниенштедт не называет своего источника, но ряд неточностей его хроники (например, упомянутое посольство Ниенштедт относит к январю 1558 г., после похода русских войск) заставляет предположить, что это известие лишь отражает распространенные в Дерпте толки. В поздней компиляции Т. Хиэрне 1670-х гг. сообщается, что русские купцы согласились дать в долг деньги для уплаты лишь части дани. Во всяком случае, подробный посольский «Дневник» ничего не сообщает о подобных контактах.

Постановка вопроса об отношении к войне различных социальных слоев и группировок внутри правящего класса заслуживает серьезного внимания. Дискриминационная политика ливонских властей по отношению к русским купцам вызывала с их стороны многочисленные жалобы и заставляла правительство учитывать их интересы. На русско-ливонских переговорах 1554 г. И. М. Висковатый, ссылаясь на сведения русских купцов, указывал, что запрет на продажу оружия распространяется в Ливонии только на русских, и требовал его отмены²⁴. Свидетельством настроений русских торговых людей может служить наказ русскому посланнику в Швеции И. Е. Замыцкому в 1557 г.: «Гости и купцы отчин великого государя изо многих городов говорят, чтобы им в торговых делах была воля»; купцы требовали разрешения и охраны свободного проезда не только в Швецию, но и в Голландию, немецкие города, Англию и Испанию²⁵. После взятия Дерпта командующий армией князь П. И. Шуйский в одной из грамот, отправленных в Ревель, требовал беспрепятственно пропускать в Дерпт заморских купцов и разрешал поездки ревельским торговым людям²⁶.

Но прекращение торговых отношений было невыгодно и немецким и русским купцам. Еще до войны определенная часть купечества

²³ *Ниенштедт Ф.* Ливонская летопись // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1882. Т. 4. С. 14; Thomae Hiarn's Esth- Lif- und Lettlandische Geschichte. Monumenta Livoniae antiquae. Dorpat, 1835. Bd. I. S. 212.

²⁴ Копенгагенские акты. С. 25.

²⁵ Сб. РИО. Т. 129. С. 52.

²⁶ *Тихомиров И. А.* Грамота князя П. И. Шуйского в Ревель с требованием сдачи // Древняя и новая Россия. 1875. № 9. С. 90.

Риги, Дерпта и Нарвы выступала против обострения отношений с Россией²⁷. Дерпт и Нарва имели традиционные связи с Россией, эти города и стали главной целью русских войск в кампанию 1558 г., а довольно сильная «русская партия» в Дерпте выступила за капитуляцию города на определенных условиях; позднее и власти Риги желали выяснить вопрос о возможности подчинения города Ивану IV²⁸, что не осталось неизвестным князю П. И. Шуйскому²⁹. Условия эти, закрепленные в жалованных грамотах Нарве (1 мая 1558 г.) и Дерпту (6 сентября 1558г.), были весьма благоприятными для горожан³⁰. Быстрая капитуляция этих городов и сравнительно мягкие ее условия вызвали в Ливонии далее обвинения в измене по отношению к нарвскому бургомистру Иоахиму Крумхаузену и дерптскому епископу Герману Везелю, которые пользовались расположением русских властей.

С прибалтийской торговлей было связано не только купечество: среди новгородских торговых людей встречаются и представители других сословий, в том числе и священники. Сам новгородский архиепископ Макарий был крупным поставщиком воска в Ревель³¹. О каких-то делах с немецкими купцами свидетельствуют и хранившиеся в государственном архиве поручные записи на Н. А. Фуникова-Курцева, Х. Ю. Тютиня, И. Качалова, И. Я. Чеботова, М. Вислого и князя Д. Ф. Палецкого «в неметцком деле, что им послати в Новгород к ответу людей своих»³².

Особый интерес представляют для нас деловые связи Сильвестра и его сына Анфима. А. А. Зимин и И. И. Смирнов привели данные о связях Анфима с виленскими торговыми людьми. Немецкий же источник сообщает, что упомянутый И. Крумхаузен задолго до начала войны «при посредстве духовного отца великого князя» («durch des zaren Beichvater») получил привилегии («охранное письмо») для своих тор-

²⁷ *Donnert E.* Der Livlandischer Ordensritterstaat. S. 35–36.

²⁸ *Новицкий Г. А.* Новые известия из истории дипломатической борьбы во время Ливонской войны // Вестник МГУ. История. 1963. № 3. С. 37.

²⁹ *Das Inland.* Dorpat, 1861. № 1. S. 6.

³⁰ Столетие спустя во время русско-шведской войны 1656–1658 гг. в Посольском приказе был сделан обратный перевод с немецкого жалованной грамоты Дерпту (РГАДА. Ф. 64. Оп. 1. № 3, Л. 1–6).

³¹ *Дорошенко В.* Торговля крупного таллинского купца в XVI в. // Известия АН Эстонской ССР. Общественные науки. 1969. Т. 18. № 4. С. 334–338.

³² *Зимин А. А.* Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. М., 1978. С. 341–342.

говых операций в России³³. О контактах Сильвестра с Крумхаузенем и получении последним «охранного письма» свидетельствуют и дети этого купца, отвечая в обширном документе на обвинения их отца в измене – на что указал Н. Ангерманн³⁴. Сам И. Крумхаузен в мае 1558 г. через купца Ханса Берндса сообщил городскому совету Ревеля, что по сведениям, полученным в Москве от Анфима («Olphime»), мира с Ливонией сохранить не удастся³⁵. Можно предположить, что Сильвестр и его сын, как и ряд русских торговых людей, были связаны с той частью немецкого купечества, которая была заинтересована в сохранении мира и торговых отношений с Россией и даже согласна на известных условиях признать власть паря. Упомянутый Иоахим Крумхаузен («Яким Кромыш» русских летописей) возглавлял делегацию горожан на переговорах в Москве о сдаче Нарвы в апреле 1558 г.; о нем же («старейшина того града Иван») говорится в «Повести» об обретении мощей новгородского епископа Никиты, где нарвский бургомистр выступает очевидцем чудесного явления Никиты на берегу р. Наровы перед самым взятием города. Позднее, в 60-х гг. XVI в., Крумхаузен жил и обучал своих детей в Москве³⁶.

Что же касается русских торговых людей (в особенности новгородцев и псковичей), то они, добиваясь выгодных условий торговли, также вряд ли были заинтересованы в продолжительных военных действиях, прерывавших налаженные торговые отношения³⁷.

Исследователи не раз отмечали, что первый поход русских войск в Ливонию зимой 1558 г. не ставил целью захват городов, а сами воеводы по приказу царя дважды посылали магистру Ордена грамо-

³³ См. отрывок из принадлежавшего библиотеке Дерптского университета сочинения «*Tertii belli descriptio quod magnus Rutenorum imperator 1558 contra Livones gessit*», опубликованный под названием «Переговоры с царем Иваном Васильевичем IV» // *Hansen H. Ergänzende Nachrichten zur Qeschichte der Stadt Narva vom Jahre 1558*. Narva, 1864. S. 11.

³⁴ Этот документ («Обоснованное и правдивое известие об отправлении в Россию посольства города Нарвы»), составленный в 1558 г., также опубликован в кн.: *Hansen H. Ergänzende Nachrichten*. S. 37–56.

³⁵ Эти сведения содержатся в инструкции, данной городским советом Ревеля посланцам к магистру Ордена (*Schirren C. Quellen... Bd. I. S. 140*).

³⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 293–294; *Никольский А. И.* Сказание об обретении честных мощей святителя Никиты новгородского чудотворца // ИОРЯС. СПб., 1905. Т. 10. Кн. II. С. 10; История Эстонской ССР. Таллин, 1961. Т. 1. С. 366.

³⁷ *Хорошкевич А. Л.* Значение экономических связей с Прибалтикой для развития северо-западных русских городов в конце XV – начале XVI в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968. С. 28.

ты о присылке послов для заключения нового договора³⁸. Однако, орденские власти не торопились. На ландтаге в Вольмаре магистр предложил собрать обусловленную договором сумму дани и отправить ее в Москву с новым посольством, но лишь для того, чтобы получить время для вооружения войск и укрепления городов³⁹. Новое ливонское посольство прибыло в Москву лишь в начале июня 1558 г., когда ситуация изменилась в связи с занятием русскими войсками Нарвы после того, как гарнизон замка открыл огонь по Ивангороду, несмотря на достигнутое в Москве соглашение о переходе Нарвы во владение царя⁴⁰.

Переговоры и на этот раз вели А. Ф. Адашев и И. М. Висковатый. В летописи таким образом переданы условия, предъявленные ливонцам русской стороной: чтобы магистр «да и бискуп сами за свои вины били челом и дань положили на всю свою землю». Ниенштедт в хронике утверждает, что от послов потребовали уступки Нарвы⁴¹. Ф. Бинеман в 1865 г. опубликовал «Ответ» Адашева и Висковатого ливонскому посольству, датированный 5 июня 1558 г.⁴² «Ответ» этот представляет собой перевод на немецкий язык русского текста ответа послам с сохранением характерных для русской дипломатической документации приемов (пространное изложение предыстории переговоров и содержания предложений ливонской стороны) и оборотов речи («царь и великий князь велел вам говорить», «бить челом»).

В «Ответе» А. Ф. Адашев и И. М. Висковатый основным условием прекращения военных действий поставили прибытие магистра для заключения нового договора, Нарва же в любом случае должна была отойти к России⁴³. В послании к епископу дерптскому и позже в своем отчете ливонские послы подчеркнули, что взятие Нарвы было для них полной неожиданностью, и передали окончательные условия урегулирования конфликта, сформулированные Адашевым и Висковатым: магистр, архиепископ рижский и все епископы Ливонии

³⁸ Копенгагенские акты. С. 38–40.

³⁹ *Binemann F. Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1548–1562.* Riga, 1865. Bd. 1. № 73. S. 103–104.

⁴⁰ *Форстен Г. В. «Балтийский вопрос» в XVI и XVII столетиях.* СПб., 1895. Т. 1. С. 90–91; *Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae.* Riga; Dorpat, 1835. Bd. II. № 3169–3173.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 297; *Ниенштедт Ф.* Ливонская хроника. С. 16.

⁴² *Binemann F. Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands.* Bd. I. № 125. S. 221–228.

⁴³ *Ibid.* S. 227–228.

должны явиться в Москву с данью и выполнять все указания царя, т.е. «поступить по примеру царей казанского и астраханского»⁴⁴. Приведенные документы, таким образом, прямо свидетельствуют о намерениях русского правительства превратить Ливонию в вассальное государство. Характерно, что послы не отмечают никаких различий в позициях Адашева и Висковатого. Переговоры, как известно, закончились неудачей, очередная просьба послов об отмене платежа дани с дерптского епископства была отвергнута⁴⁵, и летом 1558 г. русские войска предприняли наступление. Целью нового похода было уже овладение городами и замками дерптского епископства. Занятая в результате военных действий территория оставалась практически неизменной до начала 1560 г.⁴⁶, а в 1558–1559 гг. к титулу Ивана IV добавляется «государь Ливонские земли града Юрьева»⁴⁷.

Позднее Иван IV упрекал своих бывших советников Сильвестра и Адашева в том, что они заключили с Ливонией перемирие «лукавого ради напоминания датского короля»; этот факт нередко рассматривался в литературе как свидетельство стремления правительства Адашева прекратить войну в Ливонии, чтобы начать активные действия на юге. Но из материалов русско-датских переговоров весной 1559 г. следует, что основной целью датского посольства было не перемирие, а стремление не упустить благоприятный момент для осуществления своих планов в Ливонии: послы просили перемирия прежде всего для тех областей, на которые претендовала Дания («княжество Эстониен и земля Гериен и Вирлант з бискупством, державою и градом Колыванем»), а потом уже для всей остальной Ливонии, ссылаясь на соответствующие полномочия для заключения перемирия со стороны ливонских властей⁴⁸.

На этих переговорах Адашев и Висковатый, отвергнув притязания датчан на часть территории Ливонии, условием для перемирия поставили прибытие самого магистра и епископов для заключения до-

⁴⁴ *Bienemann F.* Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands. Bd. I. S. 249. Послание написано уже после отъезда из Москвы на ливонской территории (*Юрьенс И. И.* Вопрос о Ливонской дани. С. 56).

⁴⁵ *Bienemann F.* Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands. Band 1. S. 222.

⁴⁶ Перечень захваченных в 1558 г. замков: ПСРЛ. Т. 13. С. 303–306, 311–312 со списком, приведенным И. Гофманом (*Мадиссон Ю. К.* Посольство И. Гофмана в Ливонию и Русское государство в 1559–1560 г. // ИА. 1957. № 6. С. 137–138).

⁴⁷ Впервые – в жалованной грамоте Дерпту (РГАДА. Ф. 64. Оп. 1. № 3. Л. 1–2).

⁴⁸ *Щербачев Ю. Н.* Русские акты Копенгагенского государственного архива // РИБ. СПб., 1897. Т. 16. С. 44–47.

говора, по которому за ними пожизненно сохранятся их владения, а в ряд городов и замков Ливонии будут посланы русские наместники⁴⁹. В конце концов, после уверений датских послов в скором прибытии ливонцев русская сторона согласилась на перемирие при условии приезда магистра или его послов для заключения мира, «как нашему жалованью во всех делах над ними пригоже быти»⁵⁰. Надо сказать, что сами датские послы в письме к своему королю указывали, что перемирие выгодно царю из-за ожидаемых крымских набегов⁵¹ (действительно, весной и летом 1559 г. в Москве ожидали нападения хана Девлет-Гирея на «украины»⁵²). Но ливонские власти и на этот раз не пошли на соглашение с Россией. В том же 1559 г. Сигизмунд II Август принял Орден в свою «клиентелу и протекцию», назревала опасность конфликта с Великим княжеством Литовским и Коронай Польской.

Некоторые исследователи уже указывали, что Адашева и Сильвестра нельзя считать принципиальными противниками борьбы за выход России к Балтийскому морю и наступления на Ливонию, как это изображает Иван IV в первом послании к Курбскому⁵³. Думается также, что Сильвестр вряд ли мог выступать против войны из благочестивых соображений. Церковью велась активная идеологическая подготовка войны: в конце 50-х – начале 60-х гг. из окружения Макария вышла «Повесть об Исидоре Юрьевском», содержащая резкие обвинения в адрес ливонских немцев-лютеран⁵⁴. И Курбский, и царь Иван равно считали ливонцев «отступившими от христианской веры» и заслужившими наказание⁵⁵.

Приведенные выше документы, как нам кажется, также не дают оснований говорить о борьбе различных группировок при дворе в 1558–1559 гг. Лишь позднее, в условиях осложнений на театре военных действий из-за вмешательства Дании и Швеции (и пока дипломатических демаршей короля Сигизмунда II), в конце 1559 – начале

⁴⁹ См.: Копенгагенские акты. С. 107–108.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Кн. 1. Л. 64об.

⁵¹ Копенгагенские акты. С. 137.

⁵² Буганов В. И. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 178–179.

⁵³ Шмидт С. О. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева. С. 53; Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. С. 46; Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений в Восточной Европе XIV–XVI вв. С. 315.

⁵⁴ Рогов А. И. «Повесть об Исидоре Юрьевском» как исторический источник и памятник русской публицистики периода Ливонской войны // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969. С. 318–321.

⁵⁵ РИБ. СПб., 1914. Т. 31. С. 228; Переписка Ивана Грозного. С. 13–14.

1560 г. нарастают разногласия между Иваном IV и его ближайшими советниками по вопросу о продолжении войны. Внимательный наблюдатель, гонец императора Фердинанда Иероним Гофман, свидетельствовал о серьезных разногласиях в это время между «боярами» и царем, который велел сообщить Гофману, что «не перестанет воевать, пока не завоюет всю Ливонию»⁵⁶. В 1560 г. следует новое наступление русских войск, и в то же время происходит существенное изменение в титуле царя: Иван IV именуется теперь «государь Ливонские земли», а с 1562 г. – «государь вотчинной земли Вифляндские»⁵⁷. Но и во время летней кампании 1560 г. русское командование, видимо, все еще рассчитывало на заключение какого-то соглашения с Ордемом: из занятого Феллина рассылались грамоты, призывающие орденские власти присылать послов для переговоров⁵⁸.

Нам кажется, что разрыв царя с руководством «Избранной Рады» (он не был единовременным актом: Адашев некоторое время находился в завоеванном Феллине, а о времени добровольного удаления Сильвестра вообще трудно составить представление) вряд ли можно объяснить принципиальными расхождениями в вопросах внешней политики; сам Иван IV в первом послании к Курбскому говорит об удалении Адашева и Сильвестра, как бы подводя итог их деятельности в целом⁵⁹. Как показывают приведенные выше источники (материалы ливонских посольств 1557–1558 гг. и русско-датских переговоров 1559 г.), А. Ф. Адашев в 1557–1559 гг. разрабатывал и проводил в жизнь планы русского правительства в отношении Ливонии. Неверной оказывается и утвердившаяся в литературе характеристика Сильвестра как фанатичного священника, отговаривавшего царя от войны с христианами. Скорее можно говорить о том, что деятельность Сильвестра отражала интересы торгово-посадских кругов. Есть все основания предполагать, что в начале 1560 г., оказавшись перед перспективой войны с Литвой и Швецией, руководство Избранной Рады

⁵⁶ Цит. по: *Мадиссон Ю. К.* Посольство И. Гофмана. С. 139.

⁵⁷ Впервые – в грамоте императору Фердинанду от 24 февраля 1560 г. (*Любич-Романович В.* Сношения царя Ивана Васильевича с императором Фердинандом о ливонских делах // *Сын Отечества*. 1842. Отд. 1. С. 7); Сборник РИО. Т. 129. С. 89; *Щербачев Ю. Н.* Русские акты Копенгагенского государственного архива. С. 55.

⁵⁸ *Чумиков А. А.* Неизданные акты Ревельского городского архива // ЧОИДР. 1897. Кн. 2. Смес. С. 7. В Каркус и Гельмет грамоты посылал в 1560 г. и А. Ф. Адашев (*Bieneemann F.* Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands. 1873. Bd. IV. S. 199).

⁵⁹ Переписка Ивана Грозного. С. 30–33.

предпочло дипломатическое урегулирование конфликта дальнейшему военному наступлению в Ливонии. Царь же даже в 1564 г. был уверен, что в то время (т.е. в 1560 г.) «уже бы вся Германия была за православием»⁶⁰, и объяснял отсутствие ожидавшихся успехов нежеланием воевод действовать активно. Несколько лет спустя в обстановке военных неудач Иван IV в полемике с Курбским объявит Адашева и Сильвестра убежденными противниками наступления на Ливонию и одновременно назовет в лице Курбского всех недовольных его политикой виновниками затянувшейся войны: «Литовская брань учинилася вашею изменою и недоброхотством и нерадением безсовестным»⁶¹.

Нам представляется, что более внимательный и детальный анализ источников, в том числе и ливонских, поможет более тщательно осветить политику русского правительства в 50–30-х гг. XVI в. в отношении Ливонии, а поиски в прибалтийских архивах дадут новые ценные документы о внешне- и внутривосточном состоянии России в XVI в.

⁶⁰ Там же. С. 38.

⁶¹ Там же. С. 14.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КНИГАХ БИБЛИОТЕКИ НАСТАВНИКА ИВАНА ГРОЗНОГО И АВТОРА «ДОМОСТРОЯ» СИЛЬВЕСТРА¹

Священник кремлевского Благовещенского собора Сильвестр – одна из наиболее интересных фигур среди политических деятелей России середины XVI в. Ближайший советник царя, он выступал в необычной для священника роли, участвуя в государственных делах. Пискаревский летописец, характеризуя деятельность А. Ф. Адашева, отмечает: «В ту же пору был поп Селивестр и правил Русскую землю с ним заодин, и сидели вместе в ызбе у Благовещения»². В конце 1540-х – начале 1550-х гг. Сильвестр руководил восстановлением росписей кремлевского дворца и соборов, пострадавших во время пожара 1547 г.; принимал участие в составлении Степенной книги и Домостроя. Наконец, Сильвестр имел большой опыт «книжного рукоделия» и обладал значительной для своего времени библиотекой, включавшей книги и на греческом языке. Советские исследователи А. А. Зимин, Е. Э. Гранстрем, Н. Н. Розов выявили больше 20 принадлежавших Сильвестру книг, находившихся преимущественно в собраниях Соловецкого и Кирилло-Белозерского монастыря³.

Но есть основания полагать, что у Сильвестра было больше книг, чем известно до сих пор. Как считают исследователи (опираясь на известные высказывания Ивана Грозного и Курбского), Сильвестр примерно в одно время с опалой А. Ф. Адашева устранился от дел и

¹ Впервые опубликовано: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1981. Л.: Наука, 1983. С. 28–29.

² ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 181.

³ *Зимин А. А.* И. Пересветов и его современники. С. 62; *Гранстрем Е. Э.* Чернец Малахия Философ. С. 70–71; *Розов Н. Н.* Библиотека Сильвестра. С. 191–202.

постригся в Кирилло-Белозерском монастыре под именем Спиридона. Именно об этом, наименее известном периоде его жизни сообщает запись во вкладной книге Соловецкого монастыря, составленной в конце XVI – начале XVII в.: «Кирилова монастыря з Белаозера старец Спиридон, что был благовещенской священник Селиверст, дал полтретья пуд свеч, да 66 книг, да паникадило медное, да 209 рублей денег. И за то их даяние по вся субботы в церкви в Чудотворцох пети понахида священнику и обедня служити по Спиридоне и его родителех, а в неделю обедня пети за государево здравие доколе и монастырь стоит»⁴. Эта же запись в сокращенном виде есть и в более поздних вкладных книгах конца XVII в.⁵ Размеры и самый характер вклада говорят о том необычном положении, которое Сильвестр занимал при дворе. К сожалению, выявить указанные книги в собрании Соловецкого монастыря (в части, вошедшей в описание 1881–1898 гг.) пока не удалось⁶.

Одна из книг Сильвестра – Псалтырь толковая Феодорита Кирского⁷ – оказалась далеко от России, в библиотеке афонского сербского Хиландарского монастыря (за указание приношу глубокую благодарность Я. И. Щапову). Как могла книга благовещенского священника оказаться на Афоне? В декабре 1554 г. в Москву в очередной раз пришли посланцы Хиландарского монастыря с просьбой к Ивану IV о милостыне и принятии «в царское свое имя» их обители⁸. Хиландарские монахи пробыли в России чуть больше двух лет и были торжественно отпущены с богатыми дарами в январе 1557 г. вместе

⁴ Научно-исследовательский архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. № 125. Л. 28об. Вклады в этой книге распределены по большим разделам: царские вклады, так называемые «большие вклады», вклады монахов монастыря, вклады москвичей, новгородцев и т.д. Приведенная запись находится в разделе «большие вклады» без указания даты.

⁵ Там же. Оп. 1. № 152. Л. 178.

⁶ В описанной части собрания выявлены 6 книг Сильвестра, данных вкладом в 1551–1552 гг. (*Розов Н. Н.* Библиотека Сильвестра. С. 193–194).

⁷ *Богданович Д.* Каталог кирилских рукописи монастыря Хиландара. № 117. С. 87. Филиграния: Briquet. № 13994 (1550 г.), 12894 (1550 г.), 12666 (1547 г.). На обложке переплета имеется характерная для книг Сильвестра запись: «Благовещенского попа Селивестра и сына его». Любопытно, что в монастырском собрании есть еще одна Толковая Псалтырь Феодорита Кирского (№ 116), писанная на бумаге с такими же филигранями: Briquet. № 13994, 12894. Текст и заставки также сходны с № 117.

⁸ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 253.

с послом константинопольского патриарха Дионисия⁹. Царь Иван и его ближайшее окружение с середины 50-х годов XVI в. (когда в правительственных кругах созрело решение обратиться к восточным патриархам за подтверждением царского титула Ивана IV) проявляют серьезный интерес к укреплению связей с православным восточным и юго-славянским духовенством. Их посланцы получают в Москве щедрую «милостыню», сам царь соглашается стать ктитором Хиландарской лавры. Пристальное внимание русского правительства к обстановке на южных границах России (после присоединения Казани и Астрахани), как представляется, также явилось причиной благожелательного приема в Москве посланцев афонского монастыря. В августе 1558 г. во время следующего визита в Москву хиландарских монахов ими была вручена царю грамота, где подробно перечисляется «милостыня» Ивана IV монастырю. Среди прочего упоминаются «псалтирь толковая великы и четири книги Златоустовы беседы»¹⁰. Можно предположить, что книга, принадлежавшая Сильвестру, и была той самой «псалтирю толковой»¹¹, полученной монахами в 1555–1556 гг. в Москве¹².

⁹ Там же. С. 278.

¹⁰ РГАДА. Ф. 52. Оп. 4. № 2. Подлинник. Эти же книги перечислены и в другой грамоте властей Хиландарского монастыря (после 1571 г.), опубликованной С. Н. Палаузовым (*Палаузов С.* Грамота старцев Хиландарского монастыря царю Ивану Васильевичу Грозному. СПб., 1861. С. 8).

¹¹ Отождествить «4 книги Златоустовы беседы» не удалось.

¹² Афонские монахи получили книги не только от царя. В 1556 г. боярин М. Я. Морозов подарил им «Толкование на 16 пророков». Эта книга позднее вернулась в Москву среди рукописей, привезенных с Востока Арсением Сухановым (*Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. М., 1857. Т. 2. Ч. 1. № 78. С. 110).

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ БИБЛИОТЕКИ НАСТАВНИКА ИВАНА ГРОЗНОГО СИЛЬВЕСТРА¹

Многие исследователи древнерусской культуры уже давно обращали внимание на сохранившиеся в отечественных библиотеках и архивохранилищах книги, связанные с деятельностью священника кремлевского Благовещенского собора Сильвестра – известного писателя и ближайшего советника царя Ивана IV в 50-х гг. XVI в.

В последнее время усилиями таких ученых, как А. А. Зимин, Е. Э. Гранстрем, Е. Л. Немировский, Н. Н. Розов удалось установить уже более 30 книг, некогда принадлежавших Сильвестру². Однако составленные ими списки рукописей существенно отличаются друг от друга, а аргументы в пользу принадлежности той или иной книги Сильвестру нередко ограничиваются указанием на сообщение в монастырской описи, что данная книга – «Селивестровская». Это вызывает необходимость нового обращения к комплексу сохранившихся рукописей с целью проверки и подтверждения их принадлежности к библиотеке Сильвестра.

В настоящее время известно семь книг Сильвестра в составе библиотеки Соловецкого монастыря: Евангелие тетр, Псалтырь с воследованием, Толкование на Псалтырь Брунона, Златоструй, две книги Толкований на Евангелия Феофилакта Болгарского и

¹ Впервые опубликовано: Теория и методы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. М.: МГИАИ. 1985. С. 53–61.

² *Зимин А. А.* И. Пересветов и его современника. С. 58–59; *Гранстрем Е. Э.* Чернец Малахия Философ. С. 70; *Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания в Москве. С. 32–33; *Розов Н. Н.* Библиотека Сильвестра (XVI в.). С. 191–205.

лицевой Индикоплов³. Первые 6 книг имеют одинаковую вкладную запись 1551/1552 г. от имени Сильвестра и его сына Анфима. Индикоплов был прислан Сильвестром на Соловки уже после своего пострижения под именем Спиридона в Кирилло-Белозерском монастыре, согласно записи на книге: «Сию книгу дал старец Спиридон да сын его Онфим в дом всемилостивому Спасу на Соловки». Псалтырь и Евангелие именуется «Селивестровскими» в кратких библиотечных описях 1597 и 1638 г.⁴

Позднейшие описи XVII в. (1657 и 1676 гг.) уже более, подробно и перечисленные выше книги Сильвестра упоминаются вместе с именем вкладчика⁵. В последних двух описях указано на присутствие в монастырской библиотеке полного комплекта Толкований на Евангелия Феофилакта Болгарского. Однако записи о вкладе содержатся лишь на Толкованиях на Евангелия от Матфея, Марка и Луки. Но все же Толкование на Евангелие от Иоанна у Сильвестра несомненно имелось: его сын Анфим в 1564 г. дал его вкладом в Брянский Свенский монастырь, где книга находилась еще в начале XX в.⁶ Согласно записям во вкладных книгах Соловецкого монастыря, Сильвестр, уже постригшись, пожертвовал в монастырь 66 книг⁷. Пока следов этого вклада среди соловецких рукописей разыскать не удалось, но следует иметь в виду, что значительная часть библиотеки до сих пор не имеет научного описания.

В Москве, в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранится самый ранний из известных нам вкладов

³ ОР РНБ. Ф. 717 (Библиотека Соловецкого монастыря). № 48/130, 761/871, 1039/1148, 259/259, 159/159, 160/160; Ф. 550. F. IV. № 683. Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Ч. I. С. 9, 63, 146, 165–167, 267; Ч. III. С. 275; *Бычков А. Ф.* Каталог собрания славянско-русских рукописей П. Д. Богданова. Вып. I. С. 177.

⁴ *Кукушкина М. В.* Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. С. 353. Научно-исследовательский архив СПбИИ РАН. Колл. 2. №137. Л. 141, 143.

⁵ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. № 256. Л. 5–5об., 9, 19, 24; *Белокуров С. А.* Библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады (1676 г.). С. 17, 20, 26.

⁶ *Евсеев И. Е.* Описание рукописей, хранящихся в Орловских древлехранилищах. Орел, 1906. Вып. II. С. 133.

⁷ Одинаковые записи об этом вкладе содержатся в трех вкладных книгах (Научно-исследовательский архив СПбИИ РАН. Колл. 2. № 125. Л. 28об.; № 152. Л. 178; Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Собрание рукописей. № 40500. Л. 132). За столь богатый вклад монастырские власти учредили ежегодный корм «по старце Спиридоне да по сыне ево Анфиме» (Научно-исследовательский архив СПбИИ РАН. Колл. 2. № 147. Л. 6об.).

Сильвестра – Октоих, данный им в 1545/1546 г. в Александро-Свирский монастырь – Отдел рукописей РГБ. Ф. 299. (Собрание Н. С. Тихонравова). № 629. Еще одна книга Сильвестра – Сборник бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея (который написан тем же почерком и на той же бумаге, что и известный ранее вклад благовещенского священника – Беседы Златоуста на Евангелие от Иоанна) выявлена Т. Н. Протасьевой в собрании рукописей Чудова монастыря⁸.

Но больше всего книг Сильвестра сохранилось в составе библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, где он постригся под конец жизни. Наиболее известны из них пять рукописей, содержащие одинаковые библиотечные пометы: «Книга (далее следует название. – *И. К.*) государьское дание благовещенского попа Сильвестра, во иноцех Спиридона и сына его Анфима»⁹. И. Н. Жданов и Н. Н. Розов считали, что эти книги были в свое время подарены царем Сильвестру, который и передал их в монастырь; Н. Н. Зарубин, напротив, видел в них вклад самого Ивана IV, к которому книги перешли от Сильвестра¹⁰. Однако следует учесть и мнение первого биографа Сильвестра Леонида (Кавелина): указанная помета могла означать особое почтение монастырских властей к бывшему царскому советнику, поскольку указание на «государьское дание» не обязательно должно относиться к царю. К числу подобных книг, вероятно, стоит прибавить и сборник сочинений Иоанна Дамаскина конца XV в. со следующей пометой: «Силверстовских государева дания Ивана Домаскына»¹¹.

Даже находясь в опале, Сильвестр продолжал пополнять свою библиотеку; запись на патристическом сборнике конца XV – начала XVI в. сообщает, что «сию книгу прислал с Москвы Анфим к отцу своему Селивестру в Кирилов монастырь»¹². В монастыре среди книг Сильвестра оказался и старый Требник с записями на одной и той же странице: «Селивестровская потребная»;

⁸ Протасьева Т. Н. Описание рукописей Чудовского собрания. С. 100–101.

⁹ ОР РНБ. Ф. 351 (Библиотека Кирилло-Белозерского монастыря). № 4/9, 6/131, 35/160, 112/237; Ф. 728 (Библиотека новгородского Софийского собора). № 1195.

¹⁰ Жданов И. Н. Сочинения. Т. 1. С. 131; Розов Н. Н. Библиотека Сильвестра (XVI в.). С. 195; Шмидт С. О. Исследование Н. Н. Зарубина «Библиотека Ивана Грозного и его книги». С. 48.

¹¹ ОР РНБ. Ф. 550 (Основное собрание рукописной книги). I. № 874. Л. 1.

¹² ОР РНБ. Ф. 351. № 53/178. Л. 2.

«Иван сказал Михайлович, что тот потребник благовещенской». Леонид предполагал, что последняя запись сделана со слов дьяка И. М. Висковатого, присланного в монастырь для осмотра вещей опального¹³. Мнение это невозможно доказать, но и невероятным оно не является.

Можно указать на еще одну несомненно принадлежавшую Сильвестру книгу из Кирилловской библиотеки: в 1660/1661 г. патриарх Никон дал вкладом в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь Тактикон Никона Черногорца, принадлежавший ранее Кирилло-Белозерскому монастырю. На обороте верхней крышки переплета книги сохранились фрагменты владельческой записи: «...книги 63 и... на его Анфима»¹⁴. А в наиболее подробной описи Кирилловской библиотеки 1664 г. содержится известие о том, что книга Тактикон, «даянье благовещенского попа Сильвестра и сына его Анфима», была отвезена в 1663 г. в Москву старцем Гурием Хрипуновым¹⁵. Скорее всего, речь идет об одной и той же рукописи, некогда принадлежавшей Сильвестру.

В работах исследователей упоминаются еще 17 кирилловских рукописей, которые обычно считаются принадлежавшими Сильвестру на основании кратких монастырских помет «Селивестровская» или «сборник Селиверстовской». Указание на бывшего владельца рукописи встречается и в описях монастырской библиотеки, однако не всегда, и в разных описях называются «Селиверстовскими» разные книги.

Далеко не все из них имеют отношение к нашему Сильвестру. Уже Н. Н. Розов показывал, что Псалтырь (ОР РНБ. Ф. 717. № 8/378) принадлежала не советнику Ивана IV, как считали А. А. Зимин и Е. Л. Немировский, а священнику Соловецкого монастыря с тем же именем. Не считал Н. Н. Розов «сильвестровскими» указанные Е. Э. Гранстрем Сборник (ОР РНБ. Ф. 351. № 521/778) и греческую Псалтырь XIV в., поскольку пометы на них были сделана иными почерками по сравнению с прочими рукописями Сильвестра¹⁶.

¹³ ОР РНБ. Ф. 351. № 518/775. Л. 1.

¹⁴ ОР ГИМ. Воскресенское собрание. № 87; *Костохина Л. М.* Записи XIII–XVIII вв. на рукописях Воскресенского монастыря // АЕ за 1960 год. М., 1962. С. 283–284, 286.

¹⁵ ОР РНБ. Ф. 487 (Собрание Н. М. Михайловского). Оп. 2. №299. Л. 129–129об.

¹⁶ *Розов Н. Н.* Библиотека Сильвестра (XVI в.). С. 199, 202.

Е. Э. Гранстрем отнесла к библиотеке Сильвестра Требник (ОР РНБ. Ф. 351. № 545/802) с пометой «Требник Селиверстовской». Но из другой записи в той же книге следует, что она была написана в монастыре в 1612 г. бывшим игуменом Сильвестром¹⁷. Этому же Сильвестру, по-видимому, принадлежала и созданная в начале XVII в. Псалтырь с записью «Псалтырь Селиверстовская», которую указали в числе книг нашего Сильвестра Е. Л. Немировский и Н. Н. Розов¹⁸. К последним отнес Н. Н. Розов и Служебную мишею (ОР РНБ. Ф. 351. № 381/638), хотя из библиотечной пометы на книге следует, что она являлась «даньем благовещенского попа Селивестра из Кеми».

Остаются, таким образом, 11 книг, все из которых имеют одинаковую помету, сделанную одним почерком, «Селиверстовская» или «Селиверстовской» – это Сборники с посланиями Сильвестра, Сборник «Масленик соборной», Шестоднев, Сборник проложного типа, три Четьих-мишей (за март, июль и октябрь), греческие Апостол, Псалтырь XVI в. и Евангелие апракос и, наконец, знаменитый пергаменный Сборник XIV в. со Сказанием о Борисе и Глебе¹⁹. Нам удалось обнаружить еще две книги (датируемые началом XVI в.) из кирилловской библиотеки с точно такими же пометами – Сборник поучений Кирилла Иерусалимского и Тактикон Никона Черногорца²⁰. Поскольку эти пометы имеются и на определенно принадлежавших Сильвестру книгах, наряду с вкладной записью (ОР РНБ. Ф. 728. № 1195; Ф. 351. № 518/775), то можно полагать, что владельцем перечисленных 13 книг следует считать нашего Сильвестра.

Однако это, видимо, далеко не все «Сильвестровские» рукописи. Опись 1635 г. указывает в их числе Просветитель Иосифа Волоцкого и Поучения Феодора Студита, а в описи 1664 г., помимо них, упоминаются как «сильвестровские» еще 5 томов Четьих-мишей, Скитский патерик и Сочинения Василия Нового. Возможно, конечно, не все они имели отношение к благовещенскому священнику, но проверить это невозможно. Судя по пометам в монастыр-

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 351. № 545/802. Л. 331. Этот Сильвестр был игуменом в 1604–1606 гг.

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 351. № 92/249; филигранны: Лихачев № 3303–3306 (1605–1606 гг.).

¹⁹ ОР РНБ. Ф. 728. № 1281; Ф. 351. № 44/1121, № 13/1252, 36/1275, 14/1263, 519/776, 1/126, 120/125; Ф. 728. № 78; Ф. 351. № 36/41; РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. № 53.

²⁰ ОР РНБ. Ф. 351. № 108/233; Ф. 728. № 1433.

ских описях, книги ветшали, раздавались по монастырским селам, продавались в Каргополе, наконец, отвозились в Москву, поэтому находка других «сильвестровских» рукописей не исключена. Таким образом, Сильвестра можно с достаточным основанием считать владельцем 22 кирилловских рукописей, а всего в составе московских и ленинградских хранилищ до нас дошло 32 книги, некогда принадлежавшие благовещенскому священнику.

Две книги Сильвестра (Толкование на Псалтырь Феодорита Кирского в списках середины XIV в.) оказались в библиотеке афонского сербского Хиландарского монастыря в качестве царской милостыни афонским монахам, полученной во время их визита в Москву в 1556 г.²¹

Редкий случай сохранности библиотеки одного из известнейших политических деятелей XVI в. дает некоторую возможность узнать побольше о его биографии. Леонид, а затем Н. Н. Розов обратили внимание на то, что большая часть книг Сильвестра сохранилась в составе Кирилловской библиотеки, но вкладные записи на них отсутствуют. Исследователи пришли к весьма вероятному выводу, что после опалы Сильвестр жил и умер в Кириллове, а его рукописи, как это полагалось по уставу, перешли в монастырскую библиотеку.

Из записей на книгах Сильвестра можно получить представление и о круге знакомств благовещенского священника: т.н. «Масленик соборной» (ОР РНБ. Ф. 351. № 519/776) был написан монахом Пименом – будущим архиепископом Новгородским, а две «сильвестровские» греческие книги – Псалтырь и Апостол – оказались автографами Максима Грека²². Вклад Сильвестра 1556 г. в Чудов монастырь представлял собой половину собрания Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна (беседы 1–43); вторую же половину в следующем году пожертвовал сам чудовский архимандрит Левкий, причем запись в обоих книгах сделана одним почерком (ОР ГИМ. Чудовское собрание. № 188. Л. 1–7; № 189. Л. 1–7).

Сообщают книги кое-что об интересах и занятиях их владельца: Сильвестр, как отметил Н. Н. Розов, знал греческий язык и, возможно, латинский. На основании данных Домостроя не раз

²¹ Курукин И. В. Новые данные о книгах библиотеки наставника Ивана Грозного и автора «Домостроя» Сильвестра. С. 28–29.

²² Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв. М., 1977. С. 47, 49.

говорили о большой книгописной мастерской Сильвестра; изучение сохранившихся книг проливает дополнительный свет не только на «издательскую», но и на собирательскую деятельность благовещенского священника. Из 34 книг Сильвестра только 19 (55,9%) датируются первой половиной XVI в., т.е. могут рассматриваться как возможно вышедшие из его мастерской; 12 – были созданы в XIV–XV вв., а оставшие 3 – написаны Пименом и Максимом Греком. В собрании Сильвестра присутствовали редкие и ценные книги – знаменитый лицевой список Сказания о Борисе и Глебе XIV в. и вышедшее, по мнению Е. Л. Немировского, из мастерской Дионисия, Евангелие²³.

Что же касается рукописей первой половины XVI в., то Н. Н. Розов отметил значительное разнообразие почерков, манер и стилей художественного оформления и пришел к выводу об отсутствии в мастерской Сильвестра сложившихся традиций книгописного дела – что, впрочем, было характерно и для монастырских скрипториев²⁴. Пожалуй, можно выделить лишь несколько рукописей (ОР ГИМ. Чудовское собрание. № 187, 188; ОР РНБ. Ф. 717. № 259; Ф. 351. № 35/150, а также обе книги из Хиландара), которые написаны на одной и той же бумаге.

Свидетельствуют, как нам кажется, рукописи Сильвестра и об известном участии их владельца в грандиозных культурных мероприятиях митрополита Макария. Сильвестру принадлежал один из двух известных списков XVI в. Толкования на Псалтырь Брунона Вюрцбургского, которое было переведено по поручению Макария Дмитрием Герасимовым в 1535 г. и включено в Великие Минеи-Четьи под 20 августа (ОР РНБ. Ф. 717. № 1039/1148). Также принадлежавший Сильвестру прекрасный лицевой Индикоплов относится к той же редакции, что и список, помещенный в августовском томе Софийского списка Великих Минеи-Четьих, и А. Ф. Бычков даже считал, что оба списка выполнены одним и тем же лицом²⁵. В Четьи-Минеи вошло и анонимное Сказание о Борисе

²³ ОР РНБ. Ф. 717. № 48/130; *Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания в Москве. С. 33.

²⁴ *Розов Н. Н.* Библиотека Сильвестра (XVI в.). С. 203; *Кукушкина М. В.* Монастырские библиотеки Русского Севера. С. 69.

²⁵ *Редин Е. К.* Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. М., 1916. Ч. 1. С. XIII–XIV; *Бычков А. Ф.* Каталог собрания славянско-русских рукописей П. Д. Богданова. С. 177; *Розов Н. Н.* Библиотека Сильвестра (XVI в.). С. 204.

и Глебе в той же «Сильвестровской» (по определению С. А. Бугославского) редакции, к которой принадлежал и список из Сильвестровского сборника XIV в., хотя редакторы Четых-Миней использовали не только этот, но и другие списки той же редакции²⁶.

Пергаменный Сильвестровский сборник XIV в. со Сказанием о Борисе и Глебе, как установили И. И. Срезневский и А. С. Орлов, приобрел настоящий вид в XVI в., когда был составлен из четырех отдельных частей, ранее принадлежавших другим рукописям, и хранился в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря. Тогда же в XVI в. с последней части этого сборника, включавшей лицевые Сказания о Борисе и Глебе, Откровение Авраама и Покаяние Киприана, была сделана копия, находящаяся ныне в сборнике с Толковой Палеей²⁷. Все эти совпадения, по нашему мнению, не случайны. Сильвестр – образованный книжник и специалист книгописного дела – несомненно, способствовал усилиям Макария по сбору и изданию «чтомой» на Руси литературы. Как конкретно протекало их сотрудничество, сейчас сказать трудно, но книги библиотеки Сильвестра ясно свидетельствуют о тесных отношениях их владельца и его книгописной мастерской с деятельностью митрополита.

Вопреки утверждениям о «фанатизме» и ограниченности их хозяина, они представляют нам весьма образованного человека, находившегося в самом центре культурной жизни своего времени. Обширная библиотека Сильвестра, на наш взгляд, позволяет говорить не только о существовании мастерской, но и о связях Сильвестра с кругом образованных людей, той средой, где воплощались замыслы выдающихся культурных начинаний середины XVI в.

²⁶ Бугославський С. А. Україно-руські пам'ятки XI–XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. К., 1928. С. X, 72; Жуковская Л. П. Лингвистические данные в текстологических исследованиях // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 18.

²⁷ ОР ГИМ. Музейское собрание. №1197. Л. 389–498. А. В. Поппэ датирует сборник первой четвертью XVI в. (Поппэ А. В. О роли иконографических изображений в изучении литературных произведений о Борисе и Глебе. С. 28).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ – Акты Археографической экспедиции;
АЕ – Археографический ежегодник;
АИ – Акты исторические;
БАН – Библиотека Академии наук СССР;
БРАН – Библиотека Российской академии наук СССР (ранее – БАН – Библиотека академии наук СССР);
ВВ – Византийский временник;
ВИ – Вопросы истории;
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры;
Гераклитов – Гераклитов А. А. Филигрani XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М.: Изд-во АН СССР, 1963;
ГИМ – Государственный исторический музей;
ГММК – Государственные музеи московского Кремля;
ДАИ – Дополнения к актам историческим;
ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения;
ИА – Исторический архив;
ИЗ – Исторические записки;
ИИ – Институт истории СССР;
ИОРЯС – Известия отделения русского языка и словесности императорской Академии наук;
ИРЯС – Известия по русскому языку и словесности АН СССР;
ИСССР – История СССР;
ЛЗАК – Летопись занятий Археографической комиссии;
Лихачев – Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. I–III;
ЛОИИ – Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР;
МАО – Московское археологическое общество;

МГИАИ – Московский государственный историко-архивный институт (ныне в составе Российского государственного гуманитарного университета);
Научно-исследовательский архив СПбИИ РАН;
ОР ГБЛ – Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ныне – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки);
ОР ГПБ – Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина;
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ранее – ОР ГБЛ);
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ранее – ОР ГПБ);
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей;
РАН – Российская академия наук (ранее – АН СССР);
РГАДА – Российский государственный архив древних актов (ранее – ЦГАДА);
РИБ – Русская историческая библиотека;
РИО – Русское историческое общество;
СА – Советские архивы;
СПБИИ РАН – Санкт-Петербургский институт истории РАН (ранее – Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР);
СС – Советское славяноведение;
ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР;
Тромонин – Тромонин К. Я. Изъяснения знаков, видимых в писчей бумаге. М., 1844;
УЗ АЗГУ – Ученые записки Азербайджанского государственного университета;
УЗ ЛГПИ – Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института;
УЗ МГУ – Ученые записки Московского государственного университета;
ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов;
ЧОИДР – Чтения в обществе истории и древностей российских;
Briquet – Briquet C. M. Les filigranes. Geneve, 1907. Vol. I–IV;
Churchill – Churchill W. A. Watermarks in Paper in Holland, England, France etc. in the XVII and XVIII Centuries. Hilversum, 1950.

ЛИТЕРАТУРА

I. Произведения основоположников марксизма-ленинизма

Маркс К. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. 1945. Т. 8.

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 125–346.

Ленин В. И. Предисловие к брошюре «Докладная записка директора департамента полиции Лопухина» // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 9. С. 331–334.

Ленин В. И. Речь, произнесенная от имени РСДРП на похоронах Поля и Лауры Лафарг // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 20. С. 387–388.

II. Источники

1) Архивные:

Архив ЛОИИ (Научно-исследовательский архив СПбИИ РАН)

Коллекция актовых книг Археографической комиссии. Колл. 2: № 125, 128, 130, 137, 147, 152;

Коллекция рукописных книг (Колл. 115): № 1074.

Отдел рукописной и редкой книги БАН СССР

Основное собрание (Ф. 31): 24.5.32;

Собрание Александрo-Свирского монастыря (Ф. 3): № 55.

Отдел рукописей ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне РНБ)

Основное собрание (Ф. 560): F. IV. № 683; F. XVII. № 38. Q. XVIII.

№ 8;

Кирилло-Белозерское собрание (Ф. 351): № 1/126, 4/9, 6/131, 13/1252, 14/1263, 35/160, 36/41, 36/1275, 44/1121, 53/178, 71/1310, 78/1317, 87/1325, 92/349, 95/1332, 108/233, 112/237, 120/125, 381/638, 518/775, 519/776, 545/802, 757/1014;

Соловецкое собрание (Ф. 717): № 48/130, 159/159, 160/160, 165/165, 259/259, 521/851, 761/871, 857/967, 1039/1148;

Софийская библиотека (Ф. 728): № 78, 1152, 1195, 1255, 1281, 1424, 1433;

Собрание М. П. Погодина (Ф. 588): № 744, 1558, 1564, 1567;

Собрание Н. М. Михайловского (Ф. 488): Q. 299.

Архив Музея истории религии и атеизма

Колл. 3. Оп. 1. № 387, 409.

Отдел рукописей ГБЛ им. В. И. Ленина (ныне РГБ)

Собрание Волоколамского монастыря (Ф. 113): № 83;

Собрание Е. Е. Егорова (Ф. 98): № 124;

Собрание Московской духовной академии (Ф. 173): Оп. 1. № 198;

Рогожское собрание (Ф. 247): № 747;

Собрание Н. П. Румянцева (Ф. 256): № 89;

Собрание Н. С. Тихонравова (Ф. 299): № 629;

Собрание Троице-Сергиева монастыря (ф. 304): № 673;

Собрание В. М. Ундольского (Ф. 310): Оп. 2. № 593, 614.

Отдел рукописей ГИМ

Собрание Е. В. Барсова: № 758;

Собрание Воскресенского монастыря: № 87;

Епархиальное собрание: № 432/14, 944, 950, 951;

Музейское собрание: № 1197;

Синодальное собрание: № 30/401, 935/321, 997;

Собрание Чудова монастыря: № 187/17, 188/18, 189/19;

Собрание А. С. Уварова: № 31/1388, 40/1868.

ЦГАДА (ныне РГАДА)

Собрание М. А. Оболенского (Ф. 201). Оп. 1. № 161;

Оружейная палата (Ф. 396): Оп. 1. Ч. 10. № 13772;

Рукописный отдел Библиотеки Московской синодальной типографии (Ф. 381): № 53;

Сношения России с Грецией (Ф. 52): Оп. 1. № 1; Оп. 4. № 2;

Сношения России с Данией (Ф. 53): Оп. 1. № 1;
Соловецкий монастырь (Ф. 1201): Оп. 1. № 256.

2) Опубликованные:

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841, Т. 1.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической комиссией. СПб., 1836. Т. 1.

Барсов Е. В. Древнерусские памятники венчания царей на царство // ЧОИДР. 1883. Кн. 3. Отд. 1. С. 1–160.

Барсов Н. И. Из неизданных памятников церковного учительства древней Руси // Христианское чтение. 1871. № 3. Приложение. С. 1–40.

Белокуров С. А. Библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады 1676 г. // ЧОИДР. 1887. Кн. I. Отд. V. С. 1–80.

Голохвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания // ЧОИДР. 1874. Кн. I. Отд. I. С. 69–107 (публикация посланий Сильвестра).

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. 1.

Дружинин В. Г. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI в. // ЛЗАК за 1908 г. СПб., 1909. Вып. 21. С. 1–117.

Забелин И. Е. Материалы для истории, статистики и археологии московских церквей. М., 1884. Вып. 1.

Заметка для истории Стоглава // Летописи русской литературы и древности. СПб., 1863. Кн. 5. С. 137–143.

Зимин А. А. Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. М.: ИИ СССР, 1978. Вып. 1–3.

Кукушкина М. В. Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. // АЕ за 1971 г. М.: Наука, 1972. С. 341–356.

Кунцевич Г. З. Сказание о последних днях жизни митрополита Макария. СПб., 1910.

Курбский А. М. Сочинения // Русская историческая библиотека. СПб., 1914. Т. 31.

Леонид (Кавелин Л. А.) Махрищский монастырь. Синодик и вкладная книга. СПб., 1878.

Мадиссон Ю. К. Посольство И. Гофмана в Ливонию и Русское государство в 1559–1560 г. // Исторический архив. 1957. № 6. С. 131–142.

Максим Грек. Сочинения. Казань, 1860. Т. 1–2.

Московские соборы на еретиков XVI в. // ЧОИДР. 1847. Кн. 3. Отд. II. С. 1–30.

Никольский А. И. Сказание об обретении честных мошей святителя Никиты новгородского чудотворца // ИОРЯС. 1905. Т. 10. Кн. 2. С. 1–17.

Опись книгам, в степенных монастырях находившимся // ЧОИДР. 1848. Кн. 6. Отд. 1. С. 1–44.

Опись царских палат Золотой и Грановитой 1672 г. // *Забелин И. Е.* Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей. М., 1884. Вып. 1. С. 1238–1255.

Бартенев С. П. Московский Кремль в старину и теперь. М., 1916. Т. 2. С. 183–193.

Палаузов С. Н. Грамота старцев Хиландарского монастыря к царю Ивану Васильевичу Грозному. СПб., 1861.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. текст Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. Под ред. Д. С. Лихачева. М.: Наука, 1979.

Полное собрание русских летописей. 1853. Т. 6; 1906. Т. 9; 13; 1908. Т. 21; 1965. Т. 29; 1978. Т. 34.

Послание к старице Александре волоколамского инока Фотия // ЛЗАК за 1861 г. СПб., 1862. Вып. 1. С. 22–33.

Послания Ивана Грозного / Подг. текст Д. С. Лихачев и Я. С. Лурье. Под ред. В. П. Андриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951.

Послания Иосифа Волоцкого / Подг. текст А. А. Зимин и Я. С. Лурье. Под ред. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959.

Розыск или список о богохульных строках и о сумнении святых честных икон диака Ивана Михайлова сына Висковатого // ЧОИДР. 1858. Кн. 2. Отд. III. С. 1–42.

Сборник Русского исторического общества. 1887. Т. 59; 1910. Т. 129.

Севастьянова А. А. Записки Джерома Горсея о России в конце XVI – начале XVII в. // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М.: МГПИ, 1974. С. 63–124.

Смирнов С. И. Житие преподобного Даниила переяславского чудотворца. М., 1908.

Старые синодики Соловецкого монастыря // Архангельские епархиальные ведомости. 1901. № 6. С. 167–183.

Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки / Подг. текст Н. Н. Покровский. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1971.

Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. / Подг. текст А. А. Зимин. М.: Изд-во АН СССР, 1950.

Успенский Ф. И. Синодик в неделю православия. Сводный текст с комментариями. Одесса, 1893.

Чумиков А. А. Дневник ливонских послов к царю Ивану Васильевичу // ЧОИДР. 1886. Кн. 4. Отд. V. С. 5–18.

Щербатов М. М. Царственная книга, то есть Летописец царствования царя Иоанна Васильевича, от 7042 году до 7061. СПб., 1769.

Щербачев Ю. Н. Русские акты Копенгагенского государственного архива // Русская историческая библиотека. СПб., 1897. Т. 16.

Щербачев Ю. Н. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории // ЧОИДР. 1915. Кн. 4. Отд. II. С. 1–320.

Bionemann F. Briefe und Urkunden zur Geschichte Idvlande in den Jahren 1558–1562. Riga, 1865–1873. Bd. I–IV.

Hansen H. Ergazendo Nachrichten zur Geschichte der Stadt Narva vom Jahre 1558. Narva, 1864.

Schirren C. Quellen zur Geschichte des untergange Livlandischer Selbständigkeit. Reval, 1861–1862, Bd. I–II.

III. Исследования

Абрамович Д. И. Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека. СПб., 1910. Вып. 3.

Алексеев М. П. Явления гуманизма в литературе и публицистике Древней Руси (XVI–XVII вв.). М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Альшиц Д. Н. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г. // ИЗ. 1948. Т. 25. С. 266–292.

Альшиц Д. Н. Крестоцеловальные записи В. А. Старицкого и последнее завещание Ивана Грозного // ИСССР. 1959. № 4. С. 147–148.

Андреев Н. Е. О деле дьяка Висковатого // Seminarium Kondakovianum Прага. 1932. Т. 5. С. 191–241.

Андреев Н. Е. Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного // ТОДРЛ. 1962. Т. 18. С. 117–148.

Арцыбашев Н. С. О свойствах царя Иоанна Васильевича // Вестник Европы. 1821. Ч. 120. С. 126–141.

Барсов Н. И. Рец. на кн.: Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1878 // Церковный вестник. 1879. № 8. С. 10–11.

Барсов Н. И. К вопросу об авторстве «Послания к царю Ивану Васильевичу» Сильвестровского сборника С.-Петербургской духовной академии // Сборник Археологического института. СПб., 1880. Т. 4. С. 90–130.

Бахрушин С. В. «Избранная Рада» Ивана Грозного // ИЗ. 1945. Т. 15. С. 29–56.

Бахрушин С. В. Иван Грозный // Бахрушин С. В. Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. II. С. 256–328.

Бегунов Ю. К. «Слово иное» – новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви // ТОДРЛ. 1964. Т. 20. С. 351–364.

Белов Е. А. Об историческом значении русского боярства. СПб., 1886.

Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб., 1885. Ч. II.

Богусевич В. А. Литейный мастер Михаил Андреев // Новгородский исторический сборник. Л.: Изд-во Облоно, 1937. Вып. 2. С. 83–104.

Борисов А. М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI–XVII вв. Петрозаводск: Карельское книжное изд-во, 1966.

Будовниц И. У. Русская публицистика XVI в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.

Будовниц И. У. Иван Грозный в русской исторической литературе // ИЗ. 1947. Т. 21. С. 271–330.

Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. М.: Наука, 1966.

Бугославський С. А. Україно-Руські пам'ятки XI–XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. К.: Изд-во ВУАН, 1928.

Буслаев Ф. И. Для истории русской живописи XVI в. // *Буслаев Ф. И.* Сочинения: В 2 т. СПб., 1910. Т. 2. С. 286–343.

Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882.

Бычков А. Ф. Каталог собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова. СПб., 1891. Вып. 1.

Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916.

Васенко П. Г. Книга Степенная царского родословия. СПб., 1904.

Васенко П. Г. Составные части книги Степенной царского родословия. СПб., 1908.

Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.: Наука, 1975.

Винтер Р. Ю. Иван Грозный. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1944.

Голейзовский Н. К. Два эпизода из деятельности архиепископа Геннадия // ВВ. 1980. Т. 41. С. 125–140.

Голохвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания // ЧОИДР. 1874. Кн. 1. Отд. I. С. 1–110.

Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1900–1911. Т. 2. Ч. I–II.

Гольдберг А. Л. Три послания Филофея (опыт текстологического анализа) // ТОДРЛ. 1974. Т. 29. С. 68–97.

Гольдберг А. Л. Отражение историко-политических идей русской письменности в западно-европейской печати // Рукописная и печатная книга. М.: Наука, 1975. С. 127–138.

Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей московской синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. II. Ч. 3.

Горский С. Жизнь и историческое значение кн. А. М. Курбского. Казань, 1858.

Гранстрем Е. Э. Чернец Малахия Философ // АЕ за 1962 г. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 69–70.

Гриценко З. А. Литературные памятники о княгине Ольге XII–XVII вв. (История текста, становление жанров, стиль): Автореф. Дис. ... канд. фил. наук. М., 1979.

Демин А. С. Об одном письмовнике XVI в. // УЗ АзГУ. История и философия, 1964. № 5. С. 91–97.

Дианова Т. В., Костюхина Л. М. Водяные знаки рукописей России XVII в. М.: ИИ СССР, 1980.

Дмитриевский А. А. Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории. Киев, 1899.

Довнар-Запольский М. В. Время царя Ивана Грозного // Русская история в очерках и статьях. М., 1910. Т. II. С. 155–223.

Довнар-Запольский М. В. Московские гуманисты и обскуранты XVI в. // Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1910. Ч. 1. Вып. 2. С. 22–57.

Дорошенко В. В. Торговля крупного таллиннского купца в XVI в. // Известия АН ЭССР. общественные науки. 1969. Т. 18. № 4. С. 332–345.

Дружинин В. Г. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI в. // ЛЗАК за 1906 г. 1909. Вып. 21. С. 104–106.

Евгений. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-российской церкви. СПб., 1827. Ч. I–II.

Евсеев И. Е. Описание рукописей, хранящихся в орловских древлехранилищах. Орел, 1906. Вып. II.

Егерев В. В. Стены Казанского кремля и работы по ремонту их // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников Татарской АССР. Казань: Татгосиздат, 1928. Вып. 2. С. 62–77.

Егоров В. В. Стены Казанского кремля и работы по ремонту их // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников Татарской АССР. Казань: Татгосиздат, 1928. Вып. 2. С. 62–77.

Ефимов Н. И. «Русь – Новый Израиль». Из этюдов по истории русского церковно-политического сознания. Казань, 1912. Вып. 1.

Жданов И. Н. Материалы для истории Стоглавого собора // *Жданов И. Н.* Сочинения. СПб., 1904. Т. I. С. 171–272.

Жмакин В. И. Митрополит Даниил и его сочинения // ЧОИДР. 1881. Кн. 2. Отд. I. С. 257–762.

Жуковская Л. П. Лингвистические данные в текстологических исследованиях // Изучение русского языка и источниковедение. М.: Наука, 1969. С. 3–39.

Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1895. Т. I. Ч. I.

Замысловский Е. Е. Рец. на кн. Д. П. Голохвастова и Леонида // Сборник государственных знаний. СПб., 1875. Т. II. С. 123–138.

Засуцзинский К. Макарий митрополит всея России // ЖМНП. 1881. № 10. С. 209–259.

Зимин А. А. К изучению источников Степенной книги // ТОДРЛ. 1957. Т. 13. С. 225–230.

Зимин А. А. И. Пересветов и его современники. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI века. М.: Соцэкгиз, 1960.

Зимин А. А. Колычевы и русское боярство // АЕ за 1963 г. М.: Наука, 1964. С. 56–71.

Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М.: Наука, 1977.

Знаменский П. В. Руководство к русской церковной истории. Казань, 1888.

Иаков. Извлечения из архивных дел и книг Кириллова Белозерского монастыря // Древности. Труды МАО. М., 1880. Т. 8. С. 135–154.

Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Л.: Наука, 1969.

Иванов А. И. Максим Грек и итальянское Возрождение // ВВ. 1973. Т. 35. С. 119–136.

Ивановский Я. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь. СПб., 1882.

Иконников В. С. Рец. на кн. Д. П. Голохвастова и Леонида // Университетские известия. 1875. № 8. С. 233.

Иконников В. С. Максим Грек и его время. Киев, 1915.

История русского искусства / Под ред. И. Э. Грабаря. М., 1909. Т. 6.

История русского искусства. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3.

История СССР / Под ред. В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина. М.: Соцэкгиз, 1939. Т. 1.

История СССР с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1966. Т. II.

История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Высшая школа, 1975.

История Эстонской ССР / Под ред. А. В. Вассара и Г. А. Наана. Таллин: Эстгосиздат, 1961. Т. 1.

Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Казакова Н. А. О «судном списке» Максима Грека // АЕ за 1966 г. М.: Наука, 1968. С. 25–36.

Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли. Л.: Наука, 1970.

Калугин Ф. Зиновий, инок Отенский, и его богословско-полемические и церковно-учительные произведения. СПб., 1894.

Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1817–1821. Т. 8–9.

Капитанов С. М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI века. М.: Наука, 1967.

Кизеветтер А. А. Иван Грозный и его оппоненты. М., 1898.

Кислягина Л. Г. Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина. М.: Изд-во МГУ, 1976.

Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М.: Наука, 1980.

Ключевский В. О. Древнерусские жития святых, как исторический источник. М., 1871.

Ключевский В. О. Курс русской истории. М: Соцэкгиз, 1937. Ч. II.

Кобрин В. Б. Рец. на кн.: Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI в. М., 1958 // ВИ. 1960. № 1. С. 151–158.

Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 г. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 16–91.

Колчин М. А. Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX столетиях. М., 1908.

Кондаков Н. П. Иконография Богоматери // Иконописный сборник. СПб., 1910. Вып. 4.

Кононов Н. И. Разбор некоторых вопросов, касающихся Стоглава // Богословский вестник. 1904. № 4. С. 663–701.

Корецкий В. И. О земельных владениях Адашевых // Исторический архив. 1962. № 6. С. 119–137.

Корецкий В. И. Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины // ВИ. 1967. № 5. С. 32–50.

Королюк В. Д. Ливонская война. М.: Изд-во АН СССР, 1954.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. 5-е изд. СПб., 1907. Т. I.

Костюхина Л. М. Записи XIII–XVIII вв. на рукописях Воскресенского монастыря // АЕ за 1960 г. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 273–290.

Круус Х. Х. Рец. на кн.: Svensson S. Den merkentila backgrunden till Russlands onfall pa den Livlandska ordensstaten 1558. Lund, 1951 // ВИ. 1958. № 1. С. 177–182.

Круус Х. Х. «Балтийский вопрос» в XVI в. в зарубежной исторической литературе // ВИ. 1959. № 6. С. 108–119.

Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII в. Л.: Наука, 1977.

Курукин И. В. Данные источников о «нестяжательстве» Сильвестра // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. М.: МГИАИ, 1980. С. 43–45.

Курукин И. В. Заметки о «нестяжательстве» и «иосифлянстве» // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР. (Досоветский период). М.: ИИ СССР, 1981. С. 57–76.

Курукин И. В. К изучению источников о начале Ливонской войны и деятельности правительства Сильвестра и Адашева // Исследования по источниковедению и специальным историческим дисциплинам. Период феодализма. М.: ИИ СССР, 1981.

Курукин И. В. Новые сведения монастырских архивов о Сильвестре // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М.: ИИ СССР, 1979. С. 63–73.

Курукин И. В. Сильвестр и составление жития Ольги Степенной книги // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М.: ИИ СССР. 1978. С. 51–60.

Кучкин В. А. О формировании великих Миней-Четий митрополита Макария // Проблемы рукописной и печатной книги. М.: Наука, 1976. С. 86–101.

Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Лазарев В. Н. Об одной новгородской иконе и ереси антитринитариев // Культура Древней Руси. М.: Наука, 1966. С. 101–111.

Лебедев Н. И. Макарий, митрополит всероссийский. М., 1877.

Леонид. Жизнь св. Филиппа митрополита Московского и всея России. М., 1861.

Леонид (Л. А. Кавелин). Систематическое описание в 4-х частях с 13 снимками славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1894. Ч. IV.

Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М.: Изд-во МГУ, 1961.

Лиги Х. М. Рец. на кн.: Rasmussen K. Die Idvlandische Krise 1554–1561. Kobenhavn, 1973 // Скандинавский сборник. 1975. Т. 20. С. 214–218.

Лилов А. И. Библиотека Соловецкого монастыря // Православный собеседник. 1859. Ч. I. С. 199–221.

Лихачев Д. С. Сравнительное изучение литературы и искусства Древней Руси // ТОДРЛ, 1966. Т. 22. С. 3–10.

Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970.

Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв. Л.: Наука, 1973.

Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. I–II.

Лурье Я. С. Элементы Возрождения на Руси в конце XV – первой половине XVI в. // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М.: Наука, 1967. С. 183–211.

Лурье Я. С. О некоторых принципах критики источников // Источниковедение отечественной истории. М.: Наука, 1973. Вып. 1. С. 78–100.

Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. II.

Макарий. История русской церкви. СПб., 1891. Т. 6, 7.

Малинин В. Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.

Милютин В. А. О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1962.

Михайловский Б. В., Пуришев Б. И. Очерки истории древнерусской монументальной живописи. М.; Л.: Искусство, 1941.

Мнева Н. Е. Искусство Московской Руси. М.: Искусство, 1965.

Мнева Н. Е. Стенопись Благовещенского собора московского Кремля 1508 г. // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств в XIV–XVI вв. М.: Наука, 1970. С. 174–206.

Моисеева Г. Н. Валаамская беседа – памятник русской публицистики середины XVI в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

Моисеева Г. Н. Об идеологии нестяжателей // ИСССР. 1961. № 2. С. 88–101.

Морозов В. В. Царственная книга как памятник летописания XVI века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.

Морозов С. А. Летописные повести по истории России 30–70-х гг. XVI в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1978.

Муравьев А. Н. История российской церкви. СПб., 1838.

Назаров В. Д. Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI в. // ИСССР. 1976. № 3. С. 76–96.

Неволин Ю. А. Три лицевые рукописи XVI в., оформление кремлевским мастером – знатоком и интерпретатором западно-европейской гравюры // Конференция по истории средневековой письменности и книги: Тезисы докладов. Ереван, 1977. С. 67–69.

Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. М.: Книга, 1964.

Николаевский П. Ф. Русская проповедь в XV–XVI вв. // ЖМНП. 1868. № 2. С. 298–389.

Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до II четверти XVII в. СПб., 1897–1910. Т. I. Вып. I–II.

Новицкий Г. А. Новые известия из истории дипломатической борьбы во время Ливонской войны // Вестник МГУ. История. 1963. № 3. С. 37–38.

Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России (Изыскания о земской реформе Ивана Грозного). М.: Наука, 1969.

Овчинникова Е. С. Повесть о царице Динаре в русском изобразительном искусстве // ТОДРЛ. 1966. Т. 22. С. 228–238.

Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881–1898. Ч. 1–3.

Орлов А. С. Библиотека Московской синодальной типографии. М., 1896. Ч. I. Вып. I.

Орлов А. С. К вопросу о начале книгопечатания в России // Иван Федоров первопечатник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 9–26.

Орлов А. С. Древняя русская литература. М.: Изд-во АН СССР, 1945.

Острогорский Г. А. Соединение вопроса о св. иконах с христологической догматикой в сочинениях православных апологетом раннего периода иконоборчества // Seminarium Kondakovianum. 1927. Вып. I. С. 35–48.

Очерки русской культуры XVI в. / Под ред. А. В. Арциховского. М.: Изд-во МГУ, 1977. Ч. II.

Павленко Н. И. Источниковедческие аспекты построения биографий исторических деятелей XVII–XVIII века // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальные исторические

дисциплины и их преподавание в вузах: Тез. докл. III Всесоюзной конференции. М., 1979.

Павлов А. С. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871.

Петров Н. И. Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве. М., 1892–1896. Вып. 1–2.

Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М.: Соцэкгиз, 1937.

Плеханов Г. В. История русской общественной мысли // *Плеханов Г. В.* Сочинения. М., Госиздат, 1925. Т. 20.

Плешкова С. Л. К истории купеческого капитала во Франции. М.: Изд-во МГУ, 1977.

Погодин М. П. О характере Иоанна Грозного // Историко-критические отрывки. М., 1846. Т. 1. С. 225–271.

Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции. М., 1850. Т. 4.

Погодин М. П. Царь Иван Васильевич Грозный // Историко-критические отрывки. М., 1867. Т. 2. С. 173–196.

Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV. М.: Наука, 1972.

Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. М.: Соцэкгиз, 1933. Т. 1.

Попов А. Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875.

Попов Г. В. Живопись и миниатюра Москвы середины XV – начала XVI в. М.: Искусство, 1975.

Поптэ А. В. О роли иконографических изображений в изучении литературных произведений о Борисе и Глебе // ТОДРЛ. 1966. Т. 22. С. 24–45.

Поука Х. О возможном польском источнике Домостроя // Scando-slavica. 1966. Т. 12. С. 119–122.

Поука Х. О соответствиях в Домострое, Стоглаве и книге Миколая Рея «Fywot czlowieka poczciwego» // Scando-slavica. 1970. Т. 16. С. 181–188.

Пресняков А. Е. Рец. на кн.: Платонов С. Ф. «Иван Грозный». Пг., 1923 // Века. Исторический сборник. Пг.: Наука и школа, 1924. С. 179–182.

Приклонский А. Соловецкий монастырь. Исторический очерк // Материалы Соловецкого отделения Архангельского общества краеведения. Соловки, 1926. Вып. 1. С. 15–33.

Пронштейн А. П. Великий Новгород в XVI в. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1957.

Протасьева Т. Н. Первые издания московской печати в собрании ГИМ // Труды ГИМ. Памятники культуры, 1955. Вып. 15.

Протасьева Т. Н. Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск: Наука, 1980.

Редин Е. К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческих и русским спискам. М., 1916. Ч. I.

Ретковская Л. С. Смоленский собор Новодевичьего монастыря // Труды ГИМ. Памятники культуры, 1954. Вып. 14.

Ретковская Л. С. О появлении и развитии композиции «Отечество» в русском искусстве XIV–XV вв. // Древнерусское искусство XV – начало XVI в. М.: Изд-во АН СССР. 1963. С. 235–256.

Ржига В. Ф. Опыты по истории русской публицистики XVI в. Максим Грек как публицист // ТОДРЛ. 1934. Т. I.

Рогов А. И. «Повесть об Исидоре Юрьевском» как исторический источник и памятник русской публицистики периода Ливонской войны // Славяно-германские культурные связи и отношения. М.: Наука, 1969. С. 313–327.

Рогов А. И. Связи Руси с Балканскими странами в области изобразительного искусства в XVI–XVII вв. // СС. 1976. № 3. С. 57–65.

Рождественская Л. А. Новгородский кремль. Путеводитель. Л.: Лениздат, 1980.

Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Пг.; М.: Книга, 1922. Т. 4.

Розов Н. Н. Библиотека Сильвестра // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М.: Наука, 1966. С. 191–205.

Романов Б. А. О полном холопе и сельском попе в Судебнике Ивана Грозного // Б. Д. Грекову ко дню 70-летия. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 140–145.

Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XII–XVII вв. М.: Высшая школа, 1969.

Сахаров А. М. Образование единого Российского государства и идейное воздействие церкви на этот процесс // Вопросы научного атеизма. 1976. Вып. 20. С. 170–189.

Сахаров А. М., Муравьев А. В. Очерки русской культуры IX–XVII вв. М.: Учпедгиз, 1962.

Сергий. Московский благовещенский священник Сильвестр как государственный деятель // ЧОИДР. 1893. Кн. 1. Отд. I. С. 1–75.

Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и текст // ЧОИДР. 1915. Кн. 3. отд. II, С. 1–296.

Сизов Е. С. Русские исторические деятели в росписях Архангельского собора и памятниках письменности XVI в. // ТОДРЛ. 1966. Т. 22. С. 264–276.

Синицына Н. В. Максим Грек в России. М.: Наука, 1977.

Скрынников Р. Г. Начало опричнины // УЗ ЛГПИ. 1966. Т. 294.

Скрынников Р. Г. Опричный террор // УЗ ЛГПИ. 1969. Т. 374.

Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М.: Наука, 1975.

Смирнов И. И. Иван Грозный. Л.: Госполитиздат, 1944.

Смирнов И. И. Иван Грозный и боярский «мятеж» 1553 г. // ИЗ. 1953. Т. 43. С. 150–181.

Смирнов И. И. Очерки политической истории русского государства 30–50-х гг. XVI в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

Смирнов С. И. Древнерусский духовник // ЧОИДР. 1914. Кн. 2. Отд. III. С. 1–283.

Соболевский А. И. Рец. на кн.: Васенко П. Г. Книга Степенная царского родословия. СПб., 1904 // Отчет о присуждении премий имени графа Д. А. Толстого в 1906 г. СПб., 1907. С. 7–14.

Соболевский А. И. Поп Сильвестр и Домострой // ИРЯС. 1929. Т. 2. Кн. 1. С. 187–202.

Сокольский В. Д. Участие русского духовенства и монашества в развитии единой державы и самодержавия в Московском государстве в конце XV и первой половине XVI в. Киев, 1902.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: Соцэкгиз, 1960. Кн. 3.

Соловьев С. М. Записки для детей моих и если можно и для других. Пг., 1915.

Срезневский И. И. Сказание о св. Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV в. СПб., 1860.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. 3.

Стефанович Д. Ф. О Стоглаве. Его происхождение, редакции и состав. СПб., 1909.

Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877.

Строев П. М. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввино-Сторожевского и Пафнутьева-Боровского. СПб., 1891.

Сухотин Л. М. Иван Грозный до начала опричнины. Белград, 1940.

Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане // Известия ГАИМК. 1935. Вып. 127.

Тихомиров М. Н. Записи XIV–XVII вв. на рукописях Чудова монастыря // АЕ за 1958 г. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 11–36.

Тихомиров М. Н. Начало книгопечатания в России // *Тихомиров М. Н.* Русская культура X–XVIII вв. М.: Наука, 1968. С. 292–320.

Тихомиров М. Н. Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XVI – начала XVII в. // *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М.: Наука, 1979. С. 232–246.

Толстой М. В. Рассказы из истории русской церкви. М., 1899.

Тьерри А. Св. Иоанн Златоуст и императрица Евдоксия. М., 1884.

Уваров К. А. Князь А. М. Курбский – писатель. (История о великом князе Московском) Автореф. Дис. ... канд. фил. наук. М., 1973.

Уо Д. К. К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева // ТОДРЛ. 1976. Т. 30. С. 187–203; 1977. Т. 32. С. 133–164.

Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь. М., 1910. Т. 2.

Успенский Л. А. Роль московских соборов XVI в. в церковном искусстве // Вестник русского западноевропейского патриаршего экзархата. 1968. № 64. С. 217–250.

Успенский Ф. И. Синодик в неделю православия. Сводный текст с комментариями. Одесса, 1893.

Филарет. Обзор русской духовной литературы. СПб., 1884. Т. 1.

Финдейзен Н. Ф. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Госиздат, 1928. Т. I.

Флоря Б. Н. Проект антитурецкой коалиции середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XVI–XVIII вв. М.: Наука, 1979. С. 71–86.

Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв. М.: Наука, 1977.

Фруменков Г. Г. Узники Соловецкого монастыря. Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1979.

Хорошкевич А. Л. Значение экономических связей с Прибалтикой для развития северо-западных русских городов в конце XV – начале XVI в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига: Зинатне, 1968. С. 13–31.

Хорошкевич А. Л. История государственности в публицистике времен централизации // Общество и государство феодальной России. М.: Наука, 1975. С. 114–124.

Церковь в истории России. М.: Наука, 1967.

Шаскольский И. П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // Международные связи России до XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 376–399.

Шевырев С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Ваканционные дни профессора С. Шевырева в 1847 г. М., 1850. Ч. 1–2.

Шестаков С. П. Византийский тип Домостроя и черты сходства с Домостроем Сильвестра // ВВ. 1901. Т. 8. Вып. 1–2. С. 38–63.

Шляпкин И. А. Рец. на кн.: Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия». СПб., 1904 // ЖМНП. 1905. № 9. С. 151–157.

Шмидт С. О. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева и восточная политика Русского государства в середине XVI столетия: Автореф. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1949.

Шмидт С. О. Челобитенный приказ в середине XVI столетия // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1950. Т. 7. Вып. V. С. 445–458.

Шмидт С. О. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева // УЗ МГУ. 1954. Вып. 167. С. 25–54.

Шмидт С. О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549 гг.) // Труды МГИАИ. 1954. Т. 6. С. 187–257.

Шмидт С. О. Вопросы истории России XVI в. в новой исторической литературе // Советская историческая наука от XX и XXII съезду КПСС. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 91–136.

Шмидт С. О. О дьячестве в России середины XVI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 181–190.

Шмидт С. О. Когда и почему редактировались Лицевые летописи Ивана Грозного // СА. 1966. № 2. С. 46–51.

Шмидт С. О. К изучению «Истории» князя Курбского (о поучении попа Сильвестра) // Славяне и Русь. М.: Наука, 1968. С. 366–374.

Шмидт С. О. О послании Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь (Постановка вопроса) // ТОДРЛ. 1969. Т. 24. С. 163–180.

Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М.: Мысль, 1973.

Шмидт С. О. Исследование Н. Н. Зарубина «Библиотека Ивана Грозного и его книги» // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописей и редкой книги БАН СССР. Л.: Наука, 1978. С. 37–53.

Шпаков А. Я. Государство и церковь в их взаимоотношениях в Московском государстве. Одесса, 1912.

Шурыгин Я. Н. Канон и его преодоление в искусстве Древней Руси // Культура и религия // Сборник трудов Государственного музея истории религии и атеизма. Л., 1977. С. 61–92.

Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1786. Т. 5. Ч. 1–2.

Бюзов Л. А. Миссия Исаяи и Остафий Волович // СС. 1975. № 2. С. 73–81.

Ясинский А. Н. Сочинения князя Курбского как исторический материал. К., 1889.

Andreev N. E. Studies in Muscovy. Western Influence and Byzantine Inheritance. L., 1970.

Angermann N. Studies zur Livlandpolitik Ivan Groznyjs. (Marburger Ostforschungen. Bd. 32). Marburg; Lahn, 1972.

Богдановић Д. Каталог кирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978.

Donnert E. Der Idfländischer Ordensritterstaat und Russland. B., 1963.

Grobovsky A. The «Chosen Council» of Ivan IV: a Reinterpretation. Brooklyn, 1969.

Matl J. Europa und die Slaven. Wiesbaden, 1964.

Norrenstrand B. The Shaping of Czardom under Ivan Groznyj. Copenhagen, 1964.

Pelenski J. Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s). The Hague; P., 1974.

Rasmussen K. Die Livlandisch Krise 1554–1561. Kobenhavn, 1973.

Svensson S. Den merkantila backgrunden till Russlands onfall pa den Livlandska ordensstaten 1558. Lund, 1951.

Vernadsky G. A History of Russia. The Tsardom of Moscow. Part I. New Haven; L., 1969.

СОДЕРЖАНИЕ

«Был поп Селивестр...»	5
СИЛЬВЕСТР: ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (источники и историография)	9
ВВЕДЕНИЕ	11
Глава I ОТРАЖЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИЛЬВЕСТРА В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ	15
Глава II ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ СИЛЬВЕСТРА ..	35
Глава III УЧАСТИЕ СИЛЬВЕСТРА В ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ 50-х гг. XVI в.	78
Глава IV ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИЛЬВЕСТРА В КОНЦЕ 40–50-х гг. XVI в.	108
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	135

Приложение 1

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОЧНИКОВ О НАЧАЛЕ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА АДАШЕВА И СИЛЬВЕСТРА	142
--	-----

Приложение 2

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КНИГАХ БИБЛИОТЕКИ НАСТАВНИКА ИВАНА ГРОЗНОГО И АВТОРА «ДОМОСТРОЯ» СИЛЬВЕСТРА	156
--	-----

Приложение 3

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ БИБЛИОТЕКИ НАСТАВНИКА ИВАНА ГРОЗНОГО СИЛЬВЕСТРА	159
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	167
БИБЛИОГРАФИЯ	169

Издательство



К В А Д Р И Г А

По вопросам оптового приобретения книг издательства в Петербурге обращайтесь в Торговый Дом «Гуманитарная Академия» Санкт-Петербург, ул. Сестрорецкая, д. 8 (ст. метро «Черная Речка», полуподвал, вход с ул. Академика Шиманского). Тел./факс: (812) 430-99-21 E-mail: gumak@mail.ru. Сайт: www.humak.ru

Мы предлагаем магазинам, библиотекам и книготорговым организациям все лучшее и наиболее качественное из мира научно-гуманитарной (история, философия, социология, психология, культурология, литературоведение и т. п.) и некоммерческой художественной литературы. В числе наших партнеров более 100 издательств России, книгами которых мы торгуем по издательским ценам. Если вы хотите работать с ассортиментом немассового спроса или приобретать книги, которые не представлены в сетевых магазинах, обращайтесь к нам!

- Торговля оптом и в розницу
- за наличный и безналичный расчет
- Комплектование библиотек
- Работа по заказам
- Индивидуальный подход в системе скидок

По вопросам оптового приобретения книг издательства в Москве обращайтесь в «Издательско-торговый дом гуманитарной книги “Гнозис”» Москва, Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел./факс: 8(499) 255-77-57. E-mail: gnosis@pochta.ru

Издательство



К В А Д Р И Г А

**Книжные новинки издательства
представлены в киоске**

Государственного института искусствознания
Москва, Большой Козицкий переулок, д. 5
(ст. метро «Чеховская», выход в сторону
Музыкального театра им. К. С. Станиславского
и В. И. Немировича-Данченко).

Тел./факс: (495) 692-29-39

E-mail: kiosk_gii@sias.ru

Доставка книг издательства по Москве
и почтовая рассылка по России:

Тел./факс: 8 (925) 621-13-49, (926) 448-20-58.

E-mail: a.bikov48@mail.ru

Курукин Игорь Владимирович

**ЖИЗНЬ И ТРУДЫ
СИЛЬВЕСТРА,
наставника
царя Ивана Грозного**

Ответственный за выпуск *И. А. Тихонюк*
Художественный редактор *Н. А. Шакиров*
Корректор *М. Г. Смирнова*
Верстка *Н. А. Шакиров*

Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 12. Тираж 600.
Заказ 1651.

Издательство «Квадрига»
kvadriga-izdat.ru

ISBN 978-5-91791-172-4



Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Особое место в истории России занимает середина XVI в. – важный этап образования централизованного государства, отмеченный крупными успехами во внешней политике, подъемом общественной мысли и культуры.

Работа посвящена деятельности публициста и ближайшего советника Ивана IV – священника Сильвестра. Грозный и Курбский указывали на его исключительное положение как одного из руководителей правительства в 50-е гг. XVI в., которое сменил опричный террор.

С Сильвестром связывают создание выдающихся памятников литературы и искусства (Домостроя, Степенной книги, росписей кремлевских палат), идеологически обосновывавших могущество царской власти.

Классическая диссертация И. В. Курукина (1981) охватила все известные на тот момент источники и ввела в оборот новые. Автор смог нарисовать портрет выдающегося государственного деятеля и существенно уточнить ход исторического развития России середины XVI в.



ISBN 978-5-91791-172-4



9 785917 911724